

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2021 Vol. 4 №1 (11)

Журнал *Caucasian Science Bridge*

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

07.00.00 «Исторические науки и археология»,

22.00.00 «Социологические науки», 23.00.00 «Политология».

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Данное магистральное направление сочетается с немаловажной миссией журнала, связанной с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки, что предполагает возможность публикации в данном издании исследований других регионов современного мира в координатах профиля журнала. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

22.00.00 “Sociological Sciences”,

23.00.00 “Politics”, 07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and socio-cultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. This tramline is combined with the mission of the journal: to create an intellectual and discussion platform. Consequently, the articles dedicated to other regions of the world, written within the framework of the journal profile are published. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 11.03.2021. Подписано в печать 29.03.2021 Выход в свет 31.03.2021.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 8,25. Тираж 550 экз. Заказ № 82.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российской академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кузнецов Аркадий Вячеславович – Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Aleksandr Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Dyatlov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, G.R.Derzhavin Tambov State University, Tambov Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Kuznetsov Arkady Vyacheslavovich – Tyumen State University, Tyumen, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ДАГЕСТАН В ФОКУСЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Гимбатова М.Б.

Кузнечное ремесло в Дагестане (XIX – начало XX в.) 10

Ramazanov R. O.

Muslim Education in the Modern Educational Space: State
and Assessment (on the Example of the Mosque Schools of Dagestan) 18

Шахбанова М.М.

Отражение социально-экономического положения городского
населения Дагестана на состоянии межнациональной сферы 30

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕГИОНА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Бештоков М.В.

Социализация молодежи в компьютерно-интерактивной
социальной системе: социальные институты
и риски коммуникации 46

Богданова О.В.

Влияние технического обеспечения онлайн-обучения
на социализацию студентов 52

Загирова Э.М.

Семейные ценности и традиции: роль и функции
(на примере Дагестана) 58

Валитова Е.Р.

Анализ управленческих структур
и организационно-управленческих практик
противодействия терроризму в студенческой среде
системы высшего образования Минобрнауки России 70

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Берсиров Б.Т.

Стимулирование предпринимательской активности
как менеджеристский инструмент управления высшей школой ... 76

Ходанович В.Н.

Теория идеологии Алвина Гоулднера 84

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Первякова Р.Н.

Анализ развития третьего сектора в России и Европе 92

Информация для авторов 99

CONTENTS

DAGESTAN IN THE FRAMEWORK OF SCIENTIFIC DISCOURSE: HISTORY AND MODERNITY

Gimbatova M.B.

Blacksmithing in Dagestan (XIX – early XX century) 10

Ramazanov R. O.

Muslim Education in the Modern Educational Space: State
and Assessment (on the Example of the Mosque Schools of Dagestan) 18

Shakhbanova M.M.

Reflection of the Socio-Economic Situation of the Urban
Population of Dagestan on the State of the International Sphere 30

SOCIAL INSTITUTIONS OF THE REGION: PAST, PRESENT, FUTURE

Beshtokov M.V.

Socialization of Youth in a Computer-Interactive Social System:
Social Institutions and Communication Risks 46

Bogdanova O.V.

The Impact of Technical Support for Online Learning
on Students' Socialization 52

Zagirova E.M.

The Role and Functions of Family Values and Traditions
(Case Study of Dagestan) 58

Valitova E.R.

Analysis of Management Structures and Organizational
and Managerial Practices of Countering Terrorism
in the Student Environment of the Higher Education System
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation 70

DISCUSSION TRIBUNE

Berserov T.B.

Stimulating Entrepreneurial Activity
as a Managerial Tool for Managing Higher Education 76

Khodanovich V.N.

Alvin Gouldner Theory of Ideology 84

YOUTH FORMAT

Pervyakova R.N.

Analysis of the Third Sector Development in Russia and Europe 92

Information for authors 99

**ДАГЕСТАН В ФОКУСЕ
НАУЧНОГО ДИСКУРСА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

УДК 316.774

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.1

Кузнечное ремесло в Дагестане (XIX – начало XX в.)**М.Б. Гимбатова***Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
г. Махачкала, Россия*

Аннотация: Статья посвящена одному из древних видов ремесел народов Дагестана – кузнечному делу. Объектом данного исследования является кузнечное ремесло народов Дагестана. Предметом исследования выступает технологический процесс изготовления и обработки металла. Хронологические рамки исследования охватывают XIX – начало XX в. – период интенсивного развития металлообработки в горах и широкого распространения в равнинной части Дагестана железных сельскохозяйственных орудий, поставляемых из российских городов. Методологической и теоретической основой исследования является принцип историзма, исторической реконструкции и историко-сравнительный методы. В рамках данного исследования поставлены следующие задачи: проследить развитие кузнечного ремесла у народов Дагестана; показать технологический процесс производства металла; выявить основные центры металлообработки; представить ассортимент изготавливаемых металлических изделий. Их решение позволит реконструировать кузнечное ремесло в Дагестане в XIX – начале XX века. Исследование показало, что кузнечное ремесло наибольшее распространение получило в горах, этому способствовало малоземелье, избыточность рабочих рук, наличие сырья, труднодоступность населенных пунктов, удаленность от крупных торговых центров, где можно было приобрести привозной металл. Отличительных особенностей в процессе добычи железной руды, выплавке и изготовлении сельскохозяйственных орудий труда из металла не обнаружено, он везде проходил одинаково, но признанным центром металлообработки являлся Харбук. Статья восполнит пробелы в исследовании ремесел и промыслов народов Дагестана, в частности кузнечного. На фоне глобализационных процессов, когда традиционные промыслы и ремесла на грани исчезновения, исследование традиций металлообработки у народов Дагестана имеет большое научно-практическое значение.

Ключевые слова: Дагестан; кузнечное дело; кузнец; сельскохозяйственные орудия труда; инвентарь; оружие; центры металлообработки; рынки сбыта.

Для цитирования: Гимбатова М.Б. Кузнечное ремесло в Дагестане (XIX – начало XX в.) // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 10–17.

Blacksmithing in Dagestan (XIX – early XX century)**Madina B. Gimbatova***Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia*

Abstract: The article is devoted to one of the ancient types of crafts of the peoples of Dagestan – blacksmithing. The object of this study is blacksmith production of the peoples of Dagestan. The subject of the study is the technological process of metal manufacture and processing. The chronological framework of the study covers the XIX – early XX centuries. – a period of intensive development of metalworking in the mountains and the widespread distribution in the lowland part of Dagestan of iron agricultural tools supplied from Russian cities. The methodological and theoretical basis of the study is the principle of historicism, historical reconstruction and historical and comparative methods. Within the framework of this study, the following tasks were set: to trace the development of blacksmith craft among the peoples of Dagestan; show the process of metal production; identify the main metalworking centres; present the assortment of manufactured metal products. Their decision will allow to reconstruct the blacksmith craft in Dagestan in the XIX – early XX centuries. The study showed that blacksmith production was most widespread in the mountains, this was facilitated by low land, redundancy of workers, availability of raw materials, inaccessibility of settlements, distance from large shopping centers where imported metal could be purchased. There were no distinctive features in the process of mining iron ore, smelting and manufacturing agricultural tools from metal, it went the same everywhere, but Harbuk was the recognized center of metalworking. The article will fill the gaps in the study of crafts and crafts of the peoples of Dagestan, in particular blacksmith. Against the background of globalization processes, when traditional crafts and crafts are on the verge of extinction, the study of metalworking traditions among the peoples of Dagestan is of great scientific and practical importance.

Keywords: Dagestan; blacksmithing; blacksmith; agricultural tools; inventory; weapons; metalworking centers; sales markets.

For citation: Gimbatova M.B. Blacksmithing in Dagestan (XIX – early XX century // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 10–17.

Народы Дагестана издавна занимались различными видами промыслов и ремесел. Широкая сырьевая база, господство натурального и полунатурального типа хозяйства, неблагоприятные природно-географические условия для развития земледелия, отдаленность пахотных и сенокосных угодий от поселений, экстенсивное производство, несовершенные орудия труда, натуральное хозяйство, наличие свободной рабочей силы, способствовали развитию ремесел, переросших в промыслы, ставшие чуть ли не основной сферой деятельности населения отдельных селений.

Одним из распространенных видов ремесленного производства было кузнечное дело, которое было развито в отдаленных аулах, не имевших прямого выхода к крупным торговым центрам, слабо втянутых в рыночные отношения. В условиях отсутствия поставок железа для изготовления сельхозорудий и других предметов домашнего обихода, местные кузнецы были вынуждены самостоятельно добывать железо и заниматься металлообработкой, выполняя запросы населения. Цель статьи – показать развитие кузнечного производства в Дагестане, выявить основные центры металлообработки, показать технологический процесс изготовления металла. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в горной части Дагестана, слабо втянутой в товарно-денежные отношения, на протяжении XIX – начала XX века продолжали изготавливать и использовать в домашнем хозяйстве металлические сельскохозяйственные орудия труда и инструменты местного производства. Методологической основой исследования послужил принцип историзма, исторической реконструкции и историко-сравнительный методы. Актуальность статьи заключается в том, что несмотря на достаточную изученность традиционных промыслов и ремесел народов Дагестана, кузнечное ремесло остается малоисследованной темой. В рамках данной работы автор впервые предпринял попытку обобщить, имеющиеся разрозненные сведения о кузнечном деле в Дагестане и представить наиболее полную картину развития кузнечного ремесла в регионе. Научно-практическая значимость заключается в том, чтобы возрождая традиционные ремесла и промыслы народов Дагестана, в частности способы добычи железной руды и металлообработки, вызвать интерес у подрастающего поколения к исконным занятиям предков, возродить кузнечное ремесло и тем самым создать условия для развития въездного и внутреннего туризма.

Продукция кузнечного производства шла как на удовлетворение нужд местных жителей, так и на продажу. Кузнецы занимались изготовлением сельскохозяйственных орудий (железные плуги, серпы, косы, лопаты), металлических частей к средствам передвижения, оружия (кинжалы, ножи), предметов домашнего обихода (кухонная утварь).

В Дагестане металл производили повсеместно. Но несмотря на это, выделялись центры по добыче и обработке железа. Так, среди даргинских центров металлообработки железа выделялось селение Харбук, ставшее в XIX в. крупным центром кузнечного производства всего Дагестана. Мастера кузнечного дела из Харбука изготавливали металлические части для плугов, ручные инструменты для сенокосения, орудия для обработки земли, топоры, секачи, подковы, замки для сундуков, сараев, печные устройства, домашнюю утварь, капканы и т.д. Так как традиции изготовления орудий земледелия в Харбуке были известны давно, заказывать лемеха, плуги, всевозможные кирки, мотыги, лопаты сюда приезжали со всего Дагестана.

В харбукской кузнице, кроме мастера «хула уста», работали подмастерья «шигирт», молотобойцы «кьякьрута», поддувальщики «пушшикIчи», ученики. Известные мастера (хула уста) ставили на свои изделия личное клеймо.

Кузница располагалась на первом этаже жилого дома и реже отдельно от дома. Она представляла собой небольшое помещение. В углу кузницы располагались меха «пушшикI», при помощи которых через сопла нагнетался воздух в горн для поддер-

жания огня. Меха были двух видов: большие меха, в виде двух спаренных мехов (для работы двумя руками) и меха меньшего размера, которые использовались для накачивания небольших предметов. Горн «пушшикІла анкъи» находился перед мехами. Через сопла в горн нагнетался воздух. Над горном имелось вытяжное отверстие. Главной принадлежностью кузницы являлась большая наковальня «уцца» (Юсупов, Муталимов, 1997. С. 80-82).

Набор инструментов харбукских кузнецов состоял из молотов и молотков всевозможных форм и размеров «кьякъ», набора стержней «ттанак» разной длины и толщины, конструкции для перфорации или чеканки меток на изделия «укабилццан», ручных ножниц для резки металла «ляпІци», клещей «къямцІа» разных конфигураций и габаритов, в том числе клещей с особыми обхватами для захвата раскаленных кусков металла, набора напильников «мехІлукан», набора зубил «бурусса», наковальни «уцца» различных, лопатообразной кочерги с деревянной ручкой «квяххи», ковшика для угля «кьям», меха всякого рода (одинарные и двойные) (Гаджиева, Османов, Пашаева, 1967. С. 45).

Металл харбукцы выплавляли из железных руд, привозимых из сс. Диблук и Кала-Корейш. Для производства металла в обмазанной глиной яме и выложенной огнеупорными камнями, связанную с мехами, заполняли древесным углем, потом рудой и опять углем. С помощью поршней, приводимых в действие руками, меха нагнетали яму воздухом в течение 24 часов. После небольшого перерыва яму снова наполняли воздухом, а затем остужали и доставали из нее слиток металла. Таким же способом изготовление железа происходило и в соседнем селении Амузги. Здесь больше изготавливали такие бытовые изделия, как серпы, косы, топоры, подковы и т.д. Незначительное кузнечное производство было и в некоторых других даргинских селениях, таких как Цудахар, Тама, Баршамай, Адага, Дайбук, Чидик. Кузнецы из этих селений в основном выполняли заказы местных потребителей, что говорит об уровне ремесленного характера металлообработки (работа на заказ) (Алиев, 1972. С. 73-74). Кстати, доход среди работников одной мастерской распределялся следующим образом: из 45-50 коп. около половины (20-25 коп.) получал мастер (хула уста – старший мастер), 10 – подмастерье (шигирт), столько же молотобоец (кьякърута) и 5 коп. – поддувальщики (пушикчи) (Гаджиева, Османов, Пашаева, 1967. С. 45).

В с. Куппа, несмотря на развитость ремесленного производства, кузнечное дело было не так сильно распространено. В посемейных списках жителей с. Куппа за 1886 г. упоминается имя только одного кузнеца. Позже в качестве одного из видов работ по металлу здесь сохранилось производство железных печей и труб для них (Омаров, Сефербеков, 1996. С. 177). Такая ситуация складывалась во многих селах Даргинии.

Обработка металла получила развитие и в Нижне-Мулебкинском обществе, жители которого занимались ею еще в древности. Местные кузнецы «миргъла устни» производили серпы «мирш», косы «къявлякъуби», мотыги «газни», топоры «бурдни», лопаты «кІатІни», ножницы для стрижки овец «лухІци», шипцы «къямцІа» и т.д. По сведениям Кавказского статистического комитета, еще в 80-е годы XIX в. в Нижне-Мулебкинском обществе работал 31 кузнец, в то время как в таком большом обществе, как Меусиша, их было всего 4, в Дейбукском обществе – 7, Мургуке и Кана-Сираги по 2, а в Мугри, Герга, Бускры, Цизгари не было ни одного кузнеца (Омаров, Сефербеков, 1996. С. 180).

Кузнечное дело, хотя и в меньшей степени, чем в Нижне-Мулебкинском обществе, было развито и в центре Союза сельских обществ – сел. Урахи, где, по данным вышеуказанной комиссии, работало 17 кузнецов (Омаров, Сефербеков, 1996. С. 181).

Кузнечным ремеслом занимались и в каждом более-менее крупном селении Аварии. Аварские мастера специализировались как на изготовлении новых, так и по-

чинке старых орудий сельскохозяйственного и ремесленного производства. Кузнецы имели разное социально-общественное положение в обществе. Общественные кузнецы находились на службе общины и изготавливали сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода для жителей селения. Устанавливалась одинаковая оплата для всех хозяйств, независимо от того, выполнил работы кузнец для этого дома или нет. Ближе к центру аула для кузнеца джамаат (общество) строил кузницу. Кузницу строили небольших размеров, у северной стены помещения устанавливали стол, поверхность которого обмазывали глиной – горн, сбоку от него пристраивали мех – приспособление с растягивающимися кожаными складчатыми стенками для нагнетания воздуха. Центральное место стола-горна занимал очаг, над которым устанавливали зонт – вытяжку для выхода дыма, к горновому гнезду (очагу) сбоку-снизу подводили узкий керамический отвод, по которому поступал воздух из меха, объем поступающего воздуха зависел от скорости работы меха, для чего к задней широкой части нижней плоскости его крепилась веревка, соединенная с жердью, которая при движении по вертикали выталкивала воздух. Подача воздуха в мех, а затем в очаг происходила за счет клапанов. Главным опорным предметом служила наковальня, которую ставили сбоку-спереди горна таким образом, чтобы кузнец, стоя за наковальней, мог беспрепятственно взять щипцами изделие из очага и положить его перед собой. Наковальня устанавливалась на массивный высокий пень, наполовину находящемуся в земле, на уровне пояса кузнеца. Как правило, обычная наковальня была двурогая, но встречались и других форм и размеров. Пространство у наковальни должно было быть столько, чтобы одновременно могли работать и кузнец, и молотобоец (*Исламгагомедов, 2002. С. 121-122*).

Перед горном всегда стояло каменное корыто с водой для выхолаживания кузнечных приспособлений и закаливания изделий. За горном, в углу, находился ящик с углем. Основными инструментами кузнеца были молоты разногабаритные, плоскогубцы, зубила, пробойники, напильники, ножницы по металлу, тиски (*Исламгагомедов, 2002. С. 122*).

Для придания изделию определенной формы кузнец мог отсечь, осадить, протянуть, пробить, согнуть, скрутить, уплотнить, сварить металл. Особого внимания заслуживает сварка – соединение двух заготовок, нагретых до определенной температуры, с помощью ударов. В Куяда, Чохе, Согратле, других аварских селениях применяли способ сварки внахлест, для этого концы металла нагревали, складывали и, нанося методичные удары, скрепляли, так, что шов был не виден. Соблюдался и температурный режимковки, его определяли визуально по цвету калиния (*Исламгагомедов, 2002. С. 123*).

Другая категория кузнецов относилась к свободным мастерам, работавших на рынок или по заказу. Обеспечением всем необходимым для работы они занимались самостоятельно. Большинство кузнецов занималось исключительно своим ремеслом, для выполнения хозяйственных работ они нанимали работников. Помимо необходимых в хозяйственной деятельности орудий труда и предметов домашнего обихода кузнецы изготавливали кованые художественные изделия: светильники на трех ножках с листовидными чашами, надочажные цепи, ограды для балконов, цепевидные застежки на воротах из скрученных прутьев, кольца-ручки для ворот, уздечки. Наиболее трудоемким процессом была выковка цепи (*Исламгагомедов, 2002. С. 121-123-124*).

В начале XIX в. в Аварии стал ощущаться дефицит железа и его стали привозить из Кизляра, Астрахани и других городов России. Особенно остро нехватка железа ощущалась в период Кавказской войны и отдельные мастера пытались получить его на месте. Приведем содержание одного документа. В 1845 г. попал в плен солдат пол-

ка гр. Румянцева Петр Пятерников, бывший мастеровой уральских горных заводов. В плену женился и вместе с женой бежал к Шамилю от преследований своего господина. По приказу Шамиля П. Пятерников построил в Ведено печь диаметром в 1 сажень (более 2 м), высотой две сажени (ок. 2,5 м), коническую, с верхним отверстием в 1 аршин (70 см). В печь по специальным деревянным трубам мехами нагнетался воздух. Полученный чугун тут же доводился до железа. С 6 пудов руды печь давала 1 пуд металла. Всего в Ведено от этой печи было получено 37 пудов 30 фунтов железа (604 кг). П. Пятерников был награжден и объявлен свободным. Оборудование вскорости пришло в негодность (*Свод наблюдений, 1860. Л. 10-11*).

Мастера по металлообработке имелись и в обществах Дидо. Добыча железа здесь была известна с глубокой древности. Это подтверждают археологические находки, найденные на территории Дидо, относящиеся ко II пол. I тыс. до н.э. (*Лугуев, Магомедов, 2000. С. 42*).

Распространению кузнечного ремесла в дидойских селениях способствовало наличие на их территории крупных залежей железной руды. Существовали даже целые тухумы, которые занимались исключительно кузнечным делом. Так, например, в с. Берих представители тухума «Бургъабек1ал» имели свои кузницы в 11 близлежащих селениях и обеспечивали их население сельскохозяйственным инвентарем. А поселение Г1алъухъч1а в прошлом славилось своими мастерами-оружейниками, изготовлявшими ружья «туп» и пистолеты «чахъма» (*Лугуев, Магомедов, 2000. С. 43*).

Нехватку металлических изделий население Ахваха восполняло за счет труда местных кузнецов «енху». Работа кузнецов не была отделена от их основных сельскохозяйственных занятий, кузнечным делом они занимались по мере поступления заказов от местных жителей и населения соседних селений и хуторов. В основном это был сельскохозяйственный инвентарь и мелкие предметы домашней утвари из меди. Крупные медные изделия, такие как водоносные кувшины, медные котлы, подойники приобретались на рынках или у приезжих лакских торговцев (*Лугуев, 2008. С. 58*).

Умели ахвахские кузнецы выплавлять сталь «чара» и бронзу «лези», из которых ковалось холодное и огнестрельное оружие. Большим спросом у местного населения пользовались сельхозорудия, которые изготовлялись в каждом селении – лемех «къобо», мотыга «маг1ал», лопата «беле», вилы «к1ванкъа», серп «хав рицел», топор «анжит» и др. Местные кузнецы производили также миски, подносы, кастрюли «хъаге», подковы «л1але» и гвозди к ним «л1але к1обдоб гъанк1ва». Кузнецы («кубаль устар» или «къебед» букв. «железный мастер») в основном выполняли заказы местных жителей. Свое мастерство они передавали по наследству (*Лугуев, 2008. С. 58*).

Каждый мастер имел свою кузницу «ганхурь». Главным оборудованием мастерской были горн с мехами «перело» с острым концом, изготовленными из кожи быка или буйвола в виде гармошки и производимые и движение шнурком, привязанным к верхнему концу «перело»: наковальня, клещи, точило, молот и сосуд для воды. В качестве топлива применяли древесный уголь, который ссыпали в специальное гнездо, расположенное перед горном. По сведениям 90-х годов XIX в., в Кичралалском обществе было 5 кузнецов. В основном они находились в наиболее крупных селениях: в Карате, Анчихе, Алаке, Верхнем Инхело, Хелетури. В целом, в рамках натурального хозяйства, населения общества Каралал занималось разнообразными промыслами (*Лугуев, Магомедов, 2009. С. 68*).

Кузнечное ремесло («эхун») было развито и у ботлихцев. Специалисты по этому ремеслу в основном работали на заказ. Они занимались изготовлением сельскохозяйственного инвентаря: мужские серпы (чабаги), женские (хандеро), лемехи (къубу), лопаты (рехин), топоры (курт1а), мотыги (гач1а) и др. Кузнецы в основном плату

получали натурой (зерном, фруктами). Согласно преданию в Ботлихе в прошлом были также оружейники, мастера по изготовлению холодного и огнестрельного оружия: винтовок (томонги), пистолетов (хъирим), сабель (халчану), кинжалов (ханжар), ножей (бесун) (Алимова, Магомедов, 1993. С. 44).

Металлообработкой занимались и гунзибцы. По сведениям информаторов, селение Шималы (ныне не существующее) было крупным центром металлообработки (Ризаханова, 2001. С. 37).

Кузнечный промысел получил распространение и у лакцев. Особо развит он был в сс. Кая, Куркли, Унцукатль, Кумух, Табахлю, Мукар, Марки, Убра, Ури, Буртни, Варай, Ханар, Хути и Шали. О распространенности этого промысла в Лакии свидетельствует и лакская пословица: «Къазунну зурча лурзи махгу гъагъайссар» (Если работать не так, как надо, можно и наковальню сломать) (Булатова, 2000. С. 152).

Глубокие корни металлообработка имеет и у лезгин. На это указывают многочисленные археологические находки, найденные на территории их постоянного проживания. Так, Мугерганский могильник и его инвентарь (разнообразные изделия из бронзы и железа) характеризуют местную культуру периода от поздней бронзы к раннему железу (рубеж III тысячелетия до н.э.) (Пикуль, 1959. С. 2-8). В различных погребениях Макинского поселения, относящегося к VII-IV вв. до н.э. (период раннего железа), обнаружено множество изделий из железа – обломок меча, обломки ножей, изделия из сплава свинца и олова, различные украшения из бронзы и железа и т.д. (Котович, 1959. С. 142).

Литьем металла занимались в высокогорном Куруше, Микрахе, Хлюте и прочих лезгинских поселениях. Выплавляли железную руду примитивным сыродутным способом с помощью мехов. Для ее выплавки использовалась как местное, так и привозное сырье, поставляемое из Передней Азии и России (Агаширинова, 1978. С. 90).

Во всех лезгинских селениях имелись кузнецы («чатухъан»), изготавливавшие все необходимые в хозяйстве изделия домашнего обихода и сельскохозяйственные орудия. (Ризаханова, 2005. С. 72). Небольшие кузнечные цеха, принимавшие заказы имелись и в Кубе, Касумкенте, Ахтах.

Кузнечным ремеслом занимались и кумыки. Вымытую, высушенную, раздробленную и смолотую на ручной мельнице руду обжигали на открытом костре, а затем плавляли в глиняных сосудах типа «къазан», после чего образовавшийся металл подвергали многократной проковке. Руду добывали близ с. Карабудахкент и пастбищного поля Гейик Салган, у Верхнего Казанища (в местностях Ачилибет, Барагъан-озень), у сс. Атлыбуйун, Капчугай, Башлы (Гаджиева, 1961. С. 93-94).

Таким образом, многие центры кузнечного ремесла в Дагестане развивались на базе местной металлургии. Но уже к концу XVII в. готовое железо стало ввозиться в Дагестан из Ирана и Закавказья, а с XVIII в. железо в готовом виде привозилось из России, что привело к затуханию местных железорудных промыслов. Ввозимое железо стоило дорого, а добываемое на местах обменивалось на курдюк или вяленое мясо по весу один к одному. Дороговизну железа можно объяснить еще и нехваткой каменного угля, добываемого в труднодоступных местах межскальных пластов.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что горная зона Дагестана являлась центром металлообработки в силу наличия сырья, отдаленности от торговых центров, дефицита земельных угодий пригодных для занятия земледелием, избытка рабочих сил. Все эти факторы вызывали потребность в создании собственной базы по добыче железа и металлообработке и выделения кузнечного ремесла в отдельную, а в некоторых селениях и в главную отрасль хозяйства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Гимбатова Мадина Багавутдиновна**

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
E-mail: gimbatova@list.ru

Gimbatova Madina Bagavutdinovna

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS
E-mail: gimbatova@list.ru

Литература

1. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – нач. XX в. М.: Наука, 1978. 303 с.
2. Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв.: Очерк социально-политической истории / Отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Махачкала: ИИЯЛ, 1972. 224 с.
3. Алимова Б.М. Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993. 190 с.
4. Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование. (XIX – начало XX вв.). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2000. 387 с.
5. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 387 с.
6. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. 299 с.
7. Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. Махачкала, 2002. 431 с.
8. Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. 1. Махачкала, 1959. С. 121-156.
9. Лугуев С.А. Ахвахцы. Историко-этнографическое исследование. (XIX – начало XX в.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. 385 с.
10. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2000. 206 с.
11. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Каралал (каратинцы): Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ), 2009. 248 с.
12. Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Аул Куппа: историко-этнографические очерки. XIX-XX вв. Махачкала, 1996. 381 с.
13. Пикуль М.И. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 году // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Д. 2641. С. 9-16.
14. Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. 189 с.
15. Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ИД Эпоха, 2005. 312 с.
16. Свод наблюдений за 1860 год по местам Терской области в горном отношении. сост. инж. шт.-кап. гилевм // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 10-11.
17. Юсупов Х.А., Муталимов М.А. Харбукуцы. Махачкала: ИПО Юпитер, 1997. 592 с.

References

1. Agashirinova S.S. (1978). Material culture of the Lezghins XIX – early XX century. Moscow: Nauka, 303 p.
2. Aliev B.G. (1972). Kaba Dargo in the 18th-19th centuries: Essay on socio-political history / Otv. ed. A.R. Shikhsaidov. Makhachkala: IYAL, 224 p.
3. Alimova B.M. Magomedov D.M. (1993). Botlikh people. XIX – early. XX century. Historical and ethnographic research. Makhachkala, 190 p.
4. Bulatova A.G. (2000). Laks. Historical and ethnographic research. (XIX – early XX centuries). Makhachkala: DSC RAS Publishing House, 387 p.

5. Gadzhieva S.Sh. (1961). Kumyks. Historical and ethnographic research. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 387 p.
6. Gadzhieva S.Sh., Osmanov M.O., Pashaeva A.G. (1967). Material culture of the Dargins. Makhachkala, 299 p.
7. Islammagomedov A.I. (2002). Avars. Historical and ethnographic research. XVIII – early. XX century. Makhachkala, 431 p.
8. Kotovich V.G. (1959). New archaeological sites of Southern Dagestan // MAD. 1. Makhachkala, P. 121-156.
9. Luguev S.A. (2008). Akhvakh people. Historical and ethnographic research. (XIX - early XX century). Makhachkala: IIAE DSC RAN, 385 p.
10. Luguev S.A., Magomedov D.M. (2000). Didoians (tsez). Historical and ethnographic research. XIX - early XX century. Makhachkala, 206 p.
11. Luguev S.A., Magomedov D.M. (2009). Karalal (karatintsy): Historical and ethnographic research. XIX - early XX century. Makhachkala: IP Ovchinnikov (ALEF), 248 p.
12. Omarov I.I., Seferbekov R.I. (1996). Aul Kuppa: Historical and Ethnographic Essays. XIX-XX centuries. Makhachkala, 381 p.
13. Pikul M.I. Results of archaeological exploration in Southern Dagestan in 1959 // Manuscript collection of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. D. 2641.P. 9-16.
14. Rizakhanova M.Sh. (2001). Gunzibians. XIX – early XX century Historical and ethnographic research. Makhachkala, 189 p.
15. Rizakhanova M.Sh. (2005). Lezgins. XIX – early XX century Historical and ethnographic research. Makhachkala: Epoch Publishing House, 312 p.
16. A set of observations for 1860 in the places of the Terek region in mountain relations comp. Ing. piece – cap. gilevm // Manuscript collection of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. F. 1. Op. 1.D. 67. L. 10–11.
17. Yusupov Kh.A., Mutalimov M.A. (1997). Kharbuktsy. Makhachkala: IPO Jupiter, 592 p.

Поступила в редакцию

2 февраля 2021 г.

УДК 316

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.2

**Muslim Education in the Modern Educational Space: State and Assessment
(on the Example of the Mosque Schools of Dagestan)****Rashid O. Ramazanov***Dagestan Federal Research Center**Makhachkala, Russia*

Abstract: The article examines the problem of Islamic education in modern Russian society. The increase in scientific interest in the issues of religious education is due to objective and subjective factors, such as the transformation of the foundations of Russian society, which naturally contributed to an increase in the mass consciousness of the importance of belief in supernatural forces. In other words, atheistic ideology was replaced by religious consciousness as an opportunity to fill the resulting vacuum. Of course, the religious revival had not only positive, but also negative consequences for Russian society, which were expressed in the manifestation of radical ideas in the public consciousness of the population. The author's sociological study of the initial segment of Muslim education has shown that the main reason for the increase in the importance of Muslim education lies in the observed revival of Islamic doctrine, respectively, and the strengthening of the role of non-Muslim clergy in Russian society. The results of the study show the prevalence in the positions of the surveyed expert community of judgments about the need to license the initial segment of Muslim education, however, on the aggregate of the two judgments, the opposite position dominates, which is against the introduction of the need for maktab to have a license to carry out educational activities.

Keywords: religion; Islam; Muslim education; Muslims; Dagestan society; educational process; mosque school; madrasah.

For citation: Ramazanov R.O. Muslim education in the modern educational space: state and assessment (on the example of the mosque schools of Dagestan) // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 18–29.

**Мусульманское образование в современном образовательном пространстве:
состояние и оценка (на примере примечетских школ Дагестана)****Р.О. Рамазанов***Дагестанский федеральный исследовательский центр**г. Махачкала, Россия*

Аннотация: В статье исследуется проблема исламского образования в современном российском обществе. Повышение научного интереса к вопросам религиозного образования обусловлено объективными и субъективными факторами, такими как трансформация устоев российского общества, что, естественно, способствовало усилению массового сознания важности веры в сверхъестественные силы. Другими словами, на смену атеистической идеологии пришло религиозное сознание как возможность заполнить образовавшийся вакуум. Конечно, религиозное возрождение имело не только положительные, но и отрицательные последствия для российского общества, которые выразились в проявлении радикальных идей в общественном сознании населения. Социологическое исследование начального сегмента мусульманского образования, проведенное автором, показало, что основная причина повышения значимости мусульманского образования кроется в наблюдаемом возрождении исламской доктрины, соответственно, и усилении роли немусульманского духовенства в России. Результаты исследования показывают преобладание среди опрошенного экспертного сообщества суждений о необходимости лицензирования начального сегмента мусульманского образования, однако по совокупности двух суждений преобладает противоположная позиция, которая выступает против введения необходимости наличия лицензии на право ведения образовательной деятельности.

Ключевые слова: религия; Ислам; мусульманское образование; мусульмане; дагестанское общество; учебный процесс; школа-мечеть; медресе.

Для цитирования: Рамазанов Р.О. Мусульманское образование в современном образовательном пространстве: состояние и оценка (на примере примечетских школ Дагестана) // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 18–29.

During the period of the religious renaissance, in this Islamic context, the problem of the formation, or rather the organization of high-quality Islamic education seems to be especially significant against the background of the increased activity of both the Muslim clergy and the desire of the people themselves to gain basic knowledge about Islamic doctrine, a change in attitudes towards interreligious marriage (*Zagirova, 2015 ; Zagirova EM, Chikaeva KS et al., 2019*), activating the problem of the formation of religious tolerance and interreligious tolerance in the mass consciousness (*Shakhbanova, 2007; Shakhbanova, 2009; Shakhbanova, 2011*).

In other words, "the democratization of society at the end of the twentieth century led not only to the implementation of the principles of freedom of speech, press and assembly, but also removed the de facto ban on freedom of conscience.... An integral part of this complex and ambiguous process was the creation of a network of maktabas, secondary and higher Islamic educational institutions, strengthening their educational and material base, recruiting teaching staff and much more" (*Aynutdinova, 2009*). As you know, in the Soviet period, the so-called "anti-Muslim" population professing Islam began, and of course, this process was characterized by different levels of intensity - if in Dagestan it proceeded less weakly, then in other republics of the Soviet Union, for example, the Volga region and the Urals, one could observe it acceleration, which was due to objective factors, in particular, their greater Europeanization, the level of socio-economic development, etc. (*Shangaraev, 2011*).

The increase in the importance of Muslim teachings, respectively, the desire of the population to join Islamic knowledge contributed to the fact that the state authorities, starting in 2007, began to provide greater support to Islamic educational centers, in particular, one can note the activities aimed at implementing a project to form, firstly, a system Islamic education, and secondly, providing Islamic organizations with the necessary personnel. Within the framework of the project, Islamic educational institutions began to train specialists in the history and culture of Islam.

Moreover, this program allowed solving a number of problems in teaching and methodological support, improving the qualifications of teachers, improving the organization of the educational process. In other words, the strengthening of the role of religion in modern Russian society, the emergence of religious extremism and terrorism, the involvement of the younger generation, and its educated stratum, into the ranks of terrorists and a number of other factors have negative consequences, in particular, they have destabilized not only the religious, but also the national spheres (*Shakhbanova, Shakhbanov, 2009*).

Therefore, it became necessary to regulate the problem of Muslim education at almost all levels - maktabas, madrasahs, universities / institutes in order to prevent negative trends in the public consciousness and behavior of people. One can agree with the opinion that "today the Russian ummah faces the most important task - to bring the curricula of Islamic educational institutions into norm ... We need specialists who are equally savvy in the field of religion and in secular disciplines" (*Aynutdinova, 2009*).

It was noted above that the beginning of the formation of the sphere of Islamic education in Russian society was laid in the 90s. XX century. The simultaneous desire to establish Muslim education and training in the regions of the spread of Islam was fraught with great difficulties, in particular, the lack of the necessary qualified teachers, material and technical base, etc. Therefore, the need to meet the needs of people to receive a Muslim education forced to attract the necessary specialists from abroad for this purpose, i.e. Arab countries. This circumstance (inviting foreigners to teach in Islamic educational institutions), as time has shown, had far-reaching negative consequences for the national security of the Russian state - the spread of Wahhabi ideology, the emergence of Islamic training centers that taught not only the basics of Islam, but also engaged in military training of trainees. etc.

Summarizing the above, it can be argued that in Russian science issues of Islamic education are widely developed and analyzed due to its specificity, the scale of its distribution, as well as the existence of many shortcomings in the Muslim education system (*Kovalchuk, 2009*). V. Yakupov considers the problem of Islamic education more broadly, who sees the strategic goals of Muslim education in the fact that “spiritual education should be based on the principles of openness to society, believers, the state, be modern, national in a good sense of the word, dynamic and competitive” (*Yakupov, 2005*).

When proclaiming the principle of openness, apparently, it is necessary to consider the consequences of this step. For example, as noted by Dagestani researchers of religious issues: the ideology of countering extremism and terrorism in the Republic of Dagestan should take into account the circumstance that associated with the foreign Islamic education of the Dagestanis.

Even during the period of tsarist Russia, it was known that in foreign educational institutions, Russian Muslims often acquire views and beliefs that are dangerous for the Russian state.

Empirical base of the research. A sociological survey to study the state of the educational process in the mosque schools of Dagestan was conducted in 2020 in the cities of Dagestan (Makhachkala, Khasavyurt, Derbent) and rural areas (Botlikh, Buinak, Kazbek, Khasavyurt) of the republic. Parents - 255 people, students - 444 people, experts - 59 people.

In the questionnaire of the expert survey on the study of the initial segment of Muslim education in Dagestan, questions were included to identify the reasons that contribute to the growth of interest in Islamic education in general (see Table 1).

Table 1.

Distribution of answers to the question: "What do you think is the reason for the increased interest in Muslim education in modern society?" (%)

Answer options	%
Revival of Islam and strengthening of the role of clergy in modern society	37,7
The desire of Muslim schools to stabilize the interreligious situation and ensure national security in modern Russian society	15,3
The activities of the local clergy and the Muftiate, striving through Muslim education to introduce the population to Islam	13,6
The desire of the children themselves to get the basics of Islamic teaching	11,9
the desire of parents to teach their children the basics of Islamic doctrine	10,2
The growing interest of civil society (public) about the activities of Muslim educational institutions (what they teach, how they teach, etc.)	8,5
Scientific interest to research the activities of Muslim educational institutions	7,1
The desire of the official authorities to control the Muslim educational process	3,4

The results of the survey show that the overwhelming majority of experts associate the increased attention to Muslim education in modern society with the Renaissance of Islam and the strengthening of the role of the clergy in modern society (37.7%); by education, the answers were distributed as follows: 20.0% of experts with an average, 10, 1% with secondary specialized and 48.7% with higher education. 15.3% of experts explain the growth of interest in Islamic education by the desire of Muslim schools to stabilize the interreligious situation and ensure national security in modern Russian society, of which 28.6% have primary Muslim education, 28.6% graduated from madrasah, 42.9% with higher education. Islamic education, as well as 33.3% with a secular secondary specialized and 66.7% higher education.

The activities of the local clergy and the Muftiate, seeking to introduce the population to Islam through Muslim education, were indicated by 20.0% of experts with secondary and 17.9% higher education, in religious education - 50.0% of those who graduated from

maktabs and have higher religious education. In terms of education, the desire of children themselves to acquire the foundations of Islamic teaching is shared by 28.6% of experts with a secular secondary, 42.9% with a specialized secondary and 28.6% with a higher education, as well as 33.3% with a religious secondary education. Further, the increased interest in Muslim education by the desire of parents to teach their children the basics of Islamic teachings was explained by 16.7% of experts with a secular secondary, 33.3% of specialized secondary and 50.0% of higher education, as well as 50.0% of those with primary and secondary education special Muslim education.

The interest of civil society (the public) to know about the activities of Muslim educational institutions (what they teach, how they teach, etc.) was indicated by 20.0% of experts with secondary specialized and 80.0% of higher education. The survey data show that, in general, experts are characterized by the designation of a variety of reasons, which contributes to an increase in interest in Muslim education in modern society.

Consideration of religious education in modern society naturally raises the question of the need for its licensing and accreditation, as well as identifying attitudes towards obtaining a license to carry out this form of education. The survey questionnaire included a question showing the opinion of experts on the licensing of maktabs (Table 2).

Table 2

Distribution of answers to the question: "What do you think, should mosque schools in Dagestan have a license to carry out Muslim education?" (%)

Answer options	%
Yes, to keep control of the training process, training programs, number of trainees, etc	30,9
Yes, this will help to avoid the formation of intolerance towards other religions in the public consciousness of students, it prevents the emergence of ideas of religious extremism	9,1
No, because according to the provision of the Constitution of the Russian Federation on the separation of state and religion, the state does not regulate the content of training in religious educational organizations	34,5
No, because it violates the constitutional rights of students to receive the knowledge they need, since enough strict state requirements for licensing educational activities do not allow mosque schools to comply with them	25,5

The experts interviewed (34.5%) believe that mosque schools in Dagestan are not required to have a license to carry out Muslim education in accordance with the provision of the Constitution of the Russian Federation on the separation of state and religion, the state does not regulate the content of training in religious educational organizations. Further, 30.9% of experts adhere to the opposite answer options "yes, in order to control the training process, training programs, the number of students, etc." and "no, because this violates the constitutional rights of students to receive the knowledge they need, since the rather strict state requirements for licensing educational activities do not allow the schools in the Mosque to comply with them" (25.5%).

At the same time, 9.1% of experts emphasize that licensing for the implementation of Muslim education will help to avoid the formation of intolerance towards other religions in the public consciousness of students, and prevents the emergence of ideas of religious extremism. If you look at the research data by age, then the experts' answers to the question "Do you think the mosque schools in Dagestan should have a license to carry out Muslim education?" show that the younger generation of experts emphasizes the need for a license to be able to control the learning process, training programs, the number of trainees, etc. - 42.9% of experts aged 20-30 years, 35.7% 31-40 years old, and a noticeably smaller part of them in the interval 41-50 years (14.3%) and 50 years and above (7.1%). Further, the answer is yes, this will help to avoid the formation of intolerance towards other religions in

the public consciousness of students, it prevents the emergence of ideas of religious extremism. It was noted by the same part of experts aged 20-30, 41-50 and 50 and above (16.7 %), in the context of 31 - 40 years they are noticeably more (50.0%).

At the same time, it can be noted that the expert community has a negative attitude towards licensing the Muslim educational process with the motivation that, according to the provision of the Constitution of the Russian Federation on the separation of state and religion, the state does not regulate the content of training in religious educational organizations and this thesis is shared by 31.3% at the age 20 - 30 years old and 31 - 40 years old, and slightly more of them among respondents from 41 - 50 years old (37.5%). It can also be noted that the older age group of experts notes another option for the answer - no, because this violates the constitutional rights of students to acquire the knowledge they need, since the rather strict state requirements for licensing educational activities do not allow the mosque schools to comply with them (57, 1% 31 - 40 years old) and almost 2 times smaller part at the age of 20 - 30 years (28.6%).

The survey data in the context of education show that 25.0% of experts with a secular secondary, 30.0% of specialized secondary and 76.5% of higher education, as well as 25.0% of those who graduated from maktab and 75.5% of madrasahs consider licensing of Islamic education is necessary because it will allow to keep under control the learning process, training programs, the number of trainees. At the same time, 10.0% of those with secondary specialized and 66.7% of higher education, as well as 50.0% of those with primary and secondary religious education, share the thesis that licensing will help avoid the emergence of religious intolerance, because the curriculum and its content.

At the same time, an equal part of experts with a secular secondary and secondary specialized (50.0% each), 61.1% with a higher education, 37.5% with a primary and 62.5% with a higher Islamic education do not see the need to obtain a license to exercise Muslim education; 25.0% with secondary, 10.0% with specialized secondary, 84.6% with higher education, as well as 50.0% of experts with secondary and higher religious education each motivate their negative attitude towards licensing Islamic education by violating the constitutional human right to receive them knowledge of the basics of Islam. The average indicator of a positive attitude towards licensing of Islamic education is 31.5%, negative is 42.6%, which shows the existence of a generally negative attitude towards licensing of the Muslim educational process. The raising of the issue of licensing naturally raises the issue of accreditation of the Muslim educational process.

At the same time, it is necessary to clearly outline the difference between these concepts. Thus, a license for educational activities is a document that gives an organization the right to carry out educational activities on the territory of the Russian Federation. A license is required for organizations and educational institutions that implement educational programs in any format: remotely or in person. Do not confuse the license for the right to conduct educational activities with state accreditation, which confirms the compliance of educational programs of the organization with federal state educational standards of educational activities, and the license is a confirmation of the legality of the implementation of educational activities. K.I. Nasibullov in his article "Public accreditation in the field of Muslim education: the path to openness" (*Nasibullov, 2014*) considered in detail the issue of accreditation of religious education. According to the "Law on Education in the Russian Federation" (Art. 92, p. 2): "The purpose of state accreditation of educational activities is to confirm compliance with federal state educational standards of educational activities in basic educational programs and training of students in educational institutions, organizations providing training, as well as individual entrepreneurs, with the exception of individual entrepreneurs who carry out educational activities directly" (*Nasibullov, 2014*).

It is generally recognized that the accreditation procedure is a modern and effective tool for assessing the quality of education, it has become widespread in the world and there is a huge positive experience in its use (Yakimova, 2012). Such a situation in the religious sphere of education lends itself to explanation: first, the provision of the Constitution on the separation of the state and religion should be noted, therefore, the state is not authorized to regulate the content of training in religious educational organizations. In addition, in Russia there are no state educational standards for the sphere of religious education, respectively, and state accreditation of religious educational programs. In addition, of no small importance is, firstly, the lack of formation in our country in full of the system of religious Muslim education itself, and secondly, the religious organizations themselves at various levels (madrasahs, Islamic universities / institutes) did not express a desire to develop their own versions of educational standards for Muslim educational institutions.

At the same time, it should be noted that there are certain positive shifts, for example, in Tatarstan, where the development of educational standards for secondary vocational Muslim education began in 2012 and was completed in 2014. A wide range of people took part in the development of the standard: leaders and teachers madrasahs of Tatarstan, heads of the SAM of the Republic of Tatarstan, researchers, representatives of state authorities and the public, as well as other interested persons. The standards summarized the experience of teaching in madrassas accumulated since the early 1990s. and became a certain form of agreement between madrasahs on the levels of training, the timing of training, etc.

As you know, modern approaches to accreditation focus on the importance of improving the mechanisms for organizing the educational process, which implies ensuring the goals set in the educational program, the implementation of the requirements fixed by the educational standard, the involvement of students in scientific work, the employment of graduates, the effectiveness of the internal quality assurance service, etc. Together however, the accreditation procedures are "dogmatically neutral": they do not define the content of training, and, accordingly, do not carry out any modernization of the foundations of religious faith. On the other hand, the legislation on education does not prescribe compulsory accreditation of religious educational programs. Therefore, the question naturally arises about the advisability of introducing such procedures in the field of religious education, in our case, in the field of Muslim education (Nasibullov, 2014).

If in relation to secondary and higher Muslim educational institutions the issue of accreditation and licensing is clear because madrasahs, universities issue diplomas on their graduation - the situation is somewhat different in maktabs, in which education is carried out in a completely different way. O. M. Nukhov, in his speech at the All-Russian conference "Theological education: problems and development prospects" (Makhachkala, December 19 - 22, 2018), drew attention to the fact that the legal basis of the training program for specialists with in-depth knowledge of the history and culture of Islam is more than 10 official documents, including on the support of religious education, including government action plans to provide training for specialists with in-depth knowledge of the history and culture of Islam in 2007 - 2010, 2011 - 2013, 2017 - 2020, as well as the completed "Comprehensive program of assistance to the development of the sphere of religious education (2005 - 2015)".

However, in his opinion, their implementation was hampered and hindered by many shortcomings: for example, the Federal Law "On Education" in the latest edition obliges religious educational organizations to undergo licensing, but at the same time, the standard of programs has not yet been determined and curricula, there is no unified system of monitoring and control of the activities of religious educational organizations, there is no proper communication and effective educational and scientific interaction between Islamic educational organizations of different levels, as a result of which the principles of integrity and continuity of the educational process, the continuity of educational programs are violated (Kashaf, 2018).

Participant of the same conference M.N. Suvorov, in his report, cited expert positions on the results of the monitoring of educational and methodological materials carried out in 2017-2018. Thus, the main remarks to textbooks, anthologies and other teaching materials that were developed by federal universities and Islamic educational institutions as part of the implementation of the training program for specialists with in-depth knowledge of the history and culture of Islam, are briefly reduced to the following: non-compliance with the formal requirements for the structure of the textbook; the isolation of the material presented from the realities of our time; lack of a unified methodology for teaching the Arabic language; plagiarism; attempts to pass off as a textbook a work originally related to completely different genres; lack of proper scientific and literary editing, proofreading (*Kashaf, 2018*).

The above sociological material allows us to assert that in the religious environment there is an ambiguous attitude towards the licensing of the Islamic educational system and it can be assumed that this position of clergy is explained by the fact that they seek to go beyond the subordination of the official authorities, or rather, against the implementation of any control on the part of the state over religious educational institutions, however, as well as over the content of the teaching system itself (what subjects are studied, who teaches, the quality of knowledge, the level of qualifications of the teacher himself, etc.).

Along with the issues of licensing and accreditation, no less important is the problem of control over religious education as a whole, and the issue of control is actualized by the emergence of extremist ideology in modern society, as well as various sects, for example, the Church of the Last Testament sect, headed by Vissarion, which is almost 30 For years he called himself "the son of God" and "the new Christ" and managed to create "a state within a state with its own tax and other system." The emergence of this kind of various religious associations, or rather religious sects, which involve people in their ranks, and the spiritual leaders of these organizations by their sermons very often in the public consciousness of members of their community form interreligious, national, racial intolerance, which together can pose a very real threat to national security of the Russian state. Therefore, supervision, perhaps not openly, but carried out by educational and other structures, in the author's opinion, is quite justified, since it can prevent acts of manifestation of religious extremism, as well as destructive phenomena in the public consciousness and behavior of Russians.

From this point of view, public accreditation can become a new broad channel for interaction between the Muslim community and other public groups. Religious education in its essence cannot be ideologically neutral, and this strikingly distinguishes it from the system of "secular" education (*Kashaf, 2018*). In the author's survey, a question was asked that shows an expert opinion regarding the admissibility of exercising control over religious, in this case, Islamic education (Table 3).

Table 3

Distribution of answers to the question: "Do you think it is necessary to control the content of Muslim education?" (%)

Answer options	%
Yes, so that the system of primary religious Muslim education does not exist separately from the general education system in public schools	14,0
Yes, because with proper centralized control and the necessary educational and methodological support, mosque schools can become an effective means of countering the spread of non-traditional religious ideas in the mass consciousness of the younger generation	31,6
No, the system of primary Muslim education does not pose a threat to the national security of Russian society	38,6
No, the system of primary Muslim education should be subject only to the Spiritual Administration of Muslims	14,0
Probably not	1,8

In general, for the entire array, 14.0% of experts note the need to control so that the system of primary religious Muslim education does not exist separately from the general education system in public schools, among them 14.3% of experts have secondary specialized and 85.7% have higher education.

Further, the need to control the Muslim education system was indicated by 31.6% of experts, 11.1% of them with a secular secondary, 16.7% with a specialized secondary, 70.6% with higher education, a lonely share among those with primary, secondary and higher Muslim education (according to 33.3%), in the opinion of which, with a proper centralized Under the control and the necessary educational and methodological support, mosque schools can become an effective means of countering the spread of non-traditional religious ideas in the mass consciousness of the younger generation.

At the same time, not everything is so unambiguous in the positions of experts: for example, across the entire array, 38.6% of experts, according to educational grounds, 10.5% with a secular secondary, 26.3% with a specialized secondary, 63.2% with higher education, 40, 0% of those with primary and 10.0% of secondary Muslim education believe that the system of primary Muslim education does not pose a threat to the national security of Russian society, therefore, there is no need to exercise control over it.

The answer that the system of primary Muslim education should be subordinate only to the Spiritual Administration of Muslims was noted by 12.5% of experts with a secular secondary, 87.5% of higher, as well as higher Islamic education (50.0%), therefore they are against the implementation of any control over Islamic education. The experts were also asked the question "Who do you think should control the mosque schools in Dagestan?": 70.4% of experts assign control over the mosque schools to the Spiritual Directorate of Muslims of Dagestan (SAMD), among them 25.0% with primary, 18, 8% with secondary, 56.3% with a higher Muslim education, 14.0% with a secular secondary, 20.0% with a specialized secondary, 68.6% with a higher education. Across the entire array, 14.8% of experts delegate authority to the local Muslim clergy, among which 50.0% each have a primary and secondary Muslim education, 14.3% of those surveyed have a secondary specialized education and 85.7% have a higher education. A small part of experts (7.4%), according to educational grounds, 33.3% have a secondary specialized education, 50.0% each have a secondary and secondary specialized Muslim education, with the implementation of control over the maktabamijamaats at the places of operation of the mosque school. At the same time, a small part of the experts (3.7%) propose to transfer the function of monitoring education to the parents of pupils in the mosque school, among them 50.0% each with a secular secondary and secondary specialized education. At the same time, only 1.9% believe that control should be exercised by local authorities and only 1.9% by education authorities (Ministry of Education, District Education Department, City Department of Education and Science), of which only those with higher secular education noted this answer option (100%). 33.3% of experts with primary education, 66.7% with higher Muslim and 100% with higher secular education are in favor of multilateral control.

The introduction of educational standards in the sphere of religious Islamic education actualizes the problem of monitoring the implementation of the established requirements by Islamic educational institutions. But one can hardly agree with the opinion of K.I. Nasibullova that "in the legal field of Russia, such control can only be exercised by the Muslim religious organizations themselves or by other organizations authorized by them" (*Nasibullov, 2014*) and he argues his position by the fact that the state does not have the authority to control the content of the training of ministers of Muslim teachings, although the official authorities can only provide advice (*Kashaf, 2018*).

The use of accreditation can be an important tool for monitoring the implementation of educational standards by religious educational institutions. Moreover, the lack of accredi-

tation and licenses, the massive departure of Russian students to study in the Islamic world, which was left on its own, and a number of other factors, perhaps to a certain extent contributed to the emergence of radical ideas in the public consciousness, therefore "our society will have a long you will have to pay for the various numerous negative consequences of such a step. The inconsistency of norms brought in from abroad to the prevailing Russian Muslim mentality is most clearly manifested in the North Caucasus, and this has already been said many times. One of the conclusions that can and should be drawn from the statement of this fact is that foreign education has largely exhausted itself, has ceased to be a necessity; another conclusion is that it is necessary to control the processes of teaching students abroad and in Russia itself by the ummah (*Aynutdinova, 2009*).

We can agree with the position of K. Aynutdinova that "in modern conditions it seems expedient to establish an association of Muslim vocational educational institutions, which would play an important role in the formation of a single educational space and the revival of the Muslim vocational education system in Russia on the basis of the legislation of the Russian Federation and subjects, the best domestic traditions, taking into account modern international experience. It would serve as an all-Russian methodological and analytical center for Muslim professional educational institutions, coordinate the issues of creating programs and educational literature, relying primarily on the theological educational traditions of Russian musulman" (*Aynutdinova, 2009*).

Similarly to K. Aynutdinova, K.I. Nasibullov argues that the absence of a single center for the management of Muslim religious organizations, in the presence of numerous regional muftiats, carrying out their activities more or less independently, the presence of an objective regional specificity of the existence of Islam in various regions of the country, led to the process of spontaneous, uncoordinated development of Muslim educational institutions, as well as variegation and a variety of educational programs being implemented. The creation of the Council for Islamic Education of Russia (2005) was intended to solve the problem of coordination, but in the absence of real powers and the necessary financial resources, its activities were reduced to the implementation of advisory and advisory functions, rather than to purposeful work on the development of the sphere of Islamic education (*Nasibullov, 2013*).

The study of the state of religious Muslim education shows the existence in this area of a whole complex of complex problems that impede the effective organization of Muslim education in the Russian religious space as a whole, and the half-hearted measures taken and the declaration of certain actions are unlikely to improve the situation in this area.

According to the results of the study, it was found that the increase in attention to religious education is caused by a number of reasons, including the revival of Islam, respectively, the strengthening of the role of the clergy, scientific interest in researching the activities of Muslim educational institutions, the activities of the local clergy and the Muftiate, seeking through Muslim education to introduce the population to Islam the growing interest of civil society (public) in the activities of Muslim educational institutions (what is taught, who teaches and how, etc.). In addition, there is a desire of clergy through Muslim schools, firstly, to stabilize the interreligious situation and ensure the national security of modern Russian society, and secondly, the desire of both children themselves to receive the basics of Islamic teachings, and parents to teach their children the basics of Islam, in - third, by the request of the official authorities to control the Muslim educational process.

The latter is met with fierce resistance from the Spiritual Administration of Muslims of various Muslim regions under various invented pretexts. There is no doubt that a secular state, as Russia is, should not allow the prevalence of religious education and Sharia law over secular laws, moreover, if the official government controls secular education, then it should have the right to exercise control over religious education, especially against the

background of the observed destructive phenomena in this area. Experts' answers to the question "Should mosque schools in Dagestan have a license to carry out Muslim education?" show the advantage of the answer option "no, because according to the provision of the Constitution of the Russian Federation on the separation of state and religion, the state does not regulate the content of training in religious educational organizations." However, there are also opposite positions: "yes, to control the learning process, training programs, the number of students, etc." and "no, because this violates the constitutional rights of students to receive the knowledge they need, since the rather strict state requirements for licensing educational activities do not allow the mosque schools to comply with them."

At the same time, the interviewed experts advocate the licensing of Muslim education with the argument, that this will allow avoiding the formation of intolerance towards other religions in the public consciousness of students and prevents the emergence of ideas of religious extremism. According to the author, religious education in modern society as a whole should have a license to provide educational services, because the spread of extremist ideology in the mass consciousness, the lack of formation, or rather, the fragile consciousness of a special young generation, like a sponge, absorbs different ideas with both positive and negative connotations. Also, one cannot discount the fact that it is typical for young people to romanticize and idealize the image of a person with a machine gun in their hands, while not having the slightest idea of what ideas and attitudes these people are guided by in their actions and actions. For example, we can cite cases when young people with their families leave and participate in the ranks of extremist organizations, being parents of young children.

An expert survey shows that they are in favor of exercising control with the motivation that with proper centralized control and the necessary educational and methodological support, mosque schools can become an effective means of countering the spread of non-traditional religious ideas in the mass consciousness of the younger generation. In addition, in their opinion, it is necessary to control the content of the teaching so that the system of primary religious Muslim education does not exist separately from the general education system in public schools. At the same time, the thesis about the inadmissibility of any control prevails in the attitudes of the experts, arguing that the system of primary Muslim education "does not pose a threat to the national security of Russian society" and "should only obey the Spiritual Administration of Muslims."

Also, according to experts, control over the mosque schools in Dagestan should be carried out by the SAMD (Spiritual Administration of Muslims of Dagestan), although one-seventh allows the transfer of these functions to the local Muslim clergy, however, as *ijamaats* in the places where the mosque school operates. At the same time, a statistically insignificant part of the surveyed expert community adheres to the position that control over the state of education in *maktabs* can be exercised by the parents of pupils, education authorities (Ministry of Education, District Department of Science and Education, Municipal Department of Science and Education) and local authorities.

The priority of designating the role of the SAMD and other clergy in the Muslim educational process is quite understandable – the experts interviewed proceed from the fact that religious education, taking into account its specifics, should be subordinate to religious institutions, but the lack of control over their activities by the secular authorities can have negative consequences.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Рамазанов Рашид Омариевич**

Кандидат политических наук, научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии,

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

E-mail: rashram@yandex.ru

Ramazanov Rashid Omarievich

Candidate of Political Science, Research scientist

Institute of History, Archeology and Ethnography,

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: rashram@yandex.ru

Литература

1. Загирова Э.М. Роль религиозного компонента в семейно-брачных установках дагестанских народов // Сборник статей по материалам VII Все-российской научно-практической конференции с международным участием «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: культурное проектирование и формирование нравственного облика молодежи» / Под. ред. Р.М. Абакаровой. Махачкала: ИП Гаджиева С.С., 2015 (Махачкала, 3 – 6 ноября 2015 г.) С. 205–212.

2. Шахбанова М.М. Межэтническая толерантность в полиэтничном регионе: состояние и тенденции (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2007. 271 с.

3. Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сборник научных трудов. Махачкала, 2009. С. 15–24.

4. Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук - Сборник научных трудов. Махачкала, 2009. С. 35-47.

5. Шахбанова М.М. Межконфессиональный диалог: место и роль в современном обществе (по результатам социологического исследования в Дагестане) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №1 (161).

6. Шахбанова М.М., Шахбанов А.М. Основные направления государственной политики в урегулировании межнациональных конфликтов // Современное состояние и пути развития Юга России. Всероссийская научно-практическая конференция «Системные исследования современного состояния и путей развития Юга России (природа, общество, люди)». Ростов-на-Дону. 2007. С. 265-267.

7. Якимова З.В. Социальная и профессиональная аккредитация основных образовательных программ: международный и российский опыт. // Территория новых возможностей. 2012. № 5. С. 110-118.

8. Якупов В. (2005). Соотношение религии и общества в духовном образовании // Система мусульманского религиозного образования у татар: история, проблемы, перспективы. Сборник материалов научно-практической конференции (Казань, 13 октября 2004 г.). Казань, С. 151-158.

9. Aynutdinova K. 2009. Problems of the development of Muslim education in Russia and Central Asia // Minbar. Islamic studies. No. 2 (4). P. 5-14.

10. Zagirova E.M., Chikaeva K.S., Belikova N.Yu., Kasyanov V.V., Lyubetsky N.P., Nagieva M.K., Remikhanova R.I. The traditional family: the institutional invariants of development on the south of Russia // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. 2019. Vol. 6. No 53. P. 5-20.

11. Kashaf Sh. R. Constructive dialogue in Makhachkala about the problems and prospects for the development of theological education in Russia. Minbar. Islamic Studies. 2018. No. 11 (4). P. 907-931.

12. Kovalchuk N. On the state of the Muslim education system in Russia // Minbar. Islamic studies. 2009. No. 2 (4). P. 15-18.

13. Nasibullov K.I. Public accreditation in the field of Muslim education: the path to openness // Minbar. Islamic studies. 2014. Vol. 7.No. 2. P. 25-49.

14. Nasibullov K.I. Uniform standards of Muslim vocational education in Tatarstan: a new "social contract" between the Muslim community and the state? // Minbar. Islamic studies. 2013. Vol. 6.No. 2. P. 225-235.

15. Shangaraev R. Problems of religious education: the state of educational and methodological support of Muslim religious educational institutions (madrasah) of the Republic of Tatarstan // Minbar. Islamic studies. 2011. No. 2 (8). P. 4-16.

References

1. Aynutdinova K. (2009). Problems of the development of Muslim education in Russia and Central Asia // Minbar. Islamic studies. No. 2 (4). P. 5-14.
2. Zagirova E.M. (2015). The role of the religious component in the family and marriage attitudes of the Dagestan peoples // Collection of articles based on the materials of the VII All-Russian scientific and practical conference with international participation "Dialogue of cultures and dialogue in a multicultural space: cultural design and the formation of the moral image of youth" / Ed. ed. R.M. Abakarova. Makhachkala: IP Gadzhieva S.S., (Makhachkala, November 3 - 6, 2015) P. 205–212.
3. Zagirova E.M., Chikaeva K.S., Belikova N.Yu., Kasyanov V.V., Lyubetsky N.P., Nagieva M.K., Remikhanova R.I. (2019). The traditional family: the institutional invariants of development on the south of Russia // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. Vol. 6. No 53. P.5-20.
4. Kashaf Sh. R. (2018). Constructive dialogue in Makhachkala about the problems and prospects for the development of theological education in Russia. Minbar. Islamic Studies. No. 11 (4). P. 907-931.
5. Kovalchuk N. (2009). On the state of the Muslim education system in Russia // Minbar. Islamic studies. No. 2 (4). P. 15-18.
6. Nasibullov K.I. (2014). Public accreditation in the field of Muslim education: the path to openness // Minbar. Islamic studies. Vol. 7.No. 2. P. 25-49.
7. Nasibullov K.I. (2013). Uniform standards of Muslim vocational education in Tatarstan: a new "social contract" between the Muslim community and the state? // Minbar. Islamic studies. Vol. 6.No. 2. P. 225-235.
8. Shangaraev R. (2011). Problems of religious education: the state of educational and methodological support of Muslim religious educational institutions (madrasah) of the Republic of Tatarstan // Minbar. Islamic studies. No. 2 (8). P. 4-16.
9. Shakhbanova M.M. (2007). Interethnic tolerance in a multi-ethnic region: state and trends (on the example of the Republic of Dagestan). Makhachkala. 271 p.
10. Shakhbanova M.M. (2009). The place of religion in the process of forming a culture of interethnic communication // Actual problems of the humanities. Collection of scientific papers. Makhachkala. P. 15–24.
11. Shakhbanova M.M. (2009). Ethno-confessional features of the Republic of Dagestan // Actual problems of the humanities – Collection of scientific papers. Makhachkala. P. 35-47.
12. Shakhbanova M.M. (2011). Interfaith dialogue: place and role in modern society (based on the results of sociological research in Dagestan) // News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences. No. 1 (161).
13. Shakhbanova M.M., Shakhbanov A.M. (2007). The main directions of state policy in the settlement of interethnic conflicts // Current state and development paths of the south of Russia. All-Russian scientific-practical conference "System studies of the current state and ways of development of the South of Russia (nature, society, people)". Rostov-on-Don, P. 265-267.
14. Yakimova Z.V. (2012) Social and professional accreditation of basic educational programs: international and Russian experience // Territory of new opportunities. No. 5.P. 110-118.
15. Yakupov V. (2005). The ratio of religion and society in spiritual education // The system of Muslim religious education among the Tatars: history, problems, prospects. Collection of materials of the scientific-practical conference (Kazan, October 13, 2004). Kazan, P. 151-158.

Поступила в редакцию

19 января 2021 г.

УДК 316.347(470.62)

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.3

Отражение социально-экономического положения городского населения Дагестана на состоянии межнациональной сферы**М.М. Шахбанова***Дагестанский федеральный исследовательский центр,
г. Махачкала, Россия*

Аннотация: Проблема межнациональной толерантности и межэтнического климата, факторы деформации позитивного межнационального взаимодействия и коммуникации актуализированы в современном российском обществе. Особенно ярко эти вопросы проявляются в полинациональной и поликонфессиональной среде, каковым является Дагестан. В рамках исследования этнических процессов в городском пространстве Дагестана, был рассмотрен такой аспект как роль социально-экономического компонента в сохранении межэтнической стабильности и согласия в республике, его влияние на состояние межнациональной ситуации. Авторское предположение о существенной роли уровня материального благополучия, степени удовлетворенности и неудовлетворенности своим финансовым положением и его отражении на характер межнациональной коммуникации, частотности личностного взаимодействия, формирование межнациональной толерантности нашло свое подтверждение в ходе исследования. По результатам нашего исследования установлено, что в массовом сознании опрошенного городского населения превалирует позиция, характеризующая материальное положение своей семьи как «денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает», причем доля придерживающихся данного суждения существенно больше в подмассиве имеющих высокий образовательный статус. Иными словами, опрошенное городское население свое материальное благополучие оценивает негативно, обозначая сложность обеспечения семьи необходимыми для удовлетворения потребностей продуктами. Преградой для повышения социально-экономической активности опрошенных выступает невысокий уровень оплаты труда, причем данное суждение ближе респондентам с высокой квалификацией; не менее существенную роль в данном процессе играет отсутствие развитой производительной и непроизводительной инфраструктуры, низкий уровень и качество жизни, безработица и проблема трудоустройства, особенно молодого поколения. В массовом сознании городского населения Дагестана существенное значение имеет обозначение респондентами необходимости соблюдения базовых принципов социальной справедливости, под которой они понимают равенство всех перед законом, одинаковый уровень жизни всех людей, обеспечение порядка и справедливости в обществе, материального благосостояния людей, обеспечение межнациональной и межрелигиозной стабильности в обществе, введение прогрессивного налогообложения, поддержка малоимущих, одиноких людей. В то же время результаты опроса показывают, что в массовом сознании имеет место позиция, что социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет.

Ключевые слова: доходы; горожане; городское население; городское пространство; материальное благополучие; материальная обеспеченность; социальная справедливость; межнациональные отношения; межнациональный климат; социально-экономическое положение.

Для цитирования: Шахбанова М.М. Отражение социально-экономического положения городского населения Дагестана на состоянии межнациональной сферы // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 30–44

Reflection of the socio-economic situation of the urban population of Dagestan on the state of the international sphere**Madina M. Shakhbanova***Dagestan Federal Research Center
Makhachkala, Russia*

Abstract: Problems of interethnic tolerance and interethnic climate, factors of deformation of positive interethnic interaction and communication are actualized in modern Russian society. These problems are mostly actualized in multiethnic and poly-confessional area of Dagestan. The role of socio-economic component in maintaining interethnic stability and solidarity in the republic as well as its influence on condition of interethnic situation were researched as part of the study ethnic processes in city area of Dagestan. The hypothesis of the author about the role of wealth and its reflection on the character of interethnic communi-

tion, frequency of personal interaction, formation of interethnic tolerance has confirmed in the research. As a result of our research it was found out that there was dominant position among respondents in the cities characterizing well-being level of family as "it is sufficient quality of money but for purchasing expensive things it is not sufficient money", moreover the proportion of those with high education level is higher among mentioned respondents. In other words respondents negatively estimate their well-being and they signify difficulty of supporting family with necessary products. Low level of payment is obstacle for the growth of socio-economic activity; moreover respondents with high level of qualification share this opinion. Deficiency of productive and nonproductive infrastructure plays significant role in these processes, as well as low level and quality of life, unemployment and problems of employment of youths. There is maintaining basic principles of social justice in mass consciousness of city population of Dagestan and they understand these principles as equality before the law, equal level of well-being, ensuring order and justice in the society, ensuring wealth of population, ensuring interethnic and poly-confessional stability in the society, introduction of progressive taxation, support for the poor and lonely people. In the same time the survey has showed that there is opinion in the mass consciousness that social equality is out of reach and had never been in the past.

Keywords: income; citizens; city population; city area; well-being; material well-being; social justice; interethnic relations; interethnic climate; socio-economic position.

For citation: Shakhbanova M. M. Reflection of the socio-economic situation of the urban population of Dagestan on the state of the international sphere // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 30–44.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

В настоящее время не вызывает сомнения, что усилению этнического фактора на постсоветском пространстве способствовал развал Советского Союза, утрата значимости прежней социалистической идеологической платформы, провозглашавшей принципы интернационализма, дружбы и равенства народов. Появление новых государств на территории бывшего СССР закономерно сопровождалось активизацией значимости ценностно-символической системы доминирующего этноса, способной осуществить этнополитическую мобилизацию: «в начале 1990-х гг. РФ столкнулась с явлением этнического национализма как идеологией обретения политической самостоятельности и суверенитета ряда республик и как идеологией общественного движения, нацеленного на защиту групповых интересов от лица того или иного российского народа, понимаемого в терминах этнокультурной общности» (Рыжова С.В., 2011, с. 6).

Трансформация современной концепции национальной политики Российского государства от защиты этнических интересов в сторону признания мультикультурных тенденций показывает, что этнический компонент не теряет своей важности на повседневном уровне, ибо остается формой социальной организации этнокультурных отличий. Более того, национальный фактор порой выполняет ключевую роль, во-первых, в ситуации роста миграции, во-вторых, на фоне обострения социально-экономических проблем.

Существенно рост интереса к городской проблематике обозначился на фоне интенсификации урбанизационных процессов и концентрации населения в узком пространстве. Ключевую роль в институционализации социологии города в XX в. выполнили представители Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт, У. Томас, Ф. Знанецкий и др.), заложившие начало исследованию города и городской жизни. Иными словами, проблема города и городского пространства, социального самочувствия горожан, отношение к миграции, межнациональная коммуникация, межэтническая брачность, архитектура, инфраструктура и ряд других вопросов приобрел важность в современной науке, даже можно утверждать, что этому в определенной степени способствовала глобализация и глобализационные процессы, заметно меняющие сам образ города в целом как такового.

Если обратиться к самой социологии города, то она представляется одной из сложных направлений по причине того, что следствием взаимодействия глобальных, региональных, природных, экономических, социальных и культурных факторов вы-

ступают урбанистические процессы. При этом следует учесть, что процесс урбанизации обладает случайной характеристикой, ибо одни субъекты уходят с исторической арены, при повышении влияния иных. Кроме того, и сам процесс урбанизации, наряду с наукой, предметом которой является его исследование, имеет собственную логику развития: «временами этот процесс уходит вперед по "стреле времени", а социология, его изучающая, отстает. Известны случаи, когда профессионал или гражданский активист в ситуации очевидной дезурбанизации стремятся заглянуть далеко вперед, "перепрыгивая" необходимые этапы исторической динамики. Не только "заглянуть", но и реализовать идеи на практике» (Яницкий О.Н., 2016, с. 117).

Город неизменно играл и играет значимую роль в общественном развитии, существенно влияя на жизненный стиль людей и их ценностные установки: «на огромной исторической дистанции город, реализуя свою социокультурную сущность, воспроизводит возможности и функциональные свойства – кумуляцию и интеграцию исторических достижений общества (производственный потенциал, социальные связи, культурные ценности, духовную энергию человека). Город в этом плане есть явление объективно необходимое в организации, функционировании и развитии определенного по своему содержанию и социокультурной характеристике общества при всей сложности и многообразии его исторического изменения. Вплетенный в социальную ткань общества, город отражает и выражает его развитие, несет в себе все главные его особенности и одновременно обеспечивает последние. И как специфический действенный организм он с самого своего появления четко фиксируется и выделяется в сознании человека» (Город как..., 1995, с. 3).

О важности изучения города и происходящих в нем процессов свидетельствует проведение 27 – 29 июня 2018 г. в Мадриде III-ей Конференции 37-го исследовательского комитета Европейской социологической ассоциации, занимающегося вопросами социологии города. В работе данного научного мероприятия активно участвовали представители самых разных научных направлений – социологи, политологи, географы, этнологи, антропологи и др. и ключевыми вопросами обсуждения в ее рамках были: а) риски и социальные проблемы, дестабилизирующее стабильное развитие современных городов; б) различные проявления интолерантности и неравенства в городской среде; в) социальные последствия сегрегации и реконструкции пришедших в упадок городских кварталов путём благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей, которая в науке именуется джентрификацией; г) установление существующих отличий в возможностях и качестве жизни, обусловленных гендерной спецификой; д) проблемы социальной эксклюзии (исключение или ограничение доступа индивидов к жизненно важным социальным институтам, таким как труд, образование и др., что не позволяет им получать экономические ресурсы, необходимые для поддержания адекватного уровня жизни своего и своей семьи); е) миграция, миграционные процессы и социальное самочувствие мигрантов.

Иными словами, исследование города подразумевает необходимость анализа целого комплекса вопросов, в частности, приоритеты городских властей в социальной политике, что является одной из актуальных, например, из-за наличия большого массива ветхого и непригодного для жилья строений, отсутствие обеспеченности транспортом, а также доступность необходимых для нормального функционирования социума условий, экологическая обстановка, состояние окружающей среды и др. Не вызывает сомнения, что при решении этих важнейших проблем активность должны проявлять сами горожане. А гражданская активность и ответственность, может быть, не очень сильно развитые, но существуют у современного городского населения, что, например, выражается в их активном участии в диспутах при переименовании улиц, названии объектов инфраструктуры, своего населенного пункта,

проведении тех или иных работ, строек и т.д. Подтверждением являются события в Екатеринбурге, когда население выступило против строительства храма на территории сквера у Театра драмы; такие же протесты можно было увидеть и в других российских городах (Красноярск, Челябинск, Томск и др.).

Таким образом, в данной статье рассматривается социально-экономическое положение и отражение экономического компонента на характер межнационального взаимодействия.

Утверждение исследователей, что на характер межнациональных взаимодействий, формирование толерантности, состояние межэтнической сферы и т.д. отражаются внешние факторы, и наоборот, доказывается множеством исследований. Так, теория модернизации, автором которой является О. Тоффлер, выводит межэтническую напряженность и противостояние из экономического роста. Теория стадий экономического роста У. Ростоу, хотя и подвергалась жесткой критике, но опираясь на нее можно объяснить появление межнациональной интолерантности и этноконфликтов: так, индустриализация и урбанизация, хотя и косвенно, но способны стимулировать дестабилизацию общества.

В современной научной литературе имеется множество концепций, которые исследуют экономический фактор и его связь с этническими процессами. Не останавливаясь подробно на изложении имеющихся теорий, следует назвать К. Маркса и А. де Токвила, на основе работ которых была сформулирована так называемая «классическая гипотеза» о связи экономического неравенства с возникновением различного рода гражданских конфликтов. По мнению К. Маркса, неравенство является следствием деления общества на классы, определяемые по месту в общественном разделении труда и отношениям собственности на средства производства (*Социальные факторы...*, 2017, с. 243). «Почти все революции, изменявшие жизнь народов, совершались либо для того, чтобы укрепить, либо для того, чтобы уничтожить равенство. Удалите второстепенные факторы, рассматривая причины крупных волнений, и вы почти всегда обнаружите неравенство. Причинами волнений выступала то беднота, хотевшая захватить имущество богатых, то сами богачи, пытавшиеся поработить бедных» (*Токвиль А.*, 1997).

В концепции межэтнической толерантности зависимая переменная понимается как согласие принимать представителей другой этноконфессиональной принадлежности, так и предрасположенность доверять им. Индикаторами такого отношения являются готовность, во-первых, вступить в брак с представителем другой этнической группы, во-вторых, поддерживать представителей других этнических групп, в-третьих, участвовать в этническом дивертисменте (*Мирошникова О.В., Щекин Г.Ю., Рева И.Е.*, 2011, с. 30).

Формирование межэтнической толерантности неотделимо от процесса становления и развития гражданского общества, что предполагает усиление роли общественных и религиозных организаций, а также расширение их взаимодействия с социальным пространством. Многомерность городского пространства является демонстрацией одной из моделей межэтнического контактирования, причем межнациональная коммуникация выступает индикатором измерения толерантности и этнокультурной дистанции, что проявляется через позитивное или негативное отношение человека к определенным социальным группам.

В современной науке можно встретить направления не взаимоисключающие, но конкурирующие друг с другом при объяснении разновидности проявления принципов толерантности: 1. композиционный, 2. контекстуальный. Суть композиционного подхода заключается в признании существования большого пласта носителей интолерантности, обусловленного различными факторами среди которых низкий

образовательный статус, вероисповедание, возраст. Сторонники контекстуального подхода базируются на субкультурной концепции, согласно которой города обладают неким культурным измерением, влияющим на содержание толерантности. Таким образом, аттитюды личности определяются не только ее личными характеристиками (образованием, возрастом, доходом), но также характеристиками окружающих людей и социальными связями между ними. Культурные отличия проявляются в вариациях толерантности независимо от их индивидуальных характеристик (Мирошникова О.В., Щекин Г.Ю., Рева И.Е.).

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению этнической идентичности городского населения Дагестана проведен методом случайного отбора в 2019 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт. N – 520.

Результаты исследования

В рамках данного исследования представляется необходимым рассмотреть факторы, влияющие на уменьшение уровня и степени толерантности. Автор исходит из предположения, что экономический компонент является причиной появления в обществе межнациональной нетерпимости, поэтому среди задач, ставившихся в рамках исследования этнической идентичности городского населения, была и проблема отражения социально-экономических преобразований на межнациональные установки, а также их роль в межэтнической сфере. Для реализации поставленной цели в анкету вошли вопросы, позволяющие установить существующие в массовом сознании тенденции при оценке уровня своей материальной обеспеченности (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «**Как Вы можете охарактеризовать свое и своей семьи материальное положение?» (%)**

Варианты ответов // Образование	Живем от зарплаты до зарплаты, денег с трудом хватает на питание	На ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности	Денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, но покупка автомобиля недоступна	Можем ни в чем себе не отказывать
Среднее	17,1	12,4	29,5	20,2	17,1
Среднее специальное	27,0	14,8	28,7	12,2	14,8
Высшее	19,9	20,2	40,1	10,7	6,6
Всего:	20,7	17,1	34,9	13,4	11,0

Эмпирические данные показывают превалирование в массовом сознании опрошенных позиции «денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает» (одна треть по всему массиву); по образовательному статусу больше разделяющих данное суждение в подгруппе имеющих высшее образование (каждый второй) и одна треть в подмассиве имеющих среднее и среднее специальное образование. С заметным отрывом от предыдущего суждения располагается противоположная позиция, констатирующая довольно бедственное положение респондентов – «живем от зарплаты до зарплаты, денег с трудом хватает на питание» – одна четвертая часть со средним специальным, каждый пятый с высшим и одна шестая часть со средним образованием. Далее вариант ответа «на ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности» разделяет каждый пятый в

подмассиве с высоким образовательным статусом, в остальных подгруппах доля таковых заметно меньше: каждый восьмой со средним и одна седьмая часть со средним специальным образованием. Далее, респонденты со средним специальным и высшим образованием, с небольшой разницей, подчеркивают свои возможности приобретать товары длительного пользования, а среди имеющих среднее образование больше доля отметивших невозможность покупки транспортного средства. Определенный скепсис вызывает позиция «ни в чем себе не отказываем», отмеченная респондентами с относительно невысоким уровнем образования, в то время как доля таковых существенно меньше в подмассиве с высшим образованием. Однако следует отметить, что работники частных структур зарабатывают существенно больше, по сравнению, с категориями населения занятых на государственной работе.

Дагестан довольно длительное время является дотационным регионом (по сведениям, республике в 2019 г. выделено 66,266 млрд руб.) (Финкан, 2019) и любое повышение цен вызывает латентный протест в массовом сознании, имеются большие трудности при трудоустройстве, приводимые госструктурами статистические данные об уровне жизни населения не вызывают доверия и очень часто не соответствуют действительности. Кроме того, затянувшийся экономический кризис закономерно способствовал увеличению рисков, стремительному развитию деструктивных тенденций практически во всех социальных сферах, усилению нестабильности – это и ряд других факторов обусловил изменения в жизни россиян, порой негативные, среди которых актуальной является проблема социального неравенства. По мнению отечественных исследователей, «особая болезненность данной проблемы связана с глубокой поляризацией российского общества, возросшим имущественным неравенством, противоречивостью процессов социально-экономической дифференциации и их влиянием на формирование социальной политики государства в различных сферах» (Козырева П.М., Смирнов А.И., 2018, с. 291). Вследствие устойчивого и неконтролируемого усиления социально-экономического неравенства, социальная стратификация общества существенно выросла, тем самым усилив в современном российском обществе потенциал для социального протеста. Отчетливо проявляется поляризация населения, на фоне увеличения бедности большого пласта россиян, наблюдается противоположная тенденция – рост доходов олигархов, дорогие покупки (спортивные команды, недвижимость и т.д.), что закономерно способствует формированию социальной напряженности. Повышение социального неравенства, разный уровень материального благополучия, как правило, способствует еще большему углублению неравенства в доступе к разным ресурсам, причем существенно усилилась оценка проблемы неравенства населением: «существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения, независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия. Что касается последствий ощущения избыточности и несправедливости неравенств, характеризующих российское общество, то они проявляются также в скрытом росте протестных настроений и недовольстве населения выбранным путем развития страны. Так, доля тех, кто заявляет, что путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик, в разы выше среди считающих нынешнюю систему распределения частной собственности несправедливой, чем среди оценивающих ее как правильную (42 % и 18 %, соответственно). Заметны различия по этому вопросу и между теми, кто считает, что население страны не получает достойного вознаграждения за свою квалификацию и знания, и теми, кто воспринимает оплату труда россиян как обоснованную и справедливую (39 % и 25 % соответственно)» (Мареева С.В., Тихонова Н.Е., 2016, с. 48).

Современная социально-экономическая ситуация, по мнению российских исследователей, практически не имеет отличий в сравнении с другими государствами,

хотя стоит отметить наличие высокого уровня диспропорции в равенстве в сопоставлении с крупными странами, имеющими развитую экономику. Так, согласно данным доклада «От Советов к олигархам. Неравенство и бедность в России. 1905 – 2016 годы», подготовленного международным коллективом экспертов к 100-летию революции, чуть более миллиона богатейших россиян в среднем имеют доход 470 тыс. евро в год и располагают 20 % национального дохода. В то же время 57 млн беднейших граждан (больше половины населения) получают только по 7,9 тыс. евро в год. При этом наблюдается постоянный рост концентрации богатства (Гайва Е., Гурова Т., Обухова Е., 2017). На долю 1 % сверхбогатых россиян приходится около 71 % всех личных активов, а на долю 5 % самых богатых – 82,5 %. Кроме того, 10 % наиболее обеспеченных российских граждан владеют 89 % совокупного богатства домохозяйств, что существенно больше, чем в других значительных экономиках, например, таких как экономики США и Китая – 78 % и 73 %, соответственно. Высокая концентрация богатства выражается и в том, что в России насчитывается 96 миллиардеров. Больше только в Китае и США (244 и 582, соответственно). А по данным исследования The Wealth Report 2017 г., представленного консалтинговой компанией Knight Frank, в России, несмотря на кризис, число долларовых миллионеров за 2016 г. выросло на 10 % и достигло 132 тыс. чел. Это составляет примерно 0,1 % населения страны, однако в их руках сосредоточено 62 % общего благосостояния страны (Красиво жить..., 2019).

Приведенные выше данные показывают, что существующие в современном российском обществе социально-экономические проблемы, наличие мощного недовольства в массовом сознании не выливается в протесты против существующей власти, потому что в государстве отсутствует реальная сила, способная возглавить протестное движение, а критикующая власть оппозиция не пользуется уважением населения по целому ряду объективных причин. На фоне обнищания людей, причем, трудоспособного населения, занятого в различных сферах, наблюдается резкое социальное расслоение. Даже экономический кризис и санкции не уменьшили доходы олигархата и он по-прежнему владеет большими богатствами. А такие процессы негативно отражаются на социальном самочувствии людей, особенно молодого поколения, которое не в состоянии обеспечить свое материальное благополучие. По мнению П.М. Козыревой и А.И. Смирнова, чрезмерное неравенство в России является следствием как возросшего уровня концентрации богатства, так и значительной бедности. После распада Советского Союза, на этапе перехода от прежней экономической модели к рыночной экономике наблюдалось быстрое повышение неравенства по доходам, что продолжалось до 2008 г., хотя в последующий период картина немного улучшилась. Децильный коэффициент фондов (разрыв в доходах между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан) с 1995 по 2007 г. вырос с 13,5 до 16,7 раз, но затем, после охватившего Россию экономического кризиса постепенно снизился к концу 2016 г. до 15,7 раз. Это же относится и к изменению величины коэффициента Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующего о степени расслоения общества, который с 1995 по 2007 гг. вырос с 0,387 до 0,422, однако к концу 2016 г. уменьшился до 0,414 (Козырева П.М., Смирнов А.И., 2018, с. 291).

Разумеется, социологические исследования не всегда позволяют в полной мере провести качественный опрос, т.е. охватить наиболее важные и значимые для социолога акторы, поэтому невозможно показать реальную картину социально-экономического положения олигархата, впрочем, как глубину и масштаб бедного слоя российского общества. Вместе с тем, социологическое исследование позволяет охарактеризовать уровень материального благополучия, специфику российского неравенства и т.д., выявить препятствия, которые не позволяют человеку в полной ме-

ре реализовать свой интеллектуальный, творческий и трудовой потенциал (см. табл. № 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы мешают повышению Вашей социально-экономической активности?» (%)

Варианты ответов	Низкий уровень доходов	Низкая оплата труда	Тяжелые условия труда на производстве	Неэффективность социальных гарантий	Реальная безработица	Низкий уровень и качество жизни	Отсутствие развитой производительной и непродвинутой инфраструктуры
Образование							
Среднее	39,5	41,9	5,4	11,6	29,5	18,6	24,8
Среднее специальное	46,1	47,8	7,8	10,4	22,6	19,1	21,7
Высшее	41,2	57,7	3,7	20,2	16,9	25,0	24,6
Пол							
Мужской	41,9	41,9	8,1	18,6	23,8	28,5	29,1
Женский	41,7	56,5	3,8	14,5	20,6	19,1	21,2
Возраст							
До 20 лет	32,0	43,0	8,0	8,0	31,0	19,0	32,0
От 20 до 30 лет	42,3	50,8	2,3	13,1	29,2	20,0	28,5
От 30 до 40 лет	42,6	59,1	4,3	13,0	12,2	21,7	10,4
От 40 до 50 лет	44,7	50,0	7,9	23,7	14,5	22,4	15,8
От 50 до 60 лет	46,3	48,1	5,6	29,6	16,7	40,7	40,7
От 60 лет и выше	51,3	61,5	5,1	20,5	15,4	15,4	23,1
Всего:	41,7	51,7	5,2	15,8	21,3	22,1	23,8

Полученные на вопрос «Какие проблемы мешают повышению Вашей социально-экономической активности?» эмпирические данные показывают, что, хотя в вопросе «Как Вы можете охарактеризовать свое и своей семьи материальное положение?» доминировало суждение «денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает» иную картину: по мнению большей части респондентов, превалирует позиция «низкая оплата труда», которая является для них барьером при реализации своих целей. Обращает на себя внимание, что придерживающихся данной позиции существенно больше в подмассиве имеющих высокий образовательный статус, в женской подгруппе и возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» и «от 60 лет и выше». Далее, одна вторая часть респондентов подчеркивает суждение «низкий уровень дохода» и выделяются здесь подгруппы со средним специальным образованием и возрастной подмассив «от 60 лет и выше». Каждый четвертый опрошенный по всему массиву считает, что отсутствие развитой производительной и непродвинутой инфраструктуры является одним из препятствий на пути самореализации человека. С небольшой разницей респонденты указывают на низкий уровень и качество жизни и данный фактор занимает четвертое ранговое место. По социально-демографическим признакам доля придерживающихся данной позиции больше в возрасте «от 50 до 60 лет» (каждый второй опрошенный), среди мужчин и респондентов с высшим образованием (одна четвертая часть). На сложности трудоустройства указывает одна треть респондентов со средним образованием и в возрастном

разрезе «до 20 лет», а также каждый четвертый опрошенный в подгруппе мужчин. Вариант ответа «тяжелые условия труда на производстве» отмечен большей частью опрошенного мужского населения, по сравнению с женщинами, и имеющими среднее специальное образование.

В ходе анализа полученной социологической информации внимание было уделено такому фактору как «неэффективность социальных гарантий» – автор придерживался позиции, что данная причина может быть определена респондентами как ключевая, не позволяющая в полной мере самореализоваться. Однако, эмпирические данные, авторскую гипотезу не подтверждают, но относительно небольшие на фоне остальных результаты исследования, показывают осознание респондентами несоблюдения гарантированных им государством социальных прав – на труд, получение качественного образования и медицинской помощи и т.д., а это является базой для проявления негативных тенденций и роста социального протеста в современном дагестанском обществе.

К сожалению, в современный период даже наличие высшего образования, хорошей квалификации и работы не гарантирует высокий уровень материального благополучия. О. Голодец (бывший вице-премьер) констатировала, что «та бедность, которая фиксируется в стране, – это бедность работающего населения, это уникальное явление: работающие бедные» (*Голодец назвала...*, 2019). Главной причиной широкого распространения бедности, обусловленной положением работников на рынке труда, как и прежде (*Доходы и...*, 2005), остается огромный дефицит рабочих мест с достойной заработной платой. Согласно данным Росстата, зарплату ниже прожиточного минимума получает около 2 млн россиян (7,3 % работающих на апрель 2017 г.). Вместе с тем, с учетом распределения всех доходов на всех членов семьи количество работающих бедных возрастает до 12,1 млн чел. (16,8 % трудоспособного населения). Около 60 % всех бедных составляют люди в трудоспособном возрасте, из них 90 % работают (*Эксперты правительства...*, 2015). По данным Росстата реальные располагаемые доходы населения России в 2018 г. снизились на 8,3 % по сравнению с 2013 г. (*Демоскоп Weekly*, 2019).

Разумеется, существующее различие по получаемым доходам обуславливает отсутствие у населения доступа к материальным благам, получению качественных услуг в сфере образования и здравоохранения. Более того, декларирование на государственном уровне существующих проблем в социальном обеспечении, признание страты, проживающей за чертой бедности, свидетельствует об актуальности, следовательно, и значимости данной проблемы. Неоднократно обозначенное социальное расслоение российского общества является одним из деструктивных факторов в процессе формирования межнационального согласия и сохранения стабильности, а также констатирует снижение разных форм доверия (обобщенного, институционального и межличностного), что, в конечном итоге, приводит к повышению социальной отчужденности. А такая ситуация вполне способна, хотя и косвенно, отразиться на состоянии этнической идентичности, усилить ее деструктивные типы, что при неблагоприятной ситуации вполне может спровоцировать межнациональное противостояние и конфликт.

Уменьшение экономического неравенства населения является очень сложным процессом, его преодоление возможно, и не является секретом, только при существенном экономическом росте, достичь которого очень сложно, принимая во внимание проводимую в Российском государстве экономическую политику. Несмотря на заверения федеральной власти о снижении порога бедности, повышении уровня жизни и т.д. реальная картина выглядит довольно мрачной – безработица, особенно в молодежной среде, коррупция, низкий уровень жизни, некачественная медицина,

образование, рост услуг ЖКХ, порой не очень качественных, и множество не менее значимых вопросов, способствует социальной поляризации, соответственно, и росту социальной напряженности. Можно согласиться с утверждением А.Б. Вебер, что «в настоящее время одной из главных опасностей, способных его затормозить или отбросить назад, становится риск очень медленного экономического развития, которое создает реальную угрозу более широкого распространения в стране социального неблагополучия и усиления поляризации общества... существует прямая зависимость неравенства от экономического роста, что большему неравенству чаще соответствуют низкие или отрицательные показатели экономического роста и меньший уровень развития человеческого потенциала» (Вебер А.Б., 2005).

По мнению исследователей, расширение поля контроля экономической основы общества со стороны богатой прослойки приведет, с одной стороны, увеличению их благосостояния, с другой, сужению пространства для существования социальной справедливости, соответственно, и распределению доходов для среднего класса. Разумеется, в настоящее время стали уделять внимание социальной сфере, хотя она и запоздалая мера, но, в некоторой степени политика в данной области может снизить социальную напряженность. По мнению автора, одной из мер в обеспечении, хотя и относительной социальной справедливости, может быть, введение прогрессивного подоходного налога, а также налога на роскошь. Данное предложение было неоднозначно воспринято в российском обществе: если несостоятельная прослойка социума активно его поддерживает, то в такой же степени его неприятие встречается со стороны олигархата. Власть при видимости поддержки малообеспеченного слоя, в реальности же защищает интересы богатых людей. Также следует отметить, что призыв ввести прогрессивный подоходный налог неоднократно поднимался и депутатами Госдумы, особенно, отчетливо он зазвучал при повышении пенсионного возраста. Согласно данным социологических исследований, введение этих мер (введение прогрессивного подоходного налога и налога на роскошь – Авт.) поддерживают более 90 % россиян (Цена роскошной..., 2017). Соответственно, при такой сложной ситуации возникает проблема социальной справедливости (см. табл. № 3).

Полученные результаты нашего исследования показывают, что ключевым в понимании феномена «социальная справедливость» является «равенство всех перед законом», отмеченное одной второй частью во всех подгруппах, за исключением даргинцев (каждый третий) и азербайджанцев (одна шестая часть). По образовательному признаку отличий между подгруппами не выявлено и варьируется в пределах от 44,3 % имеющих среднее образование до 45,0 % с высшим образованием, в то время как их больше в возрастном подмассиве «от 50 до 60 лет» (52,5 %). Происходившие в Дагестане громкие аресты высокопоставленных чиновников, должны были в определенной мере поменять существующие в массовом сознании дагестанцев позиции. Однако эмпирические данные свидетельствуют, что низкий уровень доверия различным уровням власти формирует негативное отношение населения вообще к власти в целом, неверие в существование справедливости в обществе. Кроме того, довольно высокий уровень коррупции при низком уровне материального благосостояния дагестанцев на фоне безбедного существования так называемой дагестанской элиты, которая имеет доступ к власти и обладает ресурсом влияния, логично формирует в установках опрошенных понимание социальной справедливости как равенства всех людей, независимо от социального и материального статуса, перед законом. Реалии свидетельствуют об избирательности применения законов в отношении правонарушителей обладающих разным социальным статусом, существование коррупции, например, в правоохранительных структурах, призванных защитить людей и т.д., что обуславливает формирование недоверия к власти целом (судебной, зако-

нодательной, исполнительной). Также немало случаев, когда от наказания уходят как сами высокопоставленные чиновники и представители власти, совершившие тяжкие преступления, так их дети и родственники. На второй и третьей позициях, с разницей в сотые доли располагаются два суждения – «одинаковый уровень жизни всех людей (отсутствие богатых и бедных)» и «обеспечение порядка и справедливости в обществе».

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос
«Что Вы понимаете под социальной справедливостью?» (%)

Варианты ответов // Национальности	Равенство всех перед законом	Одинаковый уровень жизни всех людей (отсутствие богатых и бедных)	Обеспечение порядка и справедливости в обществе	Обеспечение материального благосостояния людей	Обеспечение межнациональной и межрелигиозной стабильности в обществе	Введение прогрессивного налогообложения (когда с людей берут налог с учетом уровня их доходов, а не так, когда со всех людей, независимо от уровня их доходов, берут 13 % налога)	Поддержка малоимущих, одиноких людей	Социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет
Аварцы	49,1	29,7	27,3	27,3	7,3	11,5	15,2	15,2
Азербайджанцы	15,4	30,8	23,1	38,5	7,7	15,4	15,4	30,8
Даргинцы	33,3	36,7	21,7	31,7	8,3	15,0	10,0	16,7
Кумыки	48,3	22,4	24,1	22,4	6,9	13,8	8,6	22,4
Лакцы	44,3	32,9	34,2	30,4	5,1	6,3	12,7	13,9
Лезгины	47,8	23,2	29,0	30,4	11,6	8,7	11,6	14,5
Русские	50,0	26,5	38,2	14,7	5,9	5,9	8,8	17,6
Чеченцы	42,0	24,0	34,0	20,0	2,0	14,0	10,0	6,0
Другие	42,3	34,6	19,2	23,1	15,4	19,2	11,5	11,5
Всего:	44,8	28,9	28,3	26,7	7,4	11,4	12,1	15,3

Важность отсутствия расслоения общества подчеркнута каждым третьим опрошенным в подмассиве аварцев, азербайджанцев и лакцев, в остальных подгруппах их доля составляет одна четвертая часть. Существование в массовом сознании дагестанцев необходимости сохранения одинакового уровня материального благополучия, которое можно назвать уравниловкой была характерна социалистической системе, свидетельствует о специфике нашей республики, а также об ориентированности респондентов на поддержание равной пропорции в оплате труда под лозунгами соблюдения принципов социальной справедливости. Также можно предположить, что выбор опрошенными суждения «одинаковый уровень жизни всех людей (отсутствие богатых и бедных)» обусловлен низким уровнем социально-экономического положения Дагестана, отсутствием условий и потенциала для экономического развития, занятия предпринимательской деятельностью и иными причинами, препятствующими полноценному развитию среднего и малого бизнеса. С другой стороны, противоречивость в установках опрошенных показывает вкладывание ими в содержание социальной справедливости необходимости обеспечения порядка и справед-

ливости в обществе. Далее «обеспечение материального благосостояния людей» с небольшой разницей находится на четвертом месте и выбравших его, по сравнению с другими подгруппами, больше в подгруппе азербайджанцев, даргинцев, лакцев и лезгин и меньше в подмассиве русского населения (каждый восьмой опрошенный). Обращает на себя внимание позиция одной седьмой части респондентов разочарованных в мироустройстве и утверждающих, что «социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет». Это так называемая группа пессимистов. Каждый восьмой опрошенный по всему массиву под социальной справедливостью понимает поддержку малоимущих и одиноких людей и доля выбравших данную позицию сравнительно больше среди аварцев, азербайджанцев, лакцев и лезгин. Наиболее вероятной причиной распространенности понимания социальной справедливости как «поддержки малоимущих, одиноких людей» является то, что такая позиция соответствует большей частью мнению респондентов с семейным статусом, когда необходимо обеспечивать свою семью, а также старшим возрастным группам населения. Автор исходил из предположения, что чем старше респондент, тем с большей долей вероятности он предпочтет именно такое понимание социальной справедливости. По результатам нашего исследования, совершенно противоположные по возрасту группы отметили данное суждение: 18,0 % «до 20 лет», 14,8 % «от 50 до 60 лет» и 16,0 % «от 60 лет и выше», в остальных подмассивах доля отметивших данную позицию менее 10 %. Также была выдвинута гипотеза, что в массовом сознании опрошенных одну из ключевых мест займет суждение «введение прогрессивного налогообложения». Эмпирические данные показывают, что данный вариант ответа не нашел поддержки в установках дагестанцев и занимает предпоследнее место среди предложенных 8 вариантов ответов. По этнической принадлежности больше всего отметивших его в подмассиве азербайджанцев (одна шестая часть) и аварцев (каждый седьмой опрошенный), в возрастных подгруппах «от 20 до 30 лет» (17,4 %) и «от 50 до 60 лет» (18,0 %), а также среди имеющих среднее специальное (11,8 %) и высшее образование (14,0 %). Вместе с тем одни специалисты считают, что эти меры не дадут желаемого эффекта, а будут способствовать росту теневых доходов, приведут к дополнительному давлению на бизнес и нанесут удар по среднему классу. И в тоже время другие полагают, что введение прогрессивной шкалы значительно повысит доходы государства и поможет поддерживать политическую стабильность в обществе. Расчеты экономистов, в частности, показывают, что серьезное повышение ставки НДФЛ только лишь для самых богатых могло бы в 2017 г. дать бюджету дополнительно до 1,5 трлн руб., что составляло бы примерно половину бюджетного дефицита и вдвое больше того, что можно было бы собрать, ужесточив налоговые условия для бедных (Обухова Е., 2016.)

Далее, для дагестанских народов обеспечение межнациональной и межрелигиозной стабильности в обществе мало связано с феноменом социальной справедливости и только каждый четырнадцатый опрошенный по всему массиву придерживается данной позиции, по национальной принадлежности доля таковых больше в подгруппе лезгин (каждый девятый опрошенный). Иными словами, данное суждение оказалось самым непопулярным среди предложенных вариантов ответов.

В связи с вышесказанным, актуально звучит мысль о том, что «в России же в 90-е годы демонтаж советской системы начался и, в основном, ограничился свертыванием именно социальных основ предшествующего строя. Любые разговоры о том, что, помимо политических прав и свобод, есть еще и социальные, трактовались, особенно на начальном этапе реформ, как чуть ли не призыв к возврату в "тоталитарное прошлое", к модели "социалистической демократии", базирующейся на этатизме и патернализме» (Социальные факторы..., 2010, с. 155). При этом, мерами сдерживаю-

щим рост экономического неравенства являются привлечение разных моделей, стимулирующих экономический рост при обеспечении существенного роста граждан, имеющих активы, увеличение доли малого и среднего бизнеса и т.д. Иными словами, необходимо уделить большое внимание формированию высокотехнологичного производства и внедрению современных технологий, способных обеспечить высокий уровень развития российской экономики, а также создание рабочих мест с достойной заработной платой.

Заключение

Таким образом, исследование подтверждает распространенную в массовом сознании позицию о необходимости соблюдения равенства между всеми, что позволяет констатировать существование в латентной форме в установках опрошенных ориентированности на уравниловку. Вместе с тем, количественное соотношение между сторонниками понимания социальной справедливости как равенства всех граждан перед законом и «уравниловки» примерно такое же, как между сторонниками материальной обеспеченности и обеспечения порядка и справедливости в обществе. Кроме того, можно констатировать довольно высокий запрос на социальную справедливость и апеллирование при этом исключительно к государству, как гаранту защиты прав всех людей независимо от их социального статуса, положения, национальной и религиозной принадлежности.

В массовом сознании и поведении большей части населения, особенно малообеспеченного, превалирует ориентация на удовлетворение материальных нужд, обеспечение своего и своей семьи материального благополучия, что свидетельствует о важности для опрошенных потребности в материальном достатке, а это, в свою очередь, доминирует над иными ценностями, в частности, духовными. При существующей в стране сложной экономической ситуации, которая закономерно отражается на социальном самочувствии населения, многие духовные ценности, принципы и установки оказываются задвинутыми на второй план, более того, сами люди демонстрируют «экономный образ жизни» о чем свидетельствует, например, приобретение необходимых вещей в магазинах «Эконом», а также продуктов в основном не в супермаркетах, а на рынке. Иными словами, можно констатировать характерность опрошенным ограничение своих потребностей и ориентацию контролировать свои расходы, которые в совокупности обусловили существенное изменение структуры потребления семей. Несмотря на провозглашение значимости социальной сферы в государственной политике, принимаемые меры носят поверхностный характер при практически полном отсутствии адресной помощи малообеспеченным слоям населения. Например, также можно вспомнить о программе оказания продовольственной помощи малоимущим гражданам, однако, все ограничилось только дискуссиями, а реальных мер не было принято. Анализ полученного эмпирического материала констатирует, что в массовом сознании превалирует суждение, констатирующее, что опрошенным материальных средств хватает, но при этом сложно совершать покупку дорогих вещей. Однако анализ по остальным параметрам показывает, что материальное благополучие респондентов не очень хорошее.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии,

Дагестанский федеральный исследовательский центр

E-mail: madina2405@mail.ru

Madina M. Shakhbanova

Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography,

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: madina2405@mail.ru

Литература

1. Вебер А.Б. Неравенство и развитие // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике / Под ред. А.А. Галкина и Ю.А. Красина. М.: УКГФ, 2005. С. 69 – 76.
2. Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995. 351 с.
3. Гайва Е., Гурова Т., Обухова Е. Не только в отдельно взятой стране // Эксперт. 2017. № 38. С. 15 – 23.
4. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / [Г.Е. Бесстремьяная, А.Я. Бурдяк, А.С. Заборовская и др.; рук. авт. колл. Т.Н. Овчарова]. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 135 – 140.
5. Красиво жить не запретишь. Режим доступа: <https://www.finversia.ru/news/events/krasivozhit-ne-zapretish-16570>
6. Козырева П.М., Смирнов А.И. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 16. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 290 – 318.
7. Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. 2016. № 2. С. 37 – 67.
8. Мирошникова О.В., Щекин Г.Ю., Рева И.Е. Толерантность в социальном пространстве города // Социология города. 2011. № 4. С. 29 – 35.
9. Обухова Е. Цена справедливости // Эксперт. 2017. № 9. Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2017/09/tsena-spravedlivosti/>; Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.
10. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
11. Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография / Отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.
12. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. 256 с.
13. Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997. 424 с.
14. Цена роскошной жизни. Исследовательский холдинг Ромир. Октябрь 2017 г. Режим доступа: http://romir.ru/studies/970_1508965200/
15. Эксперты правительства назвали точное число бедных работающих россиян. 2017 г. Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/31490722/?frommail=1>
16. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117 – 126.
17. Финкан. Ваш гид в мире финансов. 2019 г. Режим доступа: http://fincan.ru/articles/41_dotacii-regionam-rossii-2019
18. Голодец назвала бедность работающих россиян уникальным явлением. 2019 г. // Сетевое издание «Ведомости» (Vedomosti). Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/03/14/681104-golodets>
19. Демоскоп Weekly. 2019 г. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0811/rossia01.php#9>

References

1. Veber A.B. (2005) Social inequality in Russia: challenges to the society and public policy] / Pod red. A.A. Galkina i Yu.A. Krasina. M.: UKGF., 69 – 76.
2. City as socio-cultural phenomenon of historic process (1995) / Otv. red. E.V. Sajko. M.: Nauka.
3. Gajva E., Gurova T., Obuhova E. (2017) Not only in separately taken country // Expert, 38, 15 – 23.
4. Incomes and social services: inequality, vulnerability, poverty(2005) / [G.E. Besstremyannaya, A.YA. Burdyak, A.S. Zaborovskaya i dr.; ruk. avt. koll. T.N. Ovcharova]. M.: Izd. dom GU VSHE., S. 135 – 140.
5. You cannot forbid living beautifully // Invest-Arena Available at: <https://www.finversia.ru/news/events/krasivozhit-ne-zapretish-16570>
6. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2018) Masshtaby and dynamic of socio-economic inequality in modern Russia // Reforming Russia. Yearbook, 16. M.: Novyj Hronograf, 290 – 318.

7. *Mareeva S.V., Tihonova N.E.* (2016) Poverty and social inequality in Russia in public consciousness // *World of Russia*, 2, 37 – 67.
8. *Miroshnikova O.V., Shchekin G.YU., Reva I.E.* (2011) Tolerance in social area of city // *Sociology of city*, 4, 29 – 35.
9. *Obuhova E.* Price of justice (2017) // *Expert*, 9. Available at: <https://expert.ru/expert/2017/09/tsena-spravedlivosti/>; Russian society and challenges of the time. Book three (2016) / Pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tihonovoj. M.: Ves' Mir. 424 p.
10. *Ryzhova S.V.* (2011) Ethnic identity in the context of tolerance. M.: Al'fa-M.
11. Social factors of interethnic tension in Russia: monograph (2017) / Otv. red. Yu. B. Epihina, M. F. CHernysh. M.: FNIS RAN.
12. Social factors of consolidation of Russian society: the sociological dimension (2010) / Pod red. chl.-korr. RAN M.K. Gorshkova. M.: Novyj hronograf.
13. *Tokvil' A.* The old order and revolution (1997). M.: Moskovskij filosofskij fond.
14. The price of luxurious life. Research holding Romir. October 2017 g. Electronic resource // ROMIR. Available at: http://romir.ru/studies/970_1508965200/
15. Experts of government called the exact quantity of the poor Russian workers // *Novosti@mail.ru*. Available at: <https://news.mail.ru/economics/31490722/?frommail=1>
16. *Yanickij O.N.* History of city sociology in Russia: evolution of ideas (2016) // *Sociological researches*, 8.P. 117 – 126.
17. Finkan. Your guide to the world of finance. 2019 Available at: http://fincan.ru/articles/41_dotacii-regionam-rossii-2019
18. Golodets called the poverty of working Russians a unique phenomenon. 2019. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/03/14/681104-golodets>
19. Demoscope Weekly. 2019. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0811/rossia01.php#9>

Поступила в редакцию

1 марта 2021 г.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕГИОНА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

УДК 316.774

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.4

**Социализация молодёжи в компьютерно-интерактивной социальной системе:
социальные институты и риски коммуникации****М.В. Бештоков***Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: В данной работе рассматривается тема социализации российской молодежи в условиях современного информационного и информационального общества. Современная молодежь погружена в среду компьютерных и сетевых технологий, и социальным институтам необходимо адекватно реагировать на новые вызовы современного общества. Рациональность и результативность их действий напрямую влияет на степень рискогенности новых условий социализации молодежи. Первая часть работы посвящена краткому изложению роли социальных институтов в социализации молодежи, а также характеристикам и отличительным особенностям формальных и неформальных социальных институтов и их агентов. Вторая часть работы посвящена авторскому контент-анализу топовых ресурсов (сообществ) в популярной молодежной социальной сети VKontakte и анализу степени из принадлежности к формальным и неформальным социальным институтам. В заключительной части работы представляется авторская интерпретация результатов работы, оценка текущей ситуации баланса ресурсов формальных и неформальных социальных институтов и выводы касательно социализационных рисков для молодежи. Предполагается, что использованная методология может быть эффективной в сфере социальной аналитики и прогнозирования, а обозначенные проблемы помогут сформировать ряд практических мер по снижению социализационной рискогенности для молодежи в современном обществе.

Ключевые слова: социализация; молодежь; социальные институты; контент-анализ; компьютерно-интерактивная социальная система; формальные и неформальные институты; социальная сеть; компьютерные и сетевые технологии; Россия.

Для цитирования: Бештоков М.В. Социализация молодежи в компьютерно-интерактивной социальной системе: социальные институты и риски коммуникации // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 46–51.

**Socialization of youth in a computer-interactive social system:
social institutions and communication risks****Magomed V. Beshtokov***Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: This paper deals with the topic of socialization of Russian youth in the conditions of modern information and informational society. Modern youth is immersed in the environment of computer and network technologies, and social institutions need to adequately respond to the new challenges of modern society. The rationality and effectiveness of their actions directly affects the degree of riskiness of the new conditions of socialization of young people. The first part of the work is devoted to a brief description of the role of social institutions in the socialization of young people, as well as the characteristics and distinctive features of formal and informal social institutions and their agents. The second part of the work is devoted to the author's content analysis of top resources (communities) in the popular youth social network VKontakte and the analysis of the degree of belonging to formal and informal social institutions. The final part of the paper presents the author's interpretation of the results of the work, an assessment of the current situation of the balance of resources of formal and informal social institutions, and conclusions about the socialization risks for young people. It is assumed that the methodology used can be effective in the field of social analytics and forecasting, and the identified problems will help to form a number of practical measures to reduce the socialization risk for young people in modern society.

Keywords: socialization; youth; social institutions; content analysis; computer-interactive social system; formal and informal institutions; social network; computer and network technologies; Russia.

For citation: Beshtokov M. V. Socialization of youth in a computer-interactive social system: social institutions and communication risks// Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 46–51.

Введение

Говоря о социализации молодежи в современном информационном и информационном мире, необходимо затронуть вопрос компьютерных и сетевых технологий, которые стали неотъемлемой частью жизни современной молодежи и ее социализации. В этом свете особой актуальностью обладает тема социальных институтов и их социализационной активности в условиях информационного и информационного общества.

Цель исследования (контент-анализа) – рассмотреть и проанализировать топовые для российского сегмента и для аудитории российской молодежи ресурсы компьютерно-интерактивной социальной системы (далее – КИСС) по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и агентам.

Для исследования использовалась авторская концепция компьютерно-интерактивной социальной системы – опосредованная техническими устройствами система взаимодействия социальных акторов, обеспечивающая создание, функционирование и воспроизводство глобальной высокотехнологичной информационной и коммуникативной среды.

Топовые ресурсы наиболее популярных мега-ресурсов КИСС являются отражением объективной социальной реальности, влияющей на формирование среды КИСС, в которой регулярно пребывает и активно социализируется современная российская молодежь. Именно анализ топов позволяет в глобальном масштабе выявить тенденции информационно-коммуникационных процессов, происходящих в КИСС, в данном случае – соотношение статуса и результативности ресурсов формальных и неформальных социальных институтов и их агентов. Для исследования был выбран популярный среди российской молодежи тип ресурса КИСС – социальная сеть, а именно - крупнейший российский мегаресурс такого типа, как VK.com.

Социальные институты и их роль в социализации. Особенности формальных и неформальных институтов

Социальные институты появляются в обществе в ответ на попытки людей и общностей реализовать свои потребности сообща. Находя решения и способы реализации этих потребностей, в обществе создается система образцов поведения, которая закрепляется в общепринятые стандарты поведения, обычаи, традиции при помощи многократного и повсеместного повторения и в положительную оценку. Так, принятые и узаконенные образцы поведения и реализации потребностей человека превращаются в социальные институты (*Добреньков, 2000*).

Однако, социальные институты не однородны. Согласно Д. Норт, институты – это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми (*Норт, 1993*). При этом, институты можно разделить на формальные и неформальные (*North, 1990*).

Неформальный институт – это социальный институт, в котором отсутствуют установленные формальными правилами средства и методы деятельности, они не определены и не закреплены в нормативных документах и законодательных актах, поэтому гарантия устойчивости организации такого института отсутствует. Формальный институт – это социальный институт, активность которого регулируется правовыми актами, предписаниями законов, формально утвержденных установлений, распоряжений, регламентов, правил, уставов, должностных инструкций и т.д. К формальным институтам можно отнести семью, науку, образование, культуру, армию, спорт, политику и т.д. Наибольший интерес в данном исследовании вызывают

институты семьи, науки, образования и культуры, поскольку именно они играют наибольшую роль в социализации молодежи, трансляции ценностей, норм, образцов поведения и мышления.

Формальные институты и агенты обладают рядом преимуществ перед неформальными, что заключается в следующем: 1) нормативность – формальные институты устойчивы и стабильны, их деятельность, цели и нормы закреплены законами и формальными актами; 2) прогнозируемость – формальные институты предсказуемы, их деятельность можно прогнозировать, основываясь на их формальных актах, т.к. последствия можно предсказать исходя из причин; 3) управляемость – формальные институты управляемы, т.к. их деятельность зависит от законов, формальных актов, которые можно целенаправленно менять, корректируя и улучшая деятельность самих формальных институтов и агентов. Неформальные институты и агенты не обладают этими качествами в должной мере, следовательно, с ними сложнее выстраивать целенаправленную, конструктивную работу по социализации молодежи.

Это позволяет заключить, что социальные институты играют значимую роль в социализации человека, реализация их социализационных функций необходима для конструктивной социализации. При этом, отсутствие реализации этих функций в должной мере или подмена формальных конструктивных социальных институтов на других социализирующих акторов может привести к негативным последствиям.

Контент-анализ ресурсов КИСС и аналитика ресурсов формальных и неформальных социальных институтов и их агентов

Цель исследования (контент-анализа) – рассмотреть и проанализировать топовые для российского сегмента и для аудитории российской молодежи медиаресурсы по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и агентам. Для контент-анализа была выбрана платформа VKontakte – самая популярная у российской молодежи социальная сеть. По данным статистики Mediascope, в 2020 году VKontakte (VK) занимает 4 место по популярности среди медиаресурсов в России и 1 место среди соц. сетей; в месяц его использует более 74 млн. чел., а ежедневно – около 40 млн. чел., в т.ч. большое количество молодежи (*Mediascope, 2000*), (см. таблицу № 1).

Таблица № 1.

Российская аудитория VK (тыс. чел. в месяц) от 12 до 34 лет на декабрь 2020 года
(источник: mediascope.net).

(пол \ возраст)	12-24 лет	25-34 лет	всего
Мужчины	7 975	8 915	16 890
Женщины	8 002	9 562	17 564
Всего	15 977	18 477	34 454

Исследования ФОМ 2018 года подтверждают высокую актуальность и популярность VK среди российской молодежи. Согласно опросам, за последние 2-3 месяца VK пользовались 80% респондентов в возрасте 18-30 лет (*ФОМ, 2018*).

Следует отметить, что в контент-анализе исследуются ресурсы КИСС, и в итоговой аналитике они характеризуются как "формальные" или "неформальные" – эти слова берутся в кавычки, т.к. используются для краткости обозначения. Под "формальным" ресурсом имеется ввиду такой ресурс КИСС, принадлежность которого можно определенно и однозначно отнести формальным социальным институтам и их агентам. В противном случае, ставится отметка "неформальный" ресурс". Формулировка "российский сегмент" подразумевает, что либо ресурс зарегистрирован с локацией "Россия", либо ресурс русскоязычный и работает с российской аудиторией, либо ресурс отображается в топах и рекомендациях сайтов для российских пользова-

телей. Иными словами, "ресурсы российского сегмента" - это те ресурсы КИСС, к которым через соответствующие мега-ресурсы получает доступ пользователь, находящийся в России.

Для выявления топовых ресурсов было использовано 3 электронных базы данных – Allsocial, Br-analytics, Vk-top-groups, а также непосредственно инструменты самого сайта VK (*Vkontakte, 2021, Allsocial, 2021; Br-analytics, 2021; Vk-top-groups, 2021*), на основе чего сформированы 13 таблиц с различными вариациями топовых сообществ VK российского сегмента. Таблицы формировались на основе 9 комбинируемых индикаторов, для усиления репрезентативности и объективности анализа. Индикаторы были подобраны исходя из показателей и факторов информационно-коммуникационной результативности ресурса КИСС: кол-во подписчиков, кол-во просмотров, вовлеченность; а также исходя из тематической направленности ресурсов: общая категория, общий топ; а также категории: "наука и образование", "молодежные сообщества", "наука и технологии", "искусство и культура", также использовалась сортировка групп по релевантности (на сайте VK). На основе 13 таблиц был проведен анализ представленных ресурсов, отсеяны повторы и нефункционирующие ресурсы, в результате чего была сформирована итоговая сводная таблица. В нее вошли 165 топовых сообществ VK российского сегмента, которые были проанализированы по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и их агентам.

Сводные суммарные показатели по подписчикам, охвату и вовлеченности позволяют судить об информационно-коммуникационной результативности и статусе исследуемых ресурсов КИСС – сообществ VK, и о репрезентативности контент-анализа в целом (см. таблицу № 2).

Таблица № 2.

Суммарные показатели по таблицам исследуемых топов сообществ VK:

показатели (в млн.)	Подписчики	охват	вовлеченность
в среднем	5,4	0,6	8,48
Максимум	17,8	2	38,2
Минимум	0,034	0,1	3,9

Результат анализа принадлежности ресурсов КИСС (сообществ VK) по данным сводной таблицы: "формальные" – 22; "неформальные" – 143.

Заключение

В итоговую сводную таблицу вошли 165 топовых сообществ VK российского сегмента. Результат анализа данных ресурсов КИСС по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и агентам показал, что из 165 сообществ к "формальным" относятся 22, а к "неформальным" – 143, т.е. определенно принадлежащим соответствующим социальным институтам и их агентам.

Таким образом, топы сообществ VK представлены на 13,3% формальными социальными институтами и их агентами. Однако здесь следует дать серьезное пояснение, апеллирующее к деталям исследования.

Во-первых, поскольку в центре исследования все же стоит именно информационно-коммуникационная активность формальных социальных институтов, то в данном случае к "формальным" ресурсам были причислены и те, которые не принадлежат определенно и полностью данным институтам и их агентам, но связаны с ними в большинстве своих функций и контента. Например – сообщества "КиберЛенинка" или "Роскосмос".

Во-вторых, в сводный топ эти ресурсы попали только благодаря специальным категориям – эти сообщества не входят ни в одну таблицу категории "общий топ", а

их показатели результативности существенно ниже среднего уровня. Так, минимальное количество подписчиков на "формальных" ресурсах равно 9 тыс., максимальное – 585 тыс., среднее – 120 тыс., а суммарное – 2,6 млн. человек. Наряду с этим, даже один самый маленький "неформальный" ресурс из категории "общий топ" имеет 6,9 млн. подписчиков, что в 2,5 раза превышает суммарное количество подписчиков на всех "формальных" ресурсах.

Это позволяет сделать вывод, что, несмотря на наличие в сводном топе VK ряда ресурсов формальных социальных институтов и их агентов, все же они слабо выражены и имеют весьма низкую социализационную активность и результативность на мега-ресурсе КИСС "VKontakte" в глобальном масштабе. В результате, вырисовывается двойная проблема: с одной стороны, такой дисконтакт приводит к недостаточному, искаженному социализирующему воздействию формальных социальных институтов на молодежь; с другой стороны, если формальные социальные институты и их агенты не имеют должного контакта с молодежью и влияния на нее, то их место займут другие институты и агенты, социализационные цели которых могут идти в разрез с конструктивным вектором. Это позволяет сделать вывод о значительных рисках коммуникации и социализации молодежи в КИСС.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бештоков Магомед Владимирович

Соискатель

Институт социологии и регионоведения,

Южный федеральный университет

E-mail: xeluthor@gmail.com

Magomed V. Beshtokov

External postgraduate student

Institute of Sociology and Regional Studies,

Southern Federal University

E-mail: xeluthor@gmail.com

Литература

1. Добренков В.И. Социологические институты и процессы. М.: Логос, 2000. 640 с.
2. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // Тезис. Т.1. Вып.2. М., 1993. Режим доступа: https://socioline.ru/_seminar/predmet/om/s_nort-1993.pdf
3. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. — New York: Cambridge University Press, 1990. Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/books/institutions-institutional-change-and-economic-performance/AAE1E27DF8996E24C5DD07EB79BBA7EE>
4. База данных Mediascope "Топ-10 ресурсов" 2020 г. Режим доступа: <https://webindex.mediascope.net/top-resources>
5. База данных сообществ VK Allsocial. Режим доступа: <https://allsocial.ru>
6. База данных сообществ VK Br-analytics. Режим доступа: <https://br-analytics.ru>
7. База данных сообществ VK Vk-top-groups. Режим доступа: <https://vk-top-groups.ru>
8. Исследование ФОМ "Пользование социальными сетями и мессенджерами", 2018 г. Режим доступа: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14137>
9. Социальная сеть VKontakte. Режим доступа: <https://vk.com>.

References

1. Dobrenkov V. I. (2000). Sociological institutions and processes. M.: Logos. 640 p.
2. North D. (1993). Institutes and economic growth: a historical introduction // Tezis. Vol. 1. Issue 2. Moscow. Available at: https://socioline.ru/_seminar/predmet/om/s_nort-1993.pdf

3. North D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. New York: Cambridge University Press. Available at: <https://www.cambridge.org/core/books/institutions-institutional-change-and-economic-performance/AAE1E27DF8996E24C5DD07EB79BBA7EE>
4. Mediascope database "Top-10 resources" 2020. Available at: <https://webindex.mediascope.net/top-resources>
5. VK Allsocial community database. Available at: <https://allsocial.ru>
6. VK Br-analytics community database. Available at: <https://br-analytics.ru>
7. Database of VK communities Vk-top-groups. Available at: <https://vk-top-groups.ru>
8. Issledovanie FOM "Use of social networks and messengers", 2018. Available at: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14137>
9. Social network VKontakte. Available at: <https://vk.com>

Поступила в редакцию

9 февраля 2021 г.

УДК 316

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.5

Влияние технического обеспечения онлайн-обучения на социализацию студентов

О.В. Богданова

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: В данной работе предпринимается попытка выделения основных требований к техническому обеспечению онлайн-обучения в Российской Федерации. Научное сообщество уделяет мало внимания технической стороне онлайн-обучения и концентрируется на перечислении преимуществ и недостатков этого формата. Автором сформулированы два требования к техническому обеспечению онлайн-обучения: требования к оптимизации и требования к функционалу. Первые связаны с доступностью платформы онлайн-обучения для множества операционных систем и гаджетов, а вторые с возможностями, которые она должна предоставлять студентам. Определено, что российские университеты, в большинстве случаев, пользуются не платформами, предназначенными для онлайн-обучения, а сервисами видеоконференций, не обладающих необходимым функционалом и оптимизацией под нужды преподавателей и студентов. Выявлено, что несоответствие платформы онлайн-обучения вышеописанным требованиям отрицательно скажется на социализации студентов и замедлит их инициацию в студенческое сообщество и высшую школу.

Ключевые слова: онлайн-обучение; онлайн-образование; цифровизация образования; платформы онлайн-обучения; социализация студентов.

Для цитирования: Богданова О.В. Влияние технического обеспечения онлайн-обучения на социализацию студентов // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 52–57.

The impact of technical support for online learning on students' socialization

Oksana V. Bogdanova

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: This paper attempts to highlight the main requirements for the technical support of online learning in the Russian Federation. The scientific community pays little attention to the technical side of online learning and focuses on listing the advantages and disadvantages of this format. The author formulated two requirements for the technical support of online learning: requirements for optimization and requirements for functionality. The first ones are related to the accessibility of the online learning platform for a variety of operating systems and gadgets, and the second ones are related to the features it should provide to students. It was determined that Russian universities, in most cases, do not use platforms designed for online learning, but rather video conferencing services that do not have the necessary functionality and optimization for the needs of teachers and students. It is revealed that the inadequacy of the online learning platform to the above requirements will have a negative impact on the socialization of students and slow down their initiation into the student community and higher education.

Keywords: online learning; online education; digitalization of education; online learning platforms; socialization of students.

For citation: Bogdanova O. V. The impact of technical support for online learning on students' socialization // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 52–57.

Продвижение онлайн-обучения и цифрового образования является важной социально-экономической повесткой, связанной с повышением доступности образования для широких масс населения. Мировая пандемия covid 19 поставила абсолютное большинство университетов перед необходимостью цифровизации образовательных процессов и частичного или полного перехода на онлайн формат взаимодействия преподавателей и студентов. Онлайн-обучение имеет множество преимуществ, среди которых можно назвать доступность, экономичность, асинхронность и инновационность, однако все вышеописанные положительные стороны онлайн-обучения могут быть нивелированы плохой технической реализацией. Основное от-

личие онлайн-обучения от классического очного заключается в опосредованном характере образовательного процесса. Взаимодействие студентов с преподавателем осуществляется не непосредственно, а при помощи информационно-коммуникационных технологий. Иными словами, онлайн-обучение по сути является медийно-опосредованным процессом, где «медийность» подразумевает наличие технических посредников, влияющих на продуктивность образовательного процесса. В настоящий момент онлайн-обучение в России реализуется на онлайн-платформах Zoom, Microsoft Teams и Moodle. При этом первые две, хоть и являются самыми популярными, фактически предназначены для проведения бизнес-переговоров, а не осуществления образовательной деятельности. Таким образом, мы предполагаем, что основные проблемы технического обеспечения онлайн-образования связаны с выбором наиболее подходящей и оптимизированной под запросы потребителей платформы и именно от этого первичного выбора будет зависеть эффективность образовательного процесса.

В рамках этой статьи мы проанализируем основные технические требования, которые выдвигаются к образовательным онлайн-платформам и предпримем попытку определить основные векторы развития российского онлайн-обучения в техническом аспекте.

Начнем с анализа литературы, посвященной онлайн-обучению. Отечественный научный дискурс, посвященный онлайн-обучению насыщен статьями, в которых рассматриваются преимущества и недостатки онлайн-обучения. Л.В. Ключникова (*Ключникова, 2015*), Т.И. Леженкина (*Леженкина, 2010*), Ю.В. Юмагузин (*Юмагузин, 2018*), Д.В. Куркина (*Куркина, 2018*) и многие другие исследователи изучают онлайн-обучение в его зачаточном состоянии и предпринимают попытку классификации его плюсов и минусов. Обращаем внимание на то, что теоретическое осмысление онлайн-обучения оставляет желать лучшего, так как авторы часто подменяют понятия «онлайн-обучение», «онлайн-образование», «дистанционное обучение», «цифровое образование», что свидетельствует об отсутствии четкой демаркационной линии, отделяющей одно понятие от другого. Отечественные исследователи также концентрируют внимание и на более специфических проблемах онлайн-обучения. Так, С.В. Баженов рассматривает онлайн-образование и обучение в контексте национальной безопасности России (*Баженов, 2015*), Г.А. Шабанов уделяет внимание педагогическим проблемам обеспечения качества онлайн-образования (*Шабанов, 2017*), Н.Н. Горлушкина размышляет об организационном аспекте онлайн-обучения (*Горлушкина, 2020*), а В.В. Ковалев со своими коллегами проводил эмпирические исследования восприятия студентами практик онлайн-обучения (*Ковалев, 2020*).

Исследователи редко уделяют внимание техническому аспекту проблемы онлайн-обучения, что можно связать с отсутствием глубокого понимания принципов работы цифровой инфраструктуры, обеспечивающей процесс онлайн-обучения. Это приводит нас к пониманию того, что в научном сообществе отсутствует консенсус по поводу требований, предъявляемых к платформе онлайн-обучения. Мы попытаемся поработать над этой проблемой и перечислить основные требования, предъявляемые к платформе онлайн-обучения, позволяющие обеспечить эффективность образовательного процесса в онлайн-формате.

Основные требования, предъявляемые к онлайн-платформе, на которой должно реализовываться онлайн-обучение можно условно поделить на два типа:

- 1) требования к оптимизации;
- 2) требования к функционалу.

Начнем с рассмотрения требований к оптимизации. Под оптимизацией понимается максимизация выгодных характеристик, соотношений и минимизация расхо-

дов. Если рассмотреть это со стороны информационных технологий, то основной задачей оптимизации является улучшение эффективности работы системы на множестве гаджетов и операционных системах. На практике это означает, что платформа онлайн-обучения должна быть доступна и функциональна на большом количестве устройств, осуществляющих к ней подключение. Она должна работать на персональных компьютерах, смартфонах, планшетах, ориентироваться на ведущие операционные системы MS Windows, Linux и Mac. На мобильных платформах она должна запускаться на операционных системах Android и Ios. Отметим, что абсолютное большинство онлайн-платформ функционируют на всех вышеописанных системах, но производительность может разительно отличаться. Например, пользователи Ios редко испытывают проблемы с производительностью, так как она применяется на гаджетах премиум класса, в то время как пользователи операционной системы Android, используемой в гаджетах всех ценовых сегментов, может приводить ко множеству проблем технического характера, связанных с зависанием приложений, отключением от онлайн-платформы, низким качеством аудио- и видеосвязи и множеством других аспектов, характерных для конкретных моделей. Из вышеописанного следует, что онлайн-платформа должна быть «легкой» по весу, не требовательной к аппаратному обеспечению и легко запускаться на устаревших операционных системах. Объясняется это тем, что в России, в отличие от западных стран, обеспечение информационными технологиями масс студентов оставляет желать лучшего и приводит к проблеме так называемого «цифрового раздела» (англ. Digital divide), делящего студентов на имеющих доступ к информационным технологиям, не имеющих к ним доступа или испытывающих с ним серьезные затруднения. Аналогичная ситуация обстоит и с профессорско-преподавательским составом, имеющим тенденцию к сопротивлению инновациям, низкой компьютерной грамотности и отсутствию желания повышать свои информационно-технологические компетенции. На практике это приводит к тому, что студенты, подключаясь, например к Microsoft Teams, испытывают технические трудности, не позволяющие начинать занятия вовремя. Пользователи устаревших персональных компьютеров и ноутбуков подключаются с задержками и могут внезапно отключиться, преподаватели, пользующиеся старыми веб-камерами, не позволяют воспринимать их лекции серьезно, дешёвые и некачественные микрофоны могут не подключиться к самой программе и так далее. Список технических проблем, с которыми сталкиваются пользователи можно продолжать бесконечно, но основной вывод заключается в том, что все вышеприведенные проблемы укоренены в низкой оптимизации платформы онлайн-образования. Это, в свою очередь, приводит нас к пониманию того, что у руководителей университетов, отвечающих за выбор платформы для онлайн-обучения нет чёткого понимания своей аудитории и уровня её технического обеспечения и информационно-коммуникационной грамотности.

Перейдем к рассмотрению требований к функционалу. Начнем с того, что основной проблемой российского онлайн-обучения является отсутствие отечественных платформ для онлайн-образования, разработанных специально для нужд студентов и преподавателей высшей школы. Множество ВУЗов, в том числе федерального уровня, пользуются платформами для бизнес-коммуникаций Zoom и Microsoft teams, что свидетельствует о неподготовленности российской цифровой среды для полноценного онлайн-обучения. Мы считаем, что функционал, предоставляемый платформами для видеосвязи, не отвечает всем требованиям преподавателей и студентов, следовательно, снижает качество онлайн-обучения.

Сделаем небольшое отступление от требований по функционалу и углубимся в рассмотрение того, почему российская высшая школа, обладающая высокой репутацией и авторитетом в мировом научном сообществе, пользуется не специализиро-

ванными средствами для онлайн-обучения, а платформами для видеоконференций. По нашему мнению, это связано, в первую очередь, с неформальным сопротивлением инновациям. Объясняется это тем, что российское высшее образование очень авторитарное и устойчивое. Основными субъектами образовательного процесса являются преподаватели и студенты, но именно преподаватели определяют то, как будет проводиться занятие. Сами преподаватели, при этом, подчиняются указаниям администрации университета, получающей распоряжения от министерства образования. Западные университеты легко адаптируются к инновациям, так как они относительно независимы от государственной власти и ориентируются на потребителя, стремясь удовлетворить его потребности в удобном и качественном продукте, в то время как в России основным актором, определяющим правила образовательного процесса является Министерство науки и высшего образования. Очевидно, что при таком подходе Российское образование в вопросах инноваций и современных подходов всегда будет отставать от мировых трендов. Таким образом обрисовывается тенденция к отставанию российской высшей школы, плохо принимающей инновации, связанные с информационными технологиями. Можно сказать, что российское онлайн-обучение фактически не является онлайн-обучением, а всего лишь «оцифрованным» классическим очным образованием. Это означает, что взаимодействие преподавателя и студента в онлайн-обучении мало отличается от обычного, реализуемого в очном или заочном формате. При этом онлайн-образование и онлайн-обучение – принципиально отличающиеся от классического университетского образования явления. Можно сказать, что во всем российском онлайн-обучении существует фундаментальная подмена понятий, в котором весь процесс онлайн-обучения де факто таковым не является. Именно по этой причине университеты выбирают платформы для видеоконференций для реализации онлайн-обучения, ведь им необходимо сохранить устоявшиеся образовательные практики и воспроизвести их в онлайн формате посредством контактного общения преподавателей и студентов в сети Интернет. В этой ситуации самым простым шагом будет арендовать платформу для видео-конференций и проводить в них лекции и семинары. Это приводит к ситуации, в которой не предназначенные для онлайн-обучения платформы не обладают необходимым функционалом и затрудняют реализацию потенциала онлайн-обучения.

Итак, углубившись в фундаментальную проблему, стоящую перед онлайн-обучением, связанную с несоответствием платформ для реализации онлайн-образования требованиям субъектов образовательного процесса, перейдем к формированию самых важных требований к функционалу платформ для онлайн-обучения.

1. Требования к инклюзивности. Онлайн-обучение призвано сделать образование доступным, следовательно, должно быть ориентировано, в том числе, и на людей с ограниченными возможностями. Перевод голоса в субтитры (и наоборот), управление жестами, цветокоррекция для больных дальтонизмом.

2. Требования к асинхронности. Онлайн-обучение подразумевает возможность студентов заниматься тогда, когда им удобно и предоставлять выполненные задания преподавателю в удобном файлообменнике. Платформы для бизнес-встреч не имеют функционала, позволяющего хранить отправленные студентами файлы продолжительное время, так как все это привязано к конкретным «встречам», в которых файлы прикрепляются к конкретной дате, что не позволяет преподавателю оценить все отправленные студентом домашние задания. Таким образом, платформа для онлайн-обучения должна иметь своеобразный аналог «дневника» студента, где будут учитываться все пройденные материалы и оценки. В настоящий момент это реализуется на официальных сайтах университетов, не обладающих дружелюбным к пользователю интерфейсом, что снижает продуктивность работы с этим функционалом.

По этой причине вышеописанное должно быть обеспечено именно на уровне платформы онлайн-обучения.

3. Требования к социальной платформе. Одним из недостатков онлайн-обучения выступает отрицательное влияние на социализацию студентов, связанную с тем, что контакты в онлайн-формате не позволяют инициироваться в статус студента, обзавестись друзьями, сотрудничать с однокурсниками и другими обучающимися. Онлайн-обучение должно это компенсировать, создав платформу для социализации в виде групп для студентов, чатов, комнат и «мастерских», в которых студенты могут совместно работать над проектами в контактном формате. В настоящий момент онлайн-платформы, которыми пользуются в российских университетах не обладают подобным функционалом, так как привязаны к «встречам», назначаемым преподавателями. Это не позволяет обучающимся коммуницировать друг с другом и обмениваться информацией, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на их социализации и не позволяет им стать членами студенческого сообщества.

Список требований к функционалу можно расширить за счет конкретных требований отдельно-взятых университетов, обладающих теми или иными потребностями, но вышеописанные требования к функционалу являются фундаментальными и определяющими отличие онлайн-обучения классического и заочного образования. Самым оптимальным решением будет разработка проприетарных университетских платформ для онлайн-обучения, ориентированных на

Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что техническое обеспечение онлайн-обучения является фундаментом всего образовательного процесса, реализуемого в режиме онлайн. Это означает, что выбор правильной платформы, соответствующей требованиям онлайн-обучения, позволит реализовать его потенциал. Отечественное онлайн-обучение находится в стадии поиска своей идентичности и требует рекомендаций от исследователей, занимающихся проблемами онлайн-обучения. Дальнейшие перспективы исследования мы усматриваем в проведении эмпирических исследований, связанных с выявлением отношения потребителей образовательных услуг к онлайн-обучению. Это позволит не только выявить основные проблемы этой формы обучения, но и понять, в каких направлениях следует работать в целях его оптимизации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Богданова Оксана Владимировна

Соискатель,

Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

E-mail: pk-iser@mail.ru

Oksana V. Bogdanova

Applicant,

Institute of Sociology and Regional Studies, Southern federal university

E-mail: pk-iser@mail.ru

Литература

1. *Ключникова Л.В.* Преимущества онлайн-обучения // Система ценностей современного общества. 2015. №40. С. 166-168.
2. *Леженкина Т.И.* Онлайн-обучение // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2010. №1. С. 134-139.
3. *Юмагузин В.В.* Почему будущее за онлайн-обучением? // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. №13-2. С. 837-838.

4. Куркина Д.В. Педагогический потенциал и проблемы онлайн-обучения // Вестник науки и образования. 2018. №11 (47). С. 71-75.
5. Баженов С.В., Баженова Е.Ю. Массовое онлайн-образование и национальная безопасность России // Гуманизация образования. 2015. №6. С. 71-77.
6. Шабанов Г.А. Педагогические проблемы обеспечения качества онлайн-образования // Высшее образование сегодня. 2017. №5. С. 9-12.
7. Горлушкина Н.Н., Филиппов Р.К. Размышления об организации обучения в режиме онлайн // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. №2 (41). С. 68-69.
8. Ковалев В.В., Дятлов А.В., Воденко К.В. Оценка качества онлайн образования (по материалам фокусированных интервью в студенческих группах) // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. №3. С. 6-14.

References

1. Klyuchnikova, L.V. (2015). Advantages of Online Learning. System of Values of Modern Society, 40. P. 166-168.
2. Lezhenkina, T.I. (2010). Online-Learning. Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (State and society), 1,134-139.
3. Yumaguzin, V.V. (2018). Why online learning is the future? Russia: Trends and prospects for development, 13 (2), 837-838.
4. Kurkina, D.V. (2018). Pedagogical potential and problems of online learning. Bulletin of science and education, 11 (47). P. 71-75.
5. Bazhenov, S.V., Bazhenova E.Yu. (2015). Mass online education and the national security of Russia. Humanization of education, 6, 71-77.
6. Shabanov G.A. (2017). Pedagogical problems of ensuring the quality of online education. Higher Education Today, 5, 9-12.
7. Gorlushkina, N.N., Filippov, R.K. (2020). Reflection on the organization of online education. Vocational education and labor market, 2 (41). P. 68-69.
8. Kovalev, V.V., Dyatlov, A.V., Vodenko, K.V. (2020). Assessment of the quality of online education (on the materials of focused interviews in student groups). Bulletin of SRSTU (NPI), 3, 6-14.

Поступила в редакцию

20 февраля 2021 г.

УДК 316.356.2(470.67)+2(470.67)
DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.6

Семейные ценности и традиции: роль и функции (на примере Дагестана)

Э.М. Загирова

*Дагестанский федеральный исследовательский центр
г. Махачкала, Россия*

Аннотация: Отечественные фамилисты, анализируя современное состояние семьи, подчеркивают, что в ней протекают сложные и противоречивые процессы, обусловленные объективными и субъективными причинами, среди которых можно отметить изменение демографического поведения, появление, вернее, ренессанс института многоженства, ориентированность на малодетную семью, утрата традиционных семейных ценностей. Происходящие в пространстве семейно-брачных взаимоотношений преобразования закономерно затронули и традиционное дагестанское общество, в котором исторически преобладали установки на многодетность, следование определенным правилам семейного поведения. Авторское эмпирическое исследование показывает, что в массовом сознании опрошенного населения Дагестана с большим преимуществом преобладает позиция, показывающая ориентированность опрошенных следовать устоявшимся семейным традициям и обычаям, хотя имеет место и заметное отличие между сельской и городской местностью. Существование различий в установках горожан и сельского населения обусловлено тем, что на городскую культуру огромное влияние оказывает урбанизация, полиэтничность и поликонфессиональность, по сравнению с сельской местностью, в которой удается сохранить традиционный уклад. В массовом сознании опрошенных имеет место эмоциональное отношение к бездетным супружеским парам, которые по объективным причинам не могут иметь детей, но эмпирические данные показывают толерантное отношение дагестанского населения к добровольной бездетности с мотивацией необходимости защиты личного пространства каждого человека, который имеет отличающиеся от окружающих семейные ценности и установки. Исследование не выявило существенных отличий по семейному положению респондентов, т.е. семейный статус не оказывает какого-либо влияния на формирование, во-первых, семейных ценностей, во-вторых, при обозначении своего отношения к семейным парам, которые по тем или иным причинам не имеют детей.

Ключевые слова: дагестанская семья; бездетная семья; добровольная бездетность; кризис семьи; городское население; городская среда; семейно-брачная сфера; семейные ценности.

Для цитирования: Загирова Э.М. Семейные ценности и традиции: роль и функции (на примере Дагестана) // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 58–69.

The role and functions of family values and traditions (case study of Dagestan)

Elvira M. Zagirova

*Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia*

Abstract: Domestic familists, analyzing the current state of the family, emphasize that complex and contradictory processes are taking place in it, due to objective and subjective reasons, among which can be noted a change in demographic behavior, the emergence, or rather, the renaissance of the institution of polygamy, focus on small families, loss of traditional family values. The transformations taking place in the space of family and marriage relations naturally affected the traditional Dagestan society, in which attitudes towards having many children and adherence to certain rules of family behavior have historically prevailed. The author's empirical research shows that in the mass consciousness of the surveyed population of Dagestan, the position showing the orientation of the respondents to follow the established family traditions and customs prevails, although there is also a noticeable difference between rural and urban areas. The existence of differences in the attitudes of the townspeople and the rural population is due to the fact that urbanization, polyethnicity and polyconfessionalism have a huge impact on urban culture, compared to rural areas, where the traditional way of life is preserved. In the mass consciousness of the respondents, there is an emotional attitude towards childless married couples who, for objective reasons, cannot have children, but empirical data show a tolerant attitude of the Dagestani population towards voluntary childlessness with the motivation for the need to protect the personal space of each person who has family values that differ from those around them and installation. The study did not reveal significant differences in the marital status of the respondents, i.e. marital status does not have any influence on the formation, firstly, of seed values, and secondly, when indicating their attitude towards married couples who, for one reason or another, do not have children.

Keywords: Dagestan family; childless family; voluntary childlessness; family crisis; urban population; urban environment; family and marriage; family values.

For citation: Zagirova E. M. The role and functions of family values and traditions (case study of Dagestan) // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 58–69.

Введение

В последнее время истинные ценности в человеческой жизнедеятельности неотступно начинают терять свою значимость и востребованность, соответственно, оказываются на периферии, что еще более уменьшает их в социальной жизни. В массовое сознание насаждается тезис о доминировании материальных благ, бесконечного потребления и обогащения, при наблюдающейся утрате духовно-нравственных установок. Последствием такого общественного развития может явиться потеря многих основ и норм нравственности и морали, а те модели поведения, которые не принимались и подвергались жесткой критике, в настоящее время, к сожалению, не считаются пороком, порой приобретают статус «нормы», в конечном счете, негативно отражаясь на взаимоотношениях людей. На данный факт обратил, в своем докладе, внимание митрополит Волокамский Илларион на Международном симпозиуме «Традиционные ценности в эпоху глобализации»: «на европейском континенте происходит сознательный и последовательный демонтаж системы ценностей, на которых веками строилась жизнь наших предков» (*Дараган, Марговская, 2014*).

В связи с кризисом института семьи, особенно в западных странах закономерно возникает вопрос о духовно-нравственном состоянии мирового сообщества, конкретно западных стран, в которых активно пропагандируются и узакониваются альтернативные виды семей, а именно однополые браки, свобода сексуального поведения, более того, признание такого типа брачного союза объявляется необходимым признаком цивилизованности страны. А те государства, которые еще не дошли до признания такой формы брака, обвиняются в нарушении прав человека, например, Россию обвиняют в том, что в ней преследуется законом пропаганда гомосексуализма среди несовершеннолетних. И в нашей стране есть такие весьма толерантные общественные деятели, которые выступают, например, за «сексуальное просвещение», в том числе и насчет нетрадиционной сексуальной ориентации, начиная с младших классов. Ссылаются при этом на передовую цивилизованную Европу.

Один из представителей российской делегации на заседании ООН, посвященное правам ребенка отмечал, что было рекомендовано «отменить закон против пропаганды гомосексуализма несовершеннолетним и даже объяснять детям права секс-меньшинств. Иными словами, ООН навязывает суверенным государствам идеи, придуманные некими псевдонаучными центрами, общественными организациями, защищающими права гомосексуалистов и т.д. При этом никто не рассказывает детям, что у гомосексуалистов примерно в 20 раз выше риск заражения СПИДом, гепатитом, что у них высокий уровень самоубийств, распространены больше, чем в других слоях общества, алкоголизм, наркомания и т.д. Понятно, что в такой ситуации и нормальная семья будет исключена из числа институтов, жизненно необходимых для сохранения нравственных законов в жизни людей» (*Дараган, Марговская, 2014*).

Наличие многих проблем в современном обществе объясняется тем, что ослабла сама по себе семья, в которой происходило воспитание детей, прививание им морально-нравственных правил общественного бытия и поведения, более того, можно утверждать, что семья уже в прежней форме и объеме не выполняет свои функции. Разумеется, воспитательный процесс, который пытаются полностью переложить то на плечи родителей, то на плечи школ, без их тесного взаимодействия и сотрудничества вряд ли способен принести желаемые результаты, ибо воспитание это трудоемкий, требующий большого терпения и полной отдачи процесс.

В современном обществе закономерно изменился статус и роль женщины, она в силу объективных причин оказалась вовлеченной в сложнейшие общественные процессы. При этом и сама женщина ведет активный образ жизни, занимаясь бизнесом, политикой, поэтому вполне закономерным является отсутствие у нее достаточно сил и времени на воспитание детей. Свой, порой и негативный, вклад вносит ювенальная юстиция: одна часть придерживается позиции, что государство является собственником всех детей и просто временно доверяет их воспитание родителям. При нарушении прав ребенка, по мнению представителей ювенальной юстиции, государство имеет право через ювенальный суд изъять у родителей их родных детей, либо приставить к ним для «нужного» воспитания соцработников, представителей попечительских органов и т.д. Другая часть настаивает на том, что родители имеют приоритетное право в воспитании своих детей, исходя из собственных представлений и предпочтений. Выступающие против правил и норм ювенальной юстиции, мотивируют свою позицию тем, что они не хотят беспочвенного и беспричинного вмешательства органов опеки в семейное пространство, причем для такой точки зрения имеются вполне объективные причины, среди которых можно, к примеру, назвать, небольшие детские пособия, отсутствие работы для родителей в местах их проживания, низкий уровень доходов и т.д. Однако на практике можно встретиться с критикой именно поведения родителей, которые не ведут асоциальный образ жизни, трудятся, но при этом не могут обеспечить семью потому что само государство их «загнало» в рамки нищенского существования.

Наряду с ювенальной юстицией, которая защищает права ребенка, и в самом обществе можно встретить негативное отношение к многодетным семьям, притом, что в нашей стране наблюдается демографический кризис, который, несмотря на материальное поощрение родителей, не в состоянии справиться с этой очень актуальной и злободневной проблемой. В общественном сознании россиян можно встретить мнение «Зачем плодить нищету?».

Таким образом, в настоящее время важным становится демографическая проблема, которая очень остро обозначилась в постсоветский период. В силу политической, экономической, социальной и морально-нравственной деградации, вызванной разрушением Советского Союза, демографическая ситуация в начале 1990-х катастрофически ухудшилась, что проявилось в так называемом «русском кресте», т.е. графике пересечения линий рождаемости и смертности в 1992 г. и в последовавшем после этого превышении смертности над рождаемостью. И до сих пор мы не можем оправиться от этого потрясения (*Носкова, 2012; Верещагина, 2009*).

С. И. Голод, отечественный социолог (А.Г. Харчев – Авт.) в конце 70-х гг. XX столетия декларировал отмирание в ближайшее время браков по расчету, изживание поздних браков, упрочение эмоциональных связей с родственниками, уменьшение количества бездетных и неполных семей, однако, «кануло четверть века, и, тем не менее, не зафиксировано признаков, например, сокращения неполных семей, напротив, их доля год от года возрастает» (*Голод, 2003*). Между тем, по мнению отечественных демографов, чтобы поддерживать население страны на нынешнем уровне, необходимо в среднем 2,5 ребенка на одну женщину (сейчас у нас 1,5 ребенка). Соответственно, половина женщин России должна иметь четыре-пять детей, потому что у кого-то вообще не будет детей, у кого-то только один ребенок и т.д. Государство в последние годы делает правильные шаги в решении демографической проблемы и укреплении статуса семьи. И хотя материнский капитал или выдача бесплатных земельных участков – это скорее символические поощрения, которые в реальной жизни довольно трудно получить, тем не менее, даже такие заявленные государством меры заметно меняют атмосферу в семейно-брачной сфере.

Таким образом, одним из главных направлений решения демографической проблемы является увеличение рождаемости, рост числа детей в семье. В настоящее время в семейной структуре России доминируют малодетные семьи: только 6 % семей воспитывают трех и более детей (в странах Западной Европы этот показатель составляет 12 – 15 %) (Антонов, 2017). Иными словами, сохранение российского народа возможно только при существенном повышении доли семей с тремя и более детьми.

Разумеется, российская власть осознает сложность проблемы и для ее реализации были предприняты ряд шагов, среди которых следует отметить принятие в 2006 г. Закона Российской Федерации «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», предполагающее получение материнского капитала женщинами, рожаящими второго ребенка. В 2007 г. в России была утверждена «Концепция демографической политики России до 2025 года». Вместе с тем, закономерно возникает вопрос о том, способны предпринятые меры переломить ситуацию в демографической сфере и демографическом поведении россиян? Проведенный отечественными фамилистами глубокий анализ семейно-брачной сферы, показывает наличие в ней кризиса, потерю ценности семьи, как таковой, изменение репродуктивных установок у женщин, которые в эпоху глобализации больше ориентированы на карьеру и карьерный рост, и только после достижения поставленных целей планируют детей и то не более одного ребенка.

В связи с вышесказанным важным, при анализе демографической ситуации в стране, представляется установление причин, факторов, которые препятствуют осуществлению государственной политики в увеличении доли многодетных семей в структуре населения России. По мнению известного российского фамилиста С.И. Голод, «действительно, предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность в настоящее время не представляется аномальной. Хотя, как известно, лет 30 – 40 тому назад даже некоторые специалисты (демографы и социологи) воспринимали бездетность как нарушение нормы» (Голод, 2012). Согласно демографу Л.Е. Дарскому, «можно спорить о наилучшем числе детей в семье, но бездетная семья есть явление патологическое с любой точки зрения» (Дарский, 1972). А вот позиция ленинградского социолога В. Голофаства: «По прошествии некоторого времени, если исчерпаны все допустимые возможности объяснения (учеба, отсутствие своего жилья и т.п.), бездетность становится предметом пристального оценивающего внимания и самих супругов, и родственников, и окружающих посторонних лиц. Наступает момент (раньше всего, видимо, для самих супругов), когда данное положение квалифицируется как ненормальное» (Голофаств, 1972)

Социально-экономические трансформации постсоветского периода охватили все сферы функционирования общества, соответственно, новые тенденции проявились и в семейно-брачной сфере (Шахбанова, 2012). Как известно, институт семьи выполняет немаловажную роль в процессе воспроизводства населения и обеспечения основных потребностей общества в сфере регулирования социальных отношений, социализации индивидов, их морального и физического самочувствия, жизненной самореализации. Характерные для современного общества модификации в сфере семейно-брачных отношений обуславливают, с одной стороны, рост интереса о будущем семьи как социального института, которое в основном определяется социокультурными факторами, с другой, преобразования института семьи отражаются на демографических процессах. Следовательно, исследование процессов, связанных с институциональной трансформацией традиционной семьи представляется необходимым для определения перспектив и тенденций эволюции семьи в дагестанском обществе и его демографического развития.

Кризис традиционной семьи отразился на характере семейных отношений и семейного поведения, что находит выражение в динамике репродуктивных, супружеских и родительских установок, росте количества разводов, следовательно, и неполных семей, что в высшей степени актуализирует проблему разрушения устоев традиционной семьи и ее ценностей и необходимость выявления тенденций семейной эволюции в Дагестане.

Характерное для постсоветского периода развития российского общества игнорирование проблем демографического развития, неэффективная социальная политики в отношении семьи, отсутствие семейной политики, направленной на ее поддержку, и как следствие отрицательные тенденции в воспроизводстве семейных ценностей требуют социологического исследования существующих в современном дагестанском обществе проявлений кризиса традиционной семьи и специфики развития сферы семейно-брачных отношений.

Таким образом, в данной статье внимание уделяется установлению значимости семейных ценностей и ориентированности респондентов следовать им, а также отношения опрошенных к бездетности.

Методика исследования

Эмпирическая база исследования включает в себя результаты авторского социологического исследования, проведенного в Дагестане в 2016 г. на тему «Трансформация традиционной дагестанской семьи» в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском, Новолакском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 1323.

Результаты исследования

Исследование института семьи предполагает установление частотности соблюдения семейных традиций и обычаев, ибо, по мнению автора, следование им является ключевым в сохранении традиционных устоев дагестанской семьи. Поэтому в рамках исследования респондентам был задан вопрос, позволяющий выявить, во-первых, важность/неважность, во-вторых, интенсивность следования (см. табл. 1).

Авторское исследование констатирует доминирование позиции, что в современный период в Дагестане семейные традиции и следование им носит частичный характер. За данным утверждением располагается суждение о полном соблюдении семейным традициям, в сравнении с городской средой, где многие этнокультурные ценности или утрачены, или имеют не очень большой вес и значение в семейно-брачной сфере. По всему массиву одна пятая часть респондентов считают, что в современный период семейные традиции и ценности по-прежнему востребованы и население их придерживается. Далее, каждый восьмой опрошенный по всему массиву придерживается позиции, что даже в патриархальной сельской местности соблюдают определенные семейные традиции при полном их игнорировании их в городе. Вариант ответа «в современном дагестанском обществе вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи» статистически незначимой частью дагестанского населения.

Далее в рамках нашего исследования семенных традиций и ценностей респондентам был задан «контрольный вопрос» (см. табл. № 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В какой мере соблюдаются в современном дагестанском обществе семейные традиции и обычаи?» (варианты ответов даны по группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Семейное положение	В современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе не в полной мере соблюдают семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи	В сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в городской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи	В сельской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи
Женат	24,3	43,4	5,9	40,8	21,7
Холост	25,2	51,2	6,2	45,7	11,2
Замужем	22,1	56,6	8,1	34,3	10,2
Не замужем	18,4	59,3	5,1	43,7	11,4
Вдова	13,5	48,6	8,1	48,6	16,2
Вдовец	20,0	20,0	10,0	80,0	0
Всего:	21,6	54,3	6,6	40,8	12,2

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Соблюдаете ли Вы в своей семье традиции и обычаи своего народа?» (варианты ответов даны по группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Семейное положение	В моей семье соблюдают все национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье соблюдают только некоторые национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье по определенным причинам вообще не соблюдают национальные традиции и обычаи моего народа	В моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа
Женат	38,2	50,7	3,9	1,3
Холост	41,9	51,2	3,5	1,9
Замужем	35,3	57,0	3,8	1,9
Не замужем	31,1	62,9	2,8	2,3
Вдова	37,8	45,9	5,4	10,8
Вдовец	20,0	30,0	40,0	0
Всего:	35,6	56,4	3,8	2,1

Эмпирический материал по вопросу «Соблюдаете ли Вы в своей семье традиции и обычаи своего народа?» показывает наличие логичности в позициях опрошенных, которые придерживаются суждения, что в их семье следуют только некоторым

семейным традициям и обычаям. Второе ранговое место занимает вариант ответа «в моей семье соблюдают все национальные традиции и обычаи моего народа» (одна треть). Несущественная доля респондентов указала на отсутствие ценности семейных традиций, более того, не видят необходимости им следовать. Однако, на первый взгляд такие небольшие процентные показатели, по мнению автора, сигнализируют о происходящих в семейно-брачной сфере сложных и противоречивых процессах (Верещагина, 2009, Верещагина, 2017, С. 1394-1395.), ибо существование таких позиций может свидетельствовать о кризисе института семьи, о котором не одно десятилетие, можно сказать, бьют тревогу российские фамилисты.

Изучение семейных ценностей закономерно ставит вопрос об выявлении существующего в массовом сознании дагестанского населения отношения к бездетным семьям (см. табл. № 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к бездетным семьям?»
(варианты ответов даны по группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Семейное положение	Положительно, это право каждой семьи	Положительно, если людям хорошо без детей	Отрицательно, в семье должен быть ребенок	Отрицательно, в стране демографическая проблема	Отрицательно предназначение женщины стать матерью	Безразлично	Мне их жалко, может они не могут иметь детей по состоянию здоровья
Женат	24,2	5,4	31,4	2,1	5,2	2,1	31,5
Холост	24,2	5,3	22,6	1,7	4,4	5,1	36,2
Замужем	17,1	6,1	20,5	3,1	5,6	2,2	45,5
Не замужем	17,7	4,6	14,9	0,2	3,7	3,5	58,9
Вдова	21,7	5,3	18,8	2,8	5,3	0	43,3
Вдовец	20,0	0	40,0	20,0	20,0	0	0
Всего:	19,6	5,3	20,9	1,7	4,9	3,3	45,5

Эмпирический материал показывает доминирование в общественном сознании респондентов эмоционального отношения к бездетным семьям, которые по объективным причинам не могут иметь детей. На второй позиции располагается вариант ответа, который отрицательно характеризует бездетность с мотивацией, что каждая семья обязана иметь детей и такое суждение имеет место, ибо утрата многих традиционных семейных ценностей, наряду с кризисом семьи, появление новых тенденций в семейно-брачной сфере и ряд других факторов формирует в общественном сознании совершенно иные семейные ценности и установки, в частности, ориентацию на карьерную семью и «жить для себя». Поэтому в исследовании был задан «контрольный вопрос», показывающий отношение дагестанского населения к добровольному отказу от детей (см. табл. № 4).

Распределение ответов на этот же вопрос по критерию семейного положения показало, что многое зависит от жизненной ситуации респондентов, от их семейного статуса. Наиболее критичными в отношении бездетных семей оказались респонденты, состоящие в семейных отношениях, особенно вдовцы (каждый второй опрошенный), по сравнению с женатыми (каждый третий опрошенный), холостыми (каждый четвертый опрошенный), замужними и вдовами (каждый пятый опрошенный), не-

замужними (каждый седьмой опрошенный). Подгруппа вдовцов (каждый пятый опрошенный) проявила столь же высокую ответственность за демографическое состояние общества и крайне критическое отношение к бездетным семьям, полагая, что предназначение женщины заключается в реализации ее репродуктивной функции (каждый пятый опрошенный), по сравнению с другими подгруппами, доля которых варьируется от 5,5 % замужних до 3,5 % незамужних. Правда, каждый пятый опрошенный среди вдовцов высказался и за право каждой семьи иметь или не иметь детей – «положительно, это право каждой семьи» – при полном отсутствии жалости к бездетным семьям.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к добровольно бездетным семьям?» (варианты ответов даны по группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Семейное положение	Их вполне можно понять	Это личное дело каждой семьи	Осуждаю такое семейное поведение – супруги должны иметь детей	Затрудняюсь ответить
Женат	15,7	32,8	46,3	5,8
Холост	10,7	50,3	26,2	10,7
Замужем	10,3	56,2	23,1	7,8
Не замужем	5,7	61,3	22,4	9,8
Вдова	8,2	54,3	27,2	10,5
Вдовец	10,0	80,0	10,0	0
Всего:	9,8	54,1	26,1	8,5

Наивысший уровень критичности в отношении бездетных семей проявили представители старших поколений – «от 50 до 60 лет» (35,8 %) и «от 60 лет и выше» (37,1 %), по сравнению с подгруппами «до 20 лет» (14,5 %), «от 20 до 30 лет» (21,8 %), «от 30 до 40 лет» (18,6 %) и «от 40 до 50 лет» (22,6 %) при наименьшем уровне сочувствия к этим семьям, а наивысший уровень сострадания к таким семьям зафиксирован в ответах молодежи «до 20 лет» (52,2 %) и «от 20 до 30 лет» (44,4 %), впрочем, как и в возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» (48,7 %) и «от 40 до 50 лет» (43,2 %), и их доля заметно меньше в возрасте «от 50 до 60 лет» (30,2 %) и «от 60 лет и выше» (28,6 %). Респонденты «до 20 лет», по сравнению с другими возрастными подгруппами, менее критично настроены к семьям, не имеющим детей (каждый седьмой опрошенный). При этом позицию «положительно, это право каждой семьи» разделяет почти одинаковая доля опрошенных во всех возрастных подгруппах: 15,1 % «от 30 до 40 лет», 18,9 % «от 50 до 60 лет», 19,9 % «до 20 лет», 20,1 % «от 20 до 30 лет», 20,0 % «от 60 лет и выше», 21,9 % «от 40 до 50 лет».

Уровень образования респондентов стал фактором серьезных расхождений по изучаемому вопросу с данными по другим переменным. Так, респонденты со средним (каждый пятый опрошенный) и средним специальным образованием (каждый четвертый опрошенный) проявили высшую степень толерантности к бездетным семьям, по сравнению с имеющими высшее образование, которые, в отличие от первых, высказались негативно в отношении бездетных семей (каждый пятый опрошенный) и дань традициям в отношении предназначения женщины среди респондентов с высшим образованием оказалось больше всего тех, кто убежден в том, что женщина должна стать матерью (6,8 %). Сочувствие к бездетным семьям, которые не могут иметь детей по состоянию здоровья выражают респонденты с более высоким образовательным статусом (52,2 %), по сравнению с имеющими среднее (45,5 %) и среднее специальное образование (37,7 %).

В разрезе отношения к религии результаты исследования оказались достаточно ожидаемыми: заметно высокую степень толерантности по отношению к бездетным семьям, по сравнению с убежденно верующими (21,5 %), верующими (20,7 %) и колеблющимися (19,4 %), проявили неверующие (29,2 %), хотя они же оказались более традиционно настроены по вопросу о предназначении женщины, поэтому 16,7 % из них убеждены в том, что женщина должна стать матерью. По всей видимости, в данном случае фактор отношения к религии значительной роли не играет, а действуют иные мотивы – приверженности традиционным установкам, не связанные с религиозными ценностями. При этом жалость и сочувствие семейным парам, которые не могут иметь детей по состоянию здоровья, характерна 50,4 % убежденно верующих, 46,3 % верующих, 34,0 % колеблющихся и доля таковых заметно снижается в подгруппе неверующих (29,2 %) и убежденно неверующих (16,7 %).

По гендерному признаку неожиданных результатов получено не было: мужчины в большей степени положительно отнеслись к бездетным семьям (23,8 %), нежели женщины (18,1 %) при доминирующем отрицательном отношении к ним (26,7 %), в то время как среди женщин отрицательное отношение проявило примерно такое же количество респондентов (18,2 %), как и положительное, но женщины проявили большее сочувствие в адрес бездетных семей (50,9 %), по сравнению с мужчинами (33,8 %).

Полученные данные достаточно красноречиво свидетельствуют о противоречиях, имеющих в отношении к тому, какой должна быть семья и как относиться к реальной семье, т.е. уже можно зафиксировать расхождение между идеальным и реальным в пространстве отношения к семье и семейным ценностям, так как детность – одна из важнейших и традиционно присущих дагестанским народам семейных ценностей.

По показателю семейного положения ситуация примерно такая же – наиболее толерантными оказались в подмассиве вдовцов (80,0 %) и незамужних женщин (61,1 %), а также 50,4 % холостых, 56,4 % замужних, 54,1 % вдов, придерживающихся мнения, что это личное дело каждой семьи – иметь или не иметь детей, за исключением женатых мужчин, которые в своем большинстве осудили добровольно бездетное семейное поведение (32,9 %).

Молодежь и в этом вопросе тоже проявила самую высокую степень толерантности – 59,4 % «до 20 лет» и 54,3 % «от 20 до 30 лет» считают это «личным делом каждой семьи», хотя и другие возрастные подгруппы придерживаются аналогичной позиции – «от 30 до 40 лет» (54,8 %) и «от 40 до 50 лет» (51,0 %); среди осуждающих такое семейное поведение в большей степени, что вполне предсказуемо и объяснимо, оказались представители старших поколений – «от 50 до 60 лет» (45,3 %) и «от 60 лет и выше» (45,7 %).

Отношение к добровольной бездетности незначительно детерминировано уровнем образования: примерно в равной степени респонденты с различным образовательным статусом отнеслись к ней как личному делу каждой семьи, выбрав эту позицию как основную, но респонденты с высшим образованием проявили несколько большую степень осуждения такого семейного поведения (32,1 %), хотя в своем большинстве (54,8 %) придерживаются либеральной позиции. Эта же позиция является доминирующей при анализе распределений ответов респондентов по показателю их религиозности, но здесь необходимо отметить, что между убежденно верующими ответы распределились примерно поровну: 40,8 % считают, что «это личное дело каждой семьи» и 40,0 % осуждают такое поведение семьи.

По гендерному показателю особых расхождений во мнениях не наблюдается, но женщины проявили вновь большую толерантность к добровольно бездетным се-

мьям, по сравнению с мужчинами: осуждают такие семьи 23,0 % опрошенных женщин и 32,2 % мужчин, но и те и другие в своем большинстве считают, что «это личное дело каждой семьи» – 57,5 % и 45,3 %, соответственно.

Значительная степень расхождений между идеальным и реальным проявилась при ответе на вопрос «Как Вы считаете, должна ли каждая женщина в обязательном порядке стать матерью (родить ребенка?)». Ответы на указанный вопрос выявили следующее: 75,7 % опрошенных мужчин и 73,2 % женщин придерживаются позиции, что женщина должна стать матерью, если состояние здоровья позволяет ей сделать это. Противоположного мнения – «не обязательно, это личный выбор каждой женщины» придерживаются 15,7 % опрошенных мужчин и 19,6 % женщин.

Таким образом, при реальной оценке ситуации, которая была задана нами на примере бездетных семей, установлен высокий уровень толерантности дагестанского населения к бездетности и женскому предназначению (стать матерью), при одновременном сохранении традиционных установок, отражающих идеальные представления о семье и ее функциях, что, конечно же, не может не сказываться на реальных семейных практиках и уровне их конфликтности.

Аналогичную картину в отношении материнства мы наблюдаем и при распределении ответов по отношению к религии: большинство опрошенных полагают, что женщина должна стать матерью, если позволяет состояние здоровья (больше всех этой позиции придерживаются в подгруппе убежденно верующих – 81,2 %) и только убежденно неверующие на первую позицию поставили необязательность реализации этой функции женщины, считая «это личным выбором каждой женщины» (50,0 %). Никаких расхождений по данному вопросу в возрастном и образовательном разрезе выявлено не было – с подавляющим перевесом доминирует позиция о том, что женщина должна стать матерью: 72,5 % «до 20 лет», 73,4 % «от 30 до 40 лет», 73,6 % «от 20 до 30 лет», 74,8 % «от 40 до 50 лет», 76,4 % «от 50 до 60 лет», 80,0 % «от 60 лет и выше», 71,4 % со средним, 73,8 % средним специальным и 75,4 % высшим образованием. По критерию семейного положения ситуация, в целом, такая же за исключением позиции вдовцов, которые в равной мере высказались и за то, что женщина должна стать матерью (50,0 %) и за то, что это личное дело каждой женщины (50,0 %). По этнической принадлежности тоже, в целом, идентичная ситуация и интерес здесь представляют только данные, свидетельствующие о большей или меньшей приверженности этому утверждению. Как показывают результаты опроса, респонденты чеченцы (26,2 %), даргинцы (24,7 %) и русские (24,1 %) более либеральны в этом вопросе, что, тем не менее, не меняет общей картины – с численным перевесом доминирует традиционная установка на обязательность материнства для женщины: 79,8 % опрошенного лезгинского, 78,5 % кумыкского, 77,6 % аварского, 71,2 % лакского, 68,5 % русского и 63,9 % даргинского населения.

Заключение

Результаты исследования репродуктивных установок дагестанцев показывают, что даже те женщины и семьи, которые планируют родить второго и третьего ребенка, часто не могут на него решиться, мотивируя свой шаг плохой материальной обеспеченностью и условиями жизни, отсутствием жилья, причем решение их является очень сложным, по крайней мере, на данном этапе развития российского общества. Не менее существенным фактором является дефицит развитой и доступной сети учреждений дошкольного воспитания, проблемы при устройстве детей в дошкольные заведения, существующие в данной сфере масштабы коррупция, большое количество детей к группам дошкольных учреждений, соответственно, недостаточное внимание к ним со стороны воспитателей и т.д.

Решению демографической ситуации в целом в современном российском обществе, а также изменению жизненных установок в семейно-брачной сфере и репродуктивном поведении дагестанской семьи может способствовать организация современной развитой инфраструктуры, с сетью медицинских, образовательных, воспитательных учреждений, условий для семейного досуга и отдыха, способные помочь женщине сочетать семейную и профессиональную роли. Может быть, стоит обратиться к советскому опыту, существовавшей эффективной системе образовательно-воспитательной инфраструктуры, куда входили ясли, детские садики, школы, учреждения дополнительного образования (Дома пионеров), спортивные секции, которые оказывали огромную помощь родителям в воспитании подрастающего поколения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Загирова Эльвира Махачевна

Кандидат социологических наук, научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Zagirova Elvira Makhachevna

Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Литература

1. *Верещагина А.В.* Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе. Ростов/н/Д: Издательство ЮФУ, 2009. 264 с.
2. *Верещагина А.В.* Российская семья в условиях глобальных изменений: смена парадигмальных оснований и их социологическая интерпретация // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции) / Материалы научной конференции XI Ковалевские чтения 9-11 ноября 2017 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2017. 1568 с.
3. *Голод С.И.* Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2. С. 106-119.
4. *Голод С.И.* Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 2 (61). С. 20-38.
5. *Голофаст В.* О взаимосвязи подходов к изучению семьи // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л.: Наука, 1972. С. 34-53.
6. *Дараган В., Марговская М.* Интервью А.Ю. Комова «На страже семьи» // Наука и религия. 2014. № 3. С. 2-5.
7. *Дарский Л.Е.* Формирование семьи. М.: Статистика, 1972. 208 с.
8. *Носкова А.В.* Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60-71.
9. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачкала: АЛЕФ, 2012. 200 с.
10. *Антонов А.И.* Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей) // Научный Интернет-журнал «Демография». № 8-9. Режим доступа: http://www.semya-rastet.ru/razd/mnogodetnaja_semja_v_jeru_depopuljacii/

References

1. Vereshchagina A.V. (2009). Transformation of the institution of the family and demographic processes in Russian society. Rostov-on-Don: YuFU Publishing House. 264 p.
2. Vereshchagina A.V. (2017). The Russian family in the context of global changes: a change in paradigmatic foundations and their sociological interpretation // Global social transformations of the XX - early XXI centuries. (to the 100th anniversary of the Russian revolution) / Materials of the XI scientific conference Kovalev readings on November 9-11, 2017. / Resp. editor: Yu.V. Asochakov. SPb.: Scythia-print, 1568 p.

3. Golod S.I. (2003). Prospects for a monogamous family: a comparative cross-cultural analysis // Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. VI. No. 2. P. 106-119.
4. Golod S.I. (2012). Family: procreation, hedonism, homosexuality // Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol XV. No 2 (61). P. 20-38.
5. Golofast V. (1972). On the relationship of approaches to the study of the family // Sociological problems of family and youth. L.: Nauka, P. 34-53.
6. Daragan V., Margovskaya M. (2014). Interview with A.Yu. Komova "Guarding the Family" // Science and Religion. No. 3. P. 2-5.
7. Darskiy L.E. (1972). Family formation. Moscow: Statistics, 208 p.
8. Noskova A.V. (2012). Social aspects of solving the demographic problem of low fertility // Sociological studies. No. 8. P. 60-71.
9. Shakhbanova M.M. (2012). Ethnic identity of small-numbered Dagestan peoples (on the example of the Ando-Tsez group). Makhachkala: ALEF, 200 p.
10. Antonov A.I. A large family in the era of depopulation (results of an all-Russian study of mothers with many children) // Scientific Internet-journal "Demography". No. 8-9. Available at: http://www.semyarastet.ru/razd/mnogodetnaja_semja_v_jeru_depuljicii/

Поступила в редакцию

23 января 2021 г.

УДК 316.354:351/354

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.7

**Анализ управленческих структур и организационно-управленческих практик
противодействия терроризму в студенческой среде
системы высшего образования Минобрнауки России**

Е.Р. Валитова

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: В современном мире радикальные идеологи получили массу инструментов для распространения своих идей, воздействие которых негативно влияет на общество в целом и молодежь, как группу риска, в частности. Осуществляемые теракты, как практическая реализация террористической идеологии, не только ведут к невосполнимым потерям человеческих жизней, но и повышают градус панических настроений в обществе, усиливают напряженность между этносами за счет презентации в информационном пространстве. Эти вызовы ставят перед государственными органами задачу выстраивания эффективной управленческой системы противодействия угрозам. На систему образования налагается особая ответственность по привитию навыков критического мышления, правового просвещения обучающихся. В статье представлены результаты проведенного анализа деятельности подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации образовательных организаций высшего образования по противодействию идеологии терроризма с точки зрения управленческого подхода. Автором классифицированы направления организационно-управленческих практик противодействия терроризму в студенческой среде, уточнен подход к организационной структуре, реализующей в вузах Минобрнауки России деятельность по профилактике терроризма.

Ключевые слова: организационно-управленческие практики; противодействие терроризму; профилактика идеологии терроризма; социология управления.

Для цитирования: Валитова Е.Р. Анализ управленческих структур и организационно-управленческих практик противодействия терроризму в студенческой среде системы высшего образования Минобрнауки России // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 70–74.

**Analysis of management structures and organizational and managerial practices
of countering terrorism in the student environment of the higher education system
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation**

Elena R. Valitova

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: In the modern world, radical ideologists have received a lot of tools for spreading their ideas, the impact of which negatively affects society as a whole and young people, as a risk group, in particular. The terrorist attacks carried out, as a practical implementation of the terrorist ideology, not only lead to irreparable losses of human lives, but also increase the degree of panic in society, increase tension between ethnic groups due to the presentation in the information space. These challenges pose a challenge for government agencies to build an effective management system to counter threats. The education system has a special responsibility to instill the skills of critical thinking, legal education of students. The article presents the results of the analysis of the activities of educational organizations of higher education subordinated to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on countering the ideology of terrorism from the point of view of the management approach. The author classifies the directions of organizational and managerial practices of countering terrorism in the student environment, clarifies the approach to the organizational structure that implements the activities for the prevention of terrorism in the universities of the Ministry of Education and Science of Russia.

Keywords: organizational and managerial practices, counteraction to terrorism, prevention of the ideology of terrorism, sociology of management

For citation: Valitova E.R. Analysis of management structures and organizational and managerial practices of countering terrorism in the student environment of the higher education system of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 70–74.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что терроризм продолжает оставаться сложной социальной проблемой современного общества, способствующей деструктивной самоидентификации молодежи и провоцирующей противоправную деятельность. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации указывает терроризм как вторую по значимости угрозу государству (*Стратегия...*, 2015).

На систему образования налагается особая ответственность по реализации профилактических мер, а студенческую молодежь принято выделять одной из основных целевых аудиторий воздействия экстремистских и террористических групп. В связи с этим Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы закрепляет за Минобрнауки России проведение профилактических мероприятий со студенческой молодежью (*Комплексный план...*, 2018). Изучение организационно-управленческих практик противодействия терроризму в студенческой среде системы высшего образования Минобрнауки и структур, которые их осуществляют, позволит классифицировать существующие практики, что даст возможность в последующем оценить их социальную эффективность с точки зрения управленческого подхода.

Исследование организационных форм противодействия терроризму в студенческой среде системы высшего образования Минобрнауки России

Проведенный анализ научной литературы и контент-анализ официальных сайтов образовательных организаций Министерства науки и высшего образования Российской Федерации позволили установить, что на сегодняшний день Минобрнауки России не регламентировано единого подхода к построению структуры управления противодействием терроризму в образовательных организациях высшего образования. Перечня стандартных документов по указанной тематике, которые должны быть приняты в образовательной организации, не установлено, поэтому вузы, обладающие самостоятельностью в данном вопросе, подходят к процессу построению (*Роговая, 2017*). Существующие организационные формы управления деятельностью по противодействию терроризму в вузах были проанализированы автором, на основе чего уточнен стандартизированный подход, рекомендуемый к построению такого рода управленческих структур.

Под структурой управления понимается распределение и координация полномочий и функциональных обязанностей подразделений и отдельных сотрудников, обеспечивающие упорядоченное взаимодействие между всеми элементами структуры (*Ефименко, 2015*). Основываясь на теории социологии управления о понятии и принципах построения управленческих структур, следует, что структура управления противодействием терроризму в вузе состоит из трех уровней: руководителей высшего, среднего и низового звена, которые по типу управленческих решений подразделяются, соответственно, на стратегические, тактические и оперативные. Исходя из этого, общий вид управленческой структуры по противодействию идеологии терроризма в образовательных организациях высшего образования можно представить следующим образом (см. рисунок 1).

При этом под структурным подразделением понимается управление, отдел, департамент, тематический центр либо другой орган образовательной организации, за которым закреплена ответственность по рассматриваемому направлению.

Звенья отличаются между собой набором функций и возможностей. В функционал представителей высшего звена входит определение цели, основных направлений деятельности и решений, рассчитанных на длительную перспективу. Предста-

витель высшего звена в образовательной организации (чаще ректор или проректор) возглавляет и координирует профилактическую деятельность.

Рисунок 1 – Уровни управленческой структуры противодействия идеологии терроризма в образовательных организациях высшего образования.

Руководитель среднего звена (если в штате несколько сотрудников) назначается руководителем высшего звена и несет перед ним ответственность в выполнении порученных задач. На уровне среднего звена формируются задания для выполнения представителями низового уровня, здесь же осуществляется контроль и совершенствование условий осуществления деятельности.

Низовой уровень управления обеспечивает непосредственное осуществление запланированных мероприятий, стабильную работу структуры. Представители этого уровня (специалисты, педагоги, психологи) зачастую работают напрямую с целевой аудиторией воздействия (студентами).

Совокупная вовлеченность всех уровней структуры обеспечивает эффективность результата (Чурилов, 2020).

Исследователь Щелупанов А.В., опираясь на теорию менеджмента, предлагает структурно-функциональную модель управления профилактикой экстремизма и терроризма в вузе, состоящую из взаимодействия двух взаимосвязанных подсистем – управляющей и управляемой (Щелупанов, 2020). Управляющая подсистема (ректорат совместно с профессорско-преподавательским составом) обеспечивает организационно-педагогические условия управления, превентирующие экстремизм и терроризм в вузе. Управляемая подсистема представлена студентами учебного заведения, которые, формируясь в студенческие объединения, создают оптимальную социокультурную среду для развития обучающихся. Предложенная модель проиллюстрирована на примере реализации в Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете имени В. М. Шукшина, подведомственном Министерству просвещения Российской Федерации.

Классификация организационно-управленческих практик противодействия терроризму в студенческой среде вузов

Управленческие практики как важный индикатор управления связываются с определенным набором структурных правил и ограничений (Арутюнян, 2016). Управленческие практики можно определить как «типизированные и относительно вариативные комплексы действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей и организаций, обеспечивающих устойчивое функционирование социальных институтов и организаций» (Стукалова, 2017).

В современной научной литературе понятие организационно-управленческих практик противодействия терроризму в студенческой среде отождествляется с реа-

лизацией тех или иных видов предметно-практической профилактической деятельности по разным направлениям. При этом необходимо разделять такую деятельность на два вида: общее противодействие терроризму (общая профилактика) – работа по предотвращению идеологического влияния терроризма и притока новых членов в террористические организации из студенческой среды, и специальное противодействие (специальная профилактика) – работа с лицами, которые уже подверглись террористической идеологии и деятельности. В данной работе мы сконцентрированы на рассмотрении противодействия общего характера.

Проанализировав пласт литературы, посвященной опыту высших учебных заведений в вопросе противодействия терроризму, можно выделить следующие основные направления предметно-практической деятельности по общему противодействию терроризму в студенческой среде, проиллюстрированные на рисунке 2.

Рисунок 2 – Классификация направлений организационно-управленческих практик противодействия терроризму в вузах

При этом следует отметить, что большинство публикаций описывает профилактическую деятельность как отчетную характеристику о проделанной работе вне точки зрения субъектов и объектов профилактики о ее результатах и эффективности, что актуализирует исследование эффективности реализуемых практик.

Заключение

Проведенный анализ позволил уточнить стандартизированный подход к построению управленческой структуры противодействия терроризму в студенческой среде системы высшего образования вузов Минобрнауки России. Организационно-управленческие практики противодействия терроризму при этом были классифицированы как направления предметно-профилактической деятельности, согласно которым реализуются профилактические мероприятия. Выделенная классификация может служить инструментарием для составления программ оценки эффективности данной деятельности, необходимость которой подтвердилась по итогам проведенного анализа.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Валитова Елена Рашидовна

Аспирант

Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

Младший научный сотрудник,
НИИ «Спецвузавтоматика»
E-mail: valitova.er@yandex.ru

Elena R. Valitova

Postgraduate student

Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

Junior Researcher,

SRI «Spetsvuzavtomatika»

E-mail: valitova.er@yandex.ru

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Режим доступа: <https://base.garant.ru/71296054/>.
2. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) Режим доступа: <https://base.garant.ru/72191862/>.
3. Арутюнян Г.А. Структурно-организационные параметры развития и функционирования управленческих практик // Гуманитарий Юга России. 2016. №3. С. 172-181.
4. Ефименко, А.З. Социология управления: в 2 ч.: учебное пособие // А.З. Ефименко; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. строит. ун-т. Москва: МГСУ, 2015. 240 с.
5. Роговая А.В. Мониторинг организационно-правовых основ регулирования комплексной безопасности образовательных организаций в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2017. №2 (23). С. 50-58.
6. Стукалова Д.Н. Управленческие практики снижения конфликтного потенциала миграционных потоков в Ростовской области, автореф. дис. к-та социол. наук. Ростов н/Д., 2017. 36 с.
7. Чурилов С.А. Противодействие идеологии терроризма в образовательной организации высшего образования: концептуальное видение // Обзор.НЦПТИ. 2020. №1 (20). С. 13-18.
8. Щелупанов А.В. Управление профилактикой экстремизма и терроризма в образовательной деятельности вуза // Дис. магистра, направление подготовки: педагогическое образование, 2020. Режим доступа: http://www2.bigpi.biysk.ru/vkr2018/file/pip_26_06_2020_03_41_18.pdf

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» Available at: <https://base.garant.ru/71296054/>
2. Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2019-2023 (approved by the President of the Russian Federation on December 28, 2018, no. Pr-2665) Available at: <https://base.garant.ru/72191862/>
3. Harutyunyan G. A. (2016). Structural and organizational parameters of the development and functioning of managerial practices. No. 3. P. 172-181.
4. Efimenko A. Z. (2015). Sotsiologiya upravleniya: v 2 ch.: uchebnoe posobie // A. Z. Efimenko; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federation, Moscow. state. builds. univ. Moscow: MGSU, 240 p.
5. Rogovaya A.V. (2017). Monitoring of organizational and legal bases of regulation of complex security of educational organizations in the Russian Federation // Monitoring of law enforcement. №2 (23). P. 50-58.
6. Stukalova D. N. Managerial practices of reducing the conflict potential of migration flows in the Rostov region, author of the dissertation of the Department of Social Sciences. Rostov n/D, 2017. Available at: <https://www.dissercat.com/content/upravlencheskie-praktiki-snizheniya-konfliktogennogo-potentsiala-migratsionnykh-potokov-v-ro>. 36 p.
7. Churilov S. A. (2020). Counteraction to the ideology of terrorism in the educational organization of higher education: a conceptual vision. NCPTI. No. 1 (20). P. 13-18.
8. Shchelupanov A.V. Management of prevention of extremism and terrorism in the educational activities of the university // Master Dissertation of the, 2020. Available at: http://www2.bigpi.biysk.ru/vkr2018/file/pip_26_06_2020_03_41_18.pdf

Поступила в редакцию

11 февраля 2021 г.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 316.316.344.34:378.2

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.8

**Стимулирование предпринимательской активности
как менеджеристский инструмент управления высшей школой**

Т. Б. Берсеров

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается один из менеджеристских инструментов, который применяется как механизм управления современным высшим образованием в Российской Федерации. Идеология управления высшей школой России подчинена повышению количественных показателей. Одним из направлений их роста позиционируется стимулирование предпринимательской активности вузов. В качестве индикаторов применяются прирост доходов от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на одного научно педагогического работника и прирост доходов от коммерческой работы. Автор статьи показывает, что применение этого менеджеристского инструмента становится причиной появления двух негативных последствий в развитии высших образовательных организаций: роста имитационных практик и разрушение социальной полезности в их деятельности.

Ключевые слова: высшее образование; научно педагогический работник; научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; предпринимательская деятельность; показатели; типы вузов; эффективность.

Для цитирования: Берсеров Т. Б. Стимулирование предпринимательской активности как менеджеристский инструмент управления высшей школой // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 76–83.

**Stimulating entrepreneurial activity
as a managerial tool for managing higher education**

Tembot B. Berserov

*Maykop State Technological University,
Maykop, Russia*

Abstract. The article considers one of the managerial tools that is used as a mechanism for managing modern higher education in the Russian Federation. The ideology of higher school management in Russia is subordinated to the improvement of quantitative indicators. One of the areas of their growth is positioned to stimulate the entrepreneurial activity of universities. The indicators used are the increase in R & D income per NPR and the increase in income from commercial work. The author of the article shows that the use of this managerial tool causes two negative consequences in the development of higher educational organizations: the growth of imitation practices and the destruction of social utility in their activities.

Keywords: higher education; scientific pedagogical worker; research and development; entrepreneurship; indicators; types of universities.

For citation: Berserov T. B. Stimulating Entrepreneurial Activity as a Managerial Tool of Higher School Management // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 76–83.

Идеология менеджеризма строится на убежденности, согласно которой управление некоммерческим сектором происходит по такой же самой логике эффективности, что и коммерческого. Основным доказательством выступает постулат о том, что эффективность возможно подтвердить при помощи количественных показателей. Иными словами, она считается доказанной, если обосновывается посредством правильно подобранных индикаторов. Важнейшей переменной, из которой выводятся указанные индикаторы, предлагается считать предпринимательскую деятельность. Сам по себе такой посыл верен. У многих вузов есть достаточно много ресурсов, которые можно монетизировать в конечный финансовый результат. И наиболее успешные из них стали это делать задолго до того, как им были предложены формальные индикаторы для оценки собственной эффективности. Так, по расчетам финансовых экспертов из НИУ ВШЭ уже в 2007 году доля собственных доходов данного университета составляла на 30% больше, чем от бюджетных поступлений. Ещё выше

этой суммы были результаты финансовой деятельности Томского государственного университета (40%) и Иркутского государственного технического университета (40%), а у инженерно-технологической академии ЮФУ – 80% (Зарабатывать...). Это означает, что вузы, по крайней мере некоторые, вполне способны быть субъектами предпринимательской деятельности в пределах своих возможностей. Между тем, некоторые не означает все. И вопрос о готовности высшей школы включаться в процессы обеспечения своей финансовой состоятельности должен стать темой отдельного рассмотрения. В данной статье мы ставим цель определить влияние на образовательную деятельность вуза практик искусственного стимулирования предпринимательской активности для обеспечения показателей эффективности.

Ориентация на извлечение доходов от образовательной и научной работы появилась у российских вузов ещё до эпохи менеджизма. Она была обусловлена общей ситуацией в стране в 90-е годы, когда финансирования государства не хватало на поддержку базовых хозяйственно-экономических функций образовательных организаций: зарплату персоналу, ЖКХ, закупку оборудования, ремонт (аренда, строительство) учебно-производственных площадей и т.п. Постепенное увеличение государственной помощи уже после 2000 года на некоторое время снизило экономическую напряженность в высших учебных заведениях. Однако практически одновременно с этим от власти пошли импульсы, ориентирующие руководство высших образовательных организаций на самостоятельное «зарабатывание денег».

Чтобы стимулировать образовательные организации на снижение зависимости от бюджетного финансирования и рост собственных доходов, с 2000 г. государство начинает устанавливать в виде соответствующих формальных норм ориентированные на эти цели институциональные правила. Общие принципы коммерческой деятельности, на которые ориентированы некоммерческие организации, даны в Гражданском кодексе РФ (Гражданский..., 1994). В ч. 1 ст. 50 ГК РФ определено, что некоммерческой считается организация, которая не ставит перед собой цель извлечение прибыли из своей деятельности и не распределяет её между своими участниками. Данное положение уточняется в ч. 2 ст. 24 ФЗ «О некоммерческих организациях», где сказано, что «некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана и соответствует указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах» (Федеральный..., 1996). Приведенная норма дополнительно разъясняется в ч. 6 ст. 4 ФЗ №174 применительно к автономным учреждениям, в соответствии с которой автономное учреждение «вправе выполнять работы, оказывать услуги, относящиеся к его основной деятельности, для граждан и юридических лиц за плату и на одинаковых при оказании однородных услуг условиях» (Федеральный..., 2006).

Итак, предпринимательская деятельность может иметь лишь второстепенный характер и быть нацеленной исключительно на повышение качества образовательной и научно-исследовательской работы. Полагаем, что если извлечение предпринимательского дохода способствует улучшению функционирования высшего учебного заведения, то рост финансовой состоятельности конкретного вуза следует оценивать, как увеличение его ресурсных возможностей для исполнения социально значимых функций (подготовка специалистов, научные инновации, социализация студенчества). Однако управленческая эффективность оценивается заказчиком научно-образовательных услуг (государством) не в абсолютных величинах, а через индикаторы, отраженные в достигнутых показателях. В Приказе №475 (Приказ..., 2020) относительно анализируемого менеджеристского инструмента можно выделить два

таких показателя: прирост доходов от НИОКР на одного НПП и прирост доходов от коммерческой работы.

Прирост доходов от НИОКР на одного НПП. Полагаем, что «среднедушевой» подсчет показателей принципиально неверен. Поскольку коммерческий доход способны приносить далеко не все научно-педагогические работники, то данный показатель стал основанием для постепенного сокращения ППС в тех структурных подразделениях вузов, которые по своей целевой природе и ресурсным возможностям никогда не были ориентированы на монетизацию деятельности. Результатом адресной работы на этот показатель стала перестройка модели штатного расписания. Если до эпохи менеджериализма количество ставок на кафедре определял заведующий, рассчитывая их исходя из объема часов, закрепленных за его кафедрой, то в настоящее время объем штатных единиц рассчитывает бухгалтерия, доводя уже готовое штатное расписание до руководителя структурного подразделения. Инструментом сокращения ППС стала новая схема перерасчета ставок в привязке к численности студентов. Подобная практика открывает простор массовым увольнениям преподавателей. Это легко подтвердить, посмотрев на соотношение величины ППС, начиная с 2010–2011 учебного года.

Табл. 1.

Динамика изменения численности ППС в течение 2010-2020 гг., тыс. чел.
(образование...)

2010/11 уч.год	2014/15 уч.год	2015/16 уч.год	2017/18 уч.год	2018/19 уч.год	2019/20 уч.год	2020/21 уч.год
324,8	271,5	255,8	245,1	236,1	227,1	223,1

Как следует из табл. 1, за десятилетие высшая школа сократила 101.7 тыс. преподавателей, то есть почти треть от своего состава. Отчасти это объясняется массовой кампанией по сокращению вузов, которая проходила с 2014 по 2017 гг., когда было упразднено 1097 образовательных организаций (Макеев, 2018). Однако, надо принять во внимание, что ликвидировались по преимуществу филиалы и небольшие коммерческие вузы, где в основном работали по совместительству штатные преподаватели из головных государственных университетов. Также сокращение высших учебных заведений осуществлялось в форме их слияния, что не оказывало прямого влияния на штаты. Кроме того, уже после приостановки политики по «зачистке» образовательного пространства процесс уменьшения численности ППС замедлился, но не остановился. Действовали ранее и продолжают действовать сейчас механизмы внутреннего сокращения, которыми стало легко манипулировать после привязки штатного расписания к численности контингента.

Итак, «слишком большой штат» преподавателей невыгоден для достижения показателей эффективности по науке. В связи с этим, если в образовательной организации нет реального роста доходов или руководство намерено добиться быстрых темпов роста показателей, то выходом может быть снижение численности ППС. На самом деле этот ресурс исчерпывается быстро, но его использование актуально теми эффективными менеджерами, которые не рассчитывают на долгосрочные контракты и не заинтересованы в реальном развитии образовательного учреждения, а нацелены на эксплуатацию управленческой должности в качестве стартовой площадки своих карьерных устремлений. При таких управленческих практиках внешне вузы выглядят, как эффективные, но такое понимание эффективности противоречит целям образовательной деятельности.

Помимо «простого» снижения численности ППС, руководством вузов производятся действия по «качественному» изменению кадровой структуры. Как нетрудно

было заметить из примера об успешных вузах, получающих устойчивый доход (НИУ ВШЭ, ТГУ, ИГТУ), ими обычно становятся образовательные организации, ориентированные на разработку инновационных технологий и работающие в сотрудничестве с государственными или тесно связанными с государством заказчиками. Однако таких высших учебных заведений по определению немного. Как правило, российские вузы имеют смешанный состав направлений, и даже технические и естественнонаучные в большей степени ориентированы на фундаментальные разработки, которые имеют ценность не на рынке технологий, а у тех, кто эти технологии доводит до состояния, в котором они оказываются интересными реальному производителю. Но даже если принимать во внимание опосредованную ценность представителей точных наук, подобный подход неизбежно приведет к ущемлению интересов тех направлений и специальностей, которые в силу своей специфики не способны приносить коммерческий доход.

Речь, прежде всего, о специальностях гуманитарного профиля. Инициативы о сокращении «гуманитариев» пошли сразу после начала реформы образования. Но конкретные шаги в этом направлении стали предприниматься в 2010-11 гг., когда Министерство образования резко сократило (на 25-30%) количество бюджетных мест по гуманитарному профилю (Минобрнауки). Больше всего от новой позиции государства пострадало педагогическое образование. После объединения вузов, в результате которых были поглощены педагогические институты, на уровне ректоров ряда образовательных организаций были приняты решения о приостановке набора на педагогические направления. Мотивы этого шага очевидны, хотя они не всегда озвучивались и, тем более, не оформлялись нормативно. Преподаватели, обслуживающие подготовку будущих учителей, в своей работе главным образом ориентировались на учебно-методическую, а не научную деятельность. Да и та наука, которая создавалась под базу для учебно-методической работы, имела скорее общественное, чем рыночное достояние. А значит никак не могла содействовать повышению роста доходов в средних измерениях на НПП. Итогом такой политики стало появление 28 марта 2019 г. весьма любопытного документа, исходящего от министерства просвещения. Речь идет о Разъяснении о применении требований к образованию и обучению по должности «учитель», установленных профессиональным стандартом «Педагог» (Разъяснение, 2019). Этим актом было признано достаточным для работы в школе в должности учителя любого специалиста, получившего образования по предмету. Наличие специального педагогического образования отныне является не обязательным. Педагогическая общественность к подобному документу отнеслась крайне отрицательно. Но все понимают, что это решение властей имело вынужденный характер и объяснялось резким дефицитом кадров в средней школе. Таким образом, гуманитарии-педагоги, ненужные эффективным менеджерам в управлении вузовским образованием, начинают исчезать с рынка труда.

Прирост доходов от коммерческой работы. Данный параметр введен и действует как индикатор эффективности ещё с первого приказа о целевых показателях от 8 ноября 2010 г. №1116. Его важность обосновывается тем, что бюджетного финансирования недостаточно для качественного оказания образовательных услуг, следовательно часть средств вузы должны зарабатывать самостоятельно (Арбатская, 2018). Данный тезис мы считаем сомнительным. Отсюда проистекает фундаментальная ошибка, которая выворачивает наизнанку весь смысл высшего образования, как социального института, воспроизводящего общественное благо. Государство должно поддерживать такое количество вузов, которое способно обеспечить необходимыми финансовыми потребностями. С этой точки зрения разрешенная законом деятельность, приносящая доход, должна быть не обязанностью, а правом.

Между тем, рассматриваемый показатель, действующий как императив эффективности, переводит коммерческую деятельность вуза именно в категорию обязанности. Это порождает фундаментальную проблему, из которой следует ряд деформаций, свидетельствующих о некорректной работе образовательных учреждений.

Суть проблемы можно сформулировать так. Вузы обязывают быть эффективными, измеряя её на основе показателей. Но образовательные учреждения не дифференцируются относительно анализируемого показателя эффективности, хотя изначально они поставлены в неравные условия.

Гуманитарные вузы имеют значительно меньше ресурсов в получении грантов и государственных заданий, чем технические и естественнонаучные. Соответственно у них выше объем доходов, а значит потенциально больше заложено источников к их возрастанию. Но и внутри гуманитарных и технических направлений тоже заложено неравенство. Там, где технические вузы нацелены на прикладные исследования, возможностей получить доход больше. Инновации же в сфере фундаментальных наук обеспечивают меньшую выгоду. Вместе с тем социуму важны обе разновидности исследований, т.к. теория без практики бессмысленна, а практика без теории беспомощна. Та же ситуация в гуманитарных науках. Например, в работе социолога полевые (прикладные) исследования – обычная повседневность, под которую можно выигрывать гранты, исполнять государственные задания, заключать хоздоговора и пр. Но, в целом, социогуманитарный спектр складывается из кабинетных (фундаментальных) исследований.

Коммерческий образовательный ресурс также очень сильно различается по направлениям. На юриспруденцию больше желающих поступать с полным возмещением затрат образовательных услуг, чем на педагогику. При этом контрактная сумма у первых выше, чем у вторых, а следовательно, объективно выше доход. И, надо понимать, что проблема не в плохом менеджменте, а в потенциальных возможностях выпускников по монетизации полученных знаний. Неравенство между вузами проистекает из регионального принципа. В Москве и Санкт-Петербурге возможностей для получения дохода больше, чем в регионах. Но и в последних имеется свое неравенство. Вузы Северного Кавказа находятся в более уязвимом положении, чем, например, университеты Западной Сибири, опирающиеся на мощный промышленный и нефтегазовый потенциал своего региона, а также близкое соседство с Китаем.

Проблема неравенства усугубляется некоторыми последними решениями федеральной власти. С 2014 года сложился тренд на вытеснение зарубежных грантодателей. Чтобы компенсировать вузам снижение доходов от науки, государство увеличило объемы финансирования отечественных фондов: РФФ, РФФИ, РГНФ, Президентский фонд и др. (Филь, 2019) До 2016 г. наблюдалась устойчивая тенденция к росту государственных вложений в гранты. Однако далее стали происходить крайне неблагоприятные трансформации по трем направлениям: организационному (упразднен РГНФ, объединены РФФИ и РФФ), институциональному (введены нормативные ограничения, препятствующие участию в двух и более грантах с продолжающимся финансированием, установлены высокие пороговые барьеры в виде обязательного наличия публикаций в базах Scopus/WoS для руководителей заявок и т.п.) и, собственно, финансовому. О последнем следует сказать отдельно. В условиях кризиса, который вначале усугублялся санкциями, а с 2020 г. сложной эпидемиологической обстановкой, власть начала заметно снижать объемы финансирования. На 2021 год сокращение вложений в науку исчисляется общей суммой в 32,8 млрд. руб. (Губернаторов, 2020)). В этих условиях заявки на гранты приоритетно удовлетворяются от научно-исследовательских институтов, столичных вузов, а уже по остаточному принципу – региональных.

Всё сказанное формирует платформу, на которой выстраивается иерархия, заведомо определяющая модели поведения эффективных менеджеров региональных вузов. Оснований, свидетельствующих о неравенстве между вузами в получении доходов, много. Однако эффективными их обязывают быть по одинаковому применительно ко всем индикатору. Как итог, руководство образовательных учреждений, не имея ресурсов обеспечить эффективность так, как это делается, например, в НИУ ВШЭ, решает проблемы технически. Одним из способов является сбор «добровольных» пожертвований со студентов, чаще всего заочной формы обучения, которым взамен проставляются оценки в соответствии с «прейскурантом». Далее это оформляется в форме выполнения хоздоговорных обязательств от организации, согласной за соответствующее вознаграждение выступить в роли фиктивного заказчика. Данная практика получила достаточно широкое распространение в филиалах и небольших региональных вузах. Ещё чаще встречаются «добровольные» пожертвования со стороны преподавателей, которые используются для обеспечения эффективности по аналогичной схеме, что и финансирование от студентов. Третий способ из наиболее распространенных в сложившихся социальных практиках не направлен на ущемление интересов основных акторов института высшего образования, но, по сути, такой же мошеннический. Он реализуется через заключение договора на выполнение услуг между двумя вузами. Объем финансовых средств возмещается на паритетных началах, что нивелирует их взаимные траты. В результате вузы не получают реального дохода, но в итоговом отчете показывают прирост по выплатам от вуза-контрагента. Такое становится возможным благодаря тому, что собственные обязательства перед партнером по договору нигде не фиксируются. Из легального, но сомнительного – фактический отказ от пороговых значений баллов ЕГЭ. Руководство вузов, понимая, что высокобалльные абитуриенты всё равно не будут сдавать к ним документы, предпочитая более статусные вузы, принимают на коммерческое обучение тех, кто по уровню своих способностей и подготовленности не соответствует стандартам высшего образования. А поскольку данная категория студентов оказывается основным источником доходов, то она в режиме максимального благопритствования доучивается до выпускного курса и получает диплом, не подкрепленный реальными знаниями.

У рассматриваемой проблемы есть ещё один аспект. Предложенный индикатор ориентирует высшие образовательные учреждения на постоянный прирост доходов. И чем выше темпы предпринимательской прибыли, тем больше баллов за эффективность получает управленческая команда. Совершенно очевидно, что университеты не могут до бесконечности поддерживать высокие темпы извлечения доходов. В то же время, задача обеспечения эффективности, как видимо, останется актуальной. Проблема отчасти нивелируется последним значением показателя – «20% учреждений с наибольшим абсолютным значением объема поступлений из средств от приносящей доход деятельности». Но оно явно принято в угоду уже сложившейся иерархии вузов. Остальные будут вынуждены применять уже рассмотренные или изобретать «авторские» инструменты решения проблем эффективности в управлении.

Стремление навязать вузам коммерческую деятельность выглядит как неспособность власти гарантировать надлежащее финансирование. Обеспечивая показатели или решая вопросы нехватки средств, учебные заведения начинают заниматься несвойственными им функциями.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Берсеров Тембот Батырбиевич**

Доцент кафедры философии, социологии и педагогики факультета управления
Майкопский государственный технологический университет
E-Mail: vitkovalev@yandex.ru

Berserov Tembot Baturbievich

Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy,
Faculty of Management,
Maykop State Technological University
E-Mail: vitkovalev@yandex.ru

Литература

1. *Арбатская Т.Г.* Особенности учета доходов от приносящей доход деятельности бюджетных учреждений высшего образования // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 8. С. 2-9.
2. *Губернаторов Е., Ткачев И.* Государственные расходы на гражданские исследования и разработки в 2021 году урезаны на 32,8 млрд. руб. // РБК. 2020. 6 октября. № 64.
3. *Макеева А.* В России отчислили половину вузов // Коммерсантъ. 2018. 5 февраля.
4. *Филь М.М.* Государственная грантовая поддержка научных исследований в Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 6. С. 20-28.
5. Зарабатывать по науке. На чем зарабатывает высшая школа // Официальный сайт НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/1163621/1145450.html>.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (в послед. ред. закона от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 2131.
7. Федеральный закон от 12 января 1996 г. №7-ФЗ "О некоммерческих организациях" (в ред. от 30.12.2020) // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824.
8. Федеральный закон "Об автономных учреждениях" от 03.11.2006 г. №174-ФЗ (в ред. от 15.10.2020) // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635.
9. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 марта 2020 г. №475 (в ред. от 22.10.2020) "Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений" // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355285.
10. Образование в цифрах. Краткий статистический сборник. 2010-2020 // Официальный сайт Высшей школы экономики. Режим доступа: <https://www.hse.ru/primarydata/oc>.
11. Минобрнауки взяло курс на инженерные специальности // Alma Mater. Режим доступа: <https://almavest.ru/ru/node/1008>.
12. Разъяснение от 29 марта 2019 г. №ТС-817/08 О применении требований к образованию и обучению по должности "учитель", установленных профессиональным стандартом "Педагог". Режим доступа: onf.ru/sites/default/files/attachment/ts-817_08.

References

1. Arbatskaya T.G. (2018). Features of accounting for income from income-generating activities of budget institutions of higher education // Accounting in budget and non-profit organizations. 8. P. 2-9.

2. Gubernatorov E., Tkachev I. (2020). State expenditures on civil research and development in 2021 were cut by 32.8 billion rubles // RBC. 6 October. № 64.
3. Makeeva A. (2018). In Russia, half of the universities were expelled // Kommersant. February 5.
4. Fil M.M. (2019). State grant support for scientific research in the Russian Federation // Law and Law. 6, P. 20-28.
5. Earn on science. What the Higher School earns // Official Website of the Higher School of Economics. Available at: <https://www.hse.ru/news/1163621/1145450.html>.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) №51-FZ of November 30, 1994 (as amended). Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ "On Non-Profit Organizations" (as amended by the Federal Law of the Russian Federation №32. St. 2131. 3) // Sobranie zakonodatelstva RF. 1994. №32. P. 2131.
7. Federal Law of January 12, 1996 №7-FZ "On Non-Profit Organizations" (as amended by the Federal Law of the Russian Federation. from 30.12.2020) // SPS ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824.
8. Federal Law" On Autonomous Institutions " of 03.11.2006 №174-FZ (as amended). from 15.10.2020) // SPS ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635.
9. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation №475 of March 24, 2020 (as amended). of 22.10.2020) "On approval of performance indicators of federal budgetary and Autonomous educational institutions of higher education, subordinated to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and the work of their managers, the results of which are established incentive payments to the heads of such institutions" // SPS ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355285.
10. Education in numbers. A short statistical collection. 2010-2020 // Official website of the Higher School of Economics. Available at: <https://www.hse.ru/primarydata/oc>
11. The Ministry of Education and Science has taken a course on engineering specialties // Alma Mater. Available at: <https://almavest.ru/ru/node/1008>
12. Explanation of March 29, 2019 №TS-817/08 On the application of the requirements for education and training for the position of "teacher" established by the professional standard "Teacher" Available at: onf.ru/sites/default/files/attachment/ts-817_08.

Поступила в редакцию

5 февраля 2021 г.

УДК 316.754

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.9

Теория идеологии Алвина Гоулднера**В. Н. Ходанович**

*Кубанский казачий государственный институт пищевой индустрии и бизнеса
(филиал) Московского государственного университета технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (ПКУ),
г. Темрюк, Россия*

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические взгляды об идеологии известного американского социолога, политолога и философа леворадикального направления Алвина Гоулднера (1920-1980). Автор исследует учение А. Гоулднера о происхождении идеологий, их структуры, функционирования, роли в жизни общества. Автор статьи особо выделяет вклад А. Гоулднера в разработку категорий «материальных» и «идеальных» интересов, социальной «парадигмы», «рациональности», «рефлексивной» социологии.

Ключевые слова: идеология; «материальные интересы»; «идеальные интересы»; социальная «парадигма»; «рациональность»; «рефлексивная» социология.

Для цитирования: Ходанович В. Н. Теория идеологии Алвина Гоулднера // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 84–89.

Alvin Gouldner theory of ideology**Vladimir N. Khodanovich**

*Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch) of K.G. Razumovsky
Moscow State University of Technology and Management, (PKU),
Temryuk, Russia*

Abstract: The article considers the theoretical views on ideology of Alvin Gouldner (1920-1980), the famous American left-radical sociologist of XX th century. The author investigates the concept of A. Gouldner of origins, functions, structure and the role of ideologies in the life of society. The author analyzes categories of «material» and «ideal» interests, social «paradigm», «rationality», reflexive sociology.

Keywords: ideology; «material» and «ideal» interests; social «paradigm»; «rationality»; «reflexive» sociology.

For citation: Khodanovich V. N. Alvin Gouldner theory of ideology // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 84–89.

Несомненно, центральной фигурой в американской леворадикальной социологии и политологии второй половины XX века был А. Гоулднер. Алвин Гоулднер родился 29 июля 1920 г. в Нью-Йорке. Активно публиковаться начал с начала 50-х гг. Его первые работы характеризуются значительным интересом к проблемам бюрократии, социальной организации, социальной мобильности и истории философско-социологической мысли. В целом в этот период он не выходит за рамки методологии структурного функционализма. В 60-е гг. активно занимался преподавательской деятельностью, работал профессором социологии Вашингтонского университета в г. Сент-Луисе (штат Миссури). В последние годы жизни жил в Европе в г. Амстердаме (Голландия), где в 1974 г. основал международный социологический журнал «Теория и общество», выходящий на английском языке. Незадолго до своей смерти 15 декабря 1980 г. вернулся на родину.

А. Гоулднер написал несколько монографий и множество статей, но наиболее известные из них – «Наступающий кризис западной социологии» (1971), «Диалектика идеологии и технологии: Источники, грамматика и будущее идеологии» (1976), «Будущее интеллектуалов и рост нового класса» (1979), «Два марксизма: Противоречия и аномалии в развитии теории» (1980).

Признавая, что современная западная социологическая мысль находится в глубоком кризисе, А. Гоулднер еще в начале 70-х гг. провозгласил необходимость создания «рефлексивной» социальной науки, которая должна была «поднять самосознание социолога до нового исторического уровня» (Гоулднер, 2003, С. 546). Выдвинутой им программа «рефлексивной» социологии ориентировала социологов на критическое отношение к господствующим в социальных науках школам и направлениям, указывала на необходимость тщательного изучения понятийного аппарата социологических теорий в процессе его социально-исторического генезиса, акцентировала внимание на анализе ценностных предпосылок процесса социального познания и детальном рассмотрении фактического материала.

А. Гоулднер – один из немногих леворадикальных теоретиков, который изложил свое понимание идеологии в специальном труде (2), а в других своих работах значительное место уделял исследованию идеологической проблематики. Это говорит о том, что концепция идеологии занимала ведущее положение в его «рефлексивной» социологии, являясь связующим звеном между критикой им функционализма и марксизма, с одной стороны, и развиваемой им теорией о роли и значении «Нового Класа» и его идеологии, с другой. А. Гоулднер стремился критиковать учение К. Маркса «слева», что нашло непосредственное отражение в его подходе к идеологическим системам и их роли в жизни общества.

Относя зарождение западной социологии к середине XIX в., А. Гоулднер считал, что с момента своего основания она разделилась на две дисциплины – академическую социологию и марксизм, которые существуют вплоть до настоящего времени, взаимообуславливая и взаимодополняя друг друга. Ни академическая социология, ни марксизм, по мнению А. Гоулднера, не смогли создать наиболее верного учения об идеологии. Академическая структурно-функциональная социология увязла в своем бесплодном постулировании разрыва науки и идеологии, научного знания и ценностей. Марксизм же в лице К. Маркса и Ф. Энгельса отводил идеологии роль «ложного сознания», а в трудах В.И.Ленина и западных философов-марксистов придавалось неизмеримо большее значение идеологическому содержанию общественнознания. А. Гоулднер видел выход в синтезе этих двух направлений.

Анализ идеологических систем он начинает с их определения. Но мы не найдем в его трудах полного и развернутого определения идеологии. В каждом из своих дефиниций он пытается подчеркнуть ту или иную сторону идеологии, но для нас этого вполне достаточно, чтобы, сопоставляя их вместе, попытаться ясно понять, что он представляет себе под идеологией. Для А. Гоулднера идеологии – это рациональные системы, «коренящиеся в интересах» (Gouldner, 1976, P. 30), «социальные теории» (Gouldner, 1976, P. 31), «верования» (Gouldner, 1976, P. 33), «способы рассуждения с ограниченной рефлексивностью» (Gouldner, 1976, P. 49), «наборы символов и правил для их использования» (Gouldner, 1976, P. 54), «языки» (Gouldner, 1976, P. 54), «программы действий» (Gouldner, 1976, P. 221). Обобщая эти дефиниции, мы можем определить идеологию в ее гоулднеровском понимании как сферу сознания, которая в рациональной, систематизированной форме выражает интересы определенных социальных групп и служит им руководством к действию. Как видим, это почти марксистское определение, применимое к любой идеологической системе, независимо от классового содержания.

Для А. Гоулднера структура идеологии – это сложное, моногорасчлененное духовное образование, различные элементы которого обладают особой спецификой и разнообразием. Основное место в этой структуре принадлежит теориям, верованиям, ценностям, а также директивам действия (к ним относятся партийные программы, резолюции, лозунги и т.п.). Идеология, по Гоулднеру, появляется в XVII-XVIII вв. в

эпоху Просвещения, когда в обществе в наибольшей степени стал проявляться конфликт между частью и целым, личностью и обществом, личными и общественными интересами. До появления идеологии в общественной жизни господствовали «мифологическое и религиозное сознание» (Gouldner, 1976, P. 30). Эти формы не исчезают в век идеологии, а лишь отходят на второй план, сохраняя свое влияние. А. Гоулднер отчетливо видит, что существует определенная связь между набирающими силу идеологиями и ростом естественно-научного и социального знания. Эпоха Просвещения, давшая миру рациональные идеологические системы, способствовала развитию естествознания и техники, которые революционализировали коренным образом условия жизни человека.

Идеология, по мнению А. Гоулднера, и стала возможной благодаря тому, что в обществе появилось такое техническое новшество, как книгопечатание и, как следствие его, разнообразная печатная продукция. Появление множества книг, журналов и газет, а затем кино, радио и телевидения давало правящим классам неограниченные возможности формировать у людей однотипные представления о социальной действительности и осуществлять жесткий контроль за их мыслями и поведением. Несомненно, что в эпоху восходящей буржуазии появляется определенный исторический тип идеологии – буржуазная идеология и что зарождению и упрочению этой идеологии во многом способствовало развитие науки и техники. Но вряд ли можно согласиться с тем, что генезис идеологии как сферы сознания надо обязательно относить к эпохе Просвещения.

Идеология появляется не в эпоху Просвещения, а намного раньше, в период разложения родового строя и перехода к классовому обществу. Создание прибавочного продукта привело к возникновению частной собственности и разделению труда на умственный и физический. Общество расколосось на два враждующих класса, один из которых присваивал себе труд другого и занимал господствующее экономическое и политическое положение. У возникших классов появились классовые потребности и интересы, которые выражались в системе понятий, теорий, норм и ценностей. Эта система и получила название «идеология». А. Гоулднер не дает детального анализа функционирования общественного сознания в период, предшествующий эпохе Просвещения, а это дало бы ему возможность ясно увидеть, что так называемые им «предидеологические системы» представляют собой конкретные классовые идеологии – рабовладельческую и феодальную. Более близок к истине А. Гоулднер, когда характеризует мифологическое сознание как «предидеологическую систему». Действительно, во времена господства первобытно-общинного строя не существовало никакой идеологии, поскольку там отсутствовали классы, а следовательно и не было необходимости в теоретическом выражении классовых интересов.

Для А. Гоулднера носителями идеологии выступают большие социальные группы и прежде всего классы. Но сама идеология разрабатывается не всеми представителями этих социальных общностей, а наиболее образованными из них, т.е. интеллектуалами, у которых есть профессиональная возможность заниматься идеологической деятельностью. Разработанная слоем интеллектуалов идеология затем должна быть внедрена в сознание остальных представителей классов и социальных групп и трансформироваться затем в убеждения, в соответствии с которыми эти индивиды начинают действовать в целях сохранения или изменения существующего общественного строя. Внедрение идеологии в сознание масс осуществляется с помощью средств массовых коммуникаций определенными организациями, среди которых выделяются политические партии, специальные агентства, комитеты и т. п.

Корни любой идеологии А. Гоулднер видит в интересах людей. Для него интерес – источник, побудитель, заставляющий индивида или целые социальные общно-

сти действовать для достижения их целей. В процессе выдвижения и достижения целей социальные субъекты свои интересы осознают. А. Гоулднер делит интересы на личные, групповые, классовые и общественные. Он также выделяет политические, «материальные» и «идеальные» (Gouldner, 1976, P. 265) интересы. Политические интересы ориентируют людей на достижение политических целей. «Материальные» интересы характеризуют социальную позицию субъектов как носителей политического действия. «Идеальные» же интересы лежат в основе теоретического познания и близки прежде всего интеллектуалам.

Отчетливо понимая, что интересы находят выражение в практической и теоретической деятельности людей, А. Гоулднер указывает на наличие такой сферы сознания, в которой эти интересы выражаются в эмоциональной, стихийной, несистематизированной форме. Такая сфера сознания предшествует идеологии и называется у Гоулднера «парадигмой» (Gouldner, 1976, P. 219). В мировом обществоведении существует хорошо разработанное учение об общественном сознании, и та сфера сознания, которая отражает общественное бытие в форме чувств, привычек, проявлений воли, настроений и традиций получила название «социальной психологии». Вполне вероятно, что, используя понятие «парадигмы», А. Гоулднер хотел отмежеваться от принятой в марксизме и других западных социальных теориях терминологии в анализе структуры общественного сознания с тем, чтобы подчеркнуть оригинальность своей «рефлексивной» теории идеологии. Основная функция «парадигмы» – формирование у людей определенных эмоциональных состояний, которые бы давали им возможность усваивать ту или иную конкретную идеологию.

Идеологии несут же в себе совсем иную функциональную нагрузку. Одной из важнейших функций идеологии Гоулднер считает проективно-мобилизующую. Идеология побуждает массы действовать в определенном направлении, сплачивает их и толкает к изменению социальных институтов, и при этом она «выполняет свою проективно-мобилизующую функцию исторически определенным образом – «рационально» (Gouldner, 1976, P. 55). Политическая функция идеологии проявляется в том, что она выдвигает цели и указывает индивидам и социальным группам пути и способы их достижения. Поэтому, по Гоулднеру, сама становится «особым видом политики» (Gouldner, 1976, P. 85). Любая идеологическая система тесно связана с практикой, она трансформирует в определенном направлении политическую энергию масс и в этом смысле выступает как «призыв к действию» (Gouldner, 1976, P. 30). Для нее характерен «принцип единства теории и практики, опосредствованный рациональным рассуждением» (Gouldner, 1976, P. 30). Выделяет А. Гоулднер также и оценочную функцию идеологии (оценка бытия социальных групп с определенных классовых позиций).

В работах Гоулднера мы не встречаем открытого признания за идеологией познавательной функции. Однако с позиций его «рефлексивной» социологии отчетливо видно, что идеология есть духовное отражение протекающих в обществе процессов, а, следовательно, совокупность теорий, суждений, понятий о социальной действительности. Независимо от того, истинна или ложна эта теоретическая система, в ней в той или иной форме происходит познание общества.

Описание проективно-мобилизующей и политической функций является у А. Гоулднера, на наш взгляд, более широким, чем эти функции есть на самом деле. Характеризуя функциональный характер идеологических систем, он одновременно указывает на такие функции идеологии, которые мы назвали бы как регулятивную (регулирование поведения людей в соответствии с определенными ценностями), интегративную (сплачивает представителей социальных общностей и внедряет в их

сознание чувство единства), охранительную (любая идеология ведет непримиримую борьбу против чуждых идей и представлений).

Вопрос об отношении идеологии к науке, идеологии к истине встает перед любым теоретиком, исследующим природу идеологических систем. Не обошел его стороной и А. Гоулднер. Относя зарождение науки к эпохе Платона и Аристотеля, он утверждает, что только в эпоху Просвещения появляется наука в подлинном смысле этого слова, так как только в этот период набирает силу опытное естествознание. Ученые производят знания, которые должны верно, правильно отображать природную и социальную реальность.

Идеологию и науку создает интеллигенция как особый социальный слой, стремящийся к относительной самостоятельности по отношению к господствующим классам, но в то же время тесно с ним связанный. Интеллигенция отличается от правящей элиты тем, что последняя обладает собственностью, с помощью которой она активно влияет на интеллектуалов и заставляет их конструировать такой тип знания, который соответствует прежде всего ее собственным интересам.

В своих ранних исследованиях, являясь сторонником структурного функционализма Т. Парсонса, А. Гоулднер противопоставлял теорию, как наиболее важный продукт научной деятельности, идеологии, считая последнюю лишь рационализированной, систематизированной совокупностью верований и ценностей. С переходом его на позиции «рефлексивной» социологии изменилось и его отношение к науке и идеологии. Восприняв из неомарксизма критическое отношение к «репрессивному» обществу, он развил этот подход до предельных размеров. Резкому осуждению и обличению подвергается у Гоулднера вся культура современного ему «постиндустриального» общества за ее лицемерный, конформистский и антигуманный характер. Всю опасность создавшегося положения он видит в том, что правящая элита с помощью рациональных средств достигает бесчеловечных, иррациональных целей. Отсюда глубоко враждебное отношение А. Гоулднера к науке и научности вообще, а через них и к самой рациональности духовной культуры западного мира. Называя идеологию и науку символическими системами, он приходит к выводу, что эпоха Научно Технической Революции (НТР), поднявшая на небывалую высоту роль и значение профессиональных ученых (прежде всего естествоиспытателей), создающих научное знание, сделала из них «новый тип идеологов – технологов» (*Gouldner, 1976, P. 272*), отводя им значительное место в сложном механизме индустрии сознания.

Апеллируя к ограниченности западного гуманитарного знания (и естественно-научного в том числе), он ищет возможности преодоления этой ограниченности на путях ослабления влияния на ученых философско-методологических, а следовательно и идеологических предпосылок научной деятельности. Этому служит, например, выдвинутое им различие человека как социолога (принадлежащему к определенному научному сообществу) от социолога как человека (рассматриваемого прежде всего в абстрактном, антропологическом смысле). «Функция методологий высокой науки, - писал А. Гоулднер, - состоит в том, чтобы расширять пропасть между тем, что исследует социолог; и его персональной реальностью. Даже если предположить, что это служит утверждению объективности и уменьшению предвзятости, представляется вероятным, что это куплено ценой затуманивания самосознания социолога.

Другими словами, представляется, что в известном смысле вполне применима формула: чем более строга методология, тем более неумен социолог; чем более надежна его информация о социальном мире, тем менее проницателен он в своем знании о себе (*Гоулднер, 2003, С. 84*). Только социолог как человек, по его мнению, является носителем истинного знания о социальной реальности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Ходанович Владимир Николаевич**

Доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Кубанский казачий государственный институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

E-mail : Alkor7@bk.ru

Khodanovich Vladimir Nikolaevich

Associate Professor

Department of Humanitarian and Social-Economical Disciplines, Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management, (PKU)

E-mail : Alkor7@bk.ru

Литература

1. *Голднер А.* Наступающий кризис западной социологии. Санкт-Петербург: «Наука», 2003. 574 с.
2. *Gouldner A. W.* The dialectic of ideology and technology. The origins, grammar and future of ideology. N.Y.: Seabury press, 1976. 304 p.

References

1. Gouldner A. (2003). The Coming Crisis of Western Sociology. St. Petersburg: "Science", 574 p.
2. Gouldner A. (1976). W. The dialectic of ideology and technology. The origins, grammar and future of ideology. N.Y.: Seabury press, 304 p.

Поступила в редакцию

28 января 2021 г.

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

УДК 316

DOI 10.18522/2658-5820.2021.1.10

Анализ развития третьего сектора в России и Европе**Р.Н. Первякова***Южный федеральный университет,**г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Как показывают современные исследования в области развития некоммерческого сектора в различных странах, их тенденции претерпевают изменений. Если ранее деятельность организаций и активных граждан базировалась на принципах взаимопомощи и благотворительности своих стран, то чем ближе к современности, тем сложнее и загадочнее становятся взаимоотношения не только государственного сектора, бизнеса и общественности внутри страны, но и за ее пределами. Расширение спектра деятельности некоммерческих организаций привело к активизации гражданского населения в т.ч. и российских граждан. Большей частью которых выступает молодое население, стремящееся к «лучшей» жизни, посматривая на западные страны Европы и США. В западных странах развитие некоммерческого сектора началось задолго до того, как он пришел в страны постсоветского пространства, и это стало одной из причин более быстрого разветвления зарубежных НКО и распространения их в России.

Ключевые слова: демократия; третий сектор; некоммерческая организация.

Для цитирования: Первякова Р.Н. Анализ развития третьего сектора в России и Европе // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №1. С. 92.

Analysis of the third sector development in Russia and Europe**Raisa N. Pervyakova***Southern Federal University,**Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: As modern studies in the field of development of the non-profit sector in various countries show, their trends are undergoing changes. If earlier the activities of organizations and active citizens were based on the principles of mutual assistance and charity of their countries, then the closer to the present time, the more complex and mysterious become the relationship not only of the public sector, business and the public within the country, but also abroad. The expansion of the range of activities of non-profit organizations led to the activation of the civilian population, incl. and Russian citizens. Most of them are young people striving for a "better" life, looking at the western countries of Europe and the United States. In Western countries, the development of the non-profit sector began long after it came to the post-Soviet countries, and this became one of the reasons for the more rapid ramification of foreign NGOs and their spread in Russia.

Key words: democracy; third sector; non-profit organization.

For citation: Pervyakova R.N. Analysis of the development of the third sector in Russia and Europe // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol 4. No1. P. 92.

Становление и развитие «третьего сектора» в России имеет не столь давнюю историю как в других развитых странах, например в: США, Германии, Великобритании, Франции и пр. В связи с расширением оказываемых услуг населению представителями некоммерческих организаций интерес к исследованию развития третьего сектора в России возрастает. Современные авторы: А.В. Федотов, М.В. Ильичева, Е.Е. Гришина, Е.А. Цацура, А.В. Старшинова, Л.А. Платонова, Е.Г. Харитонова, В.А. МIRONЧУК, А.Н. Чернышов уделяют внимание изучению проблем развития некоммерческого сектора, взаимодействию власти и общественности, особенностям НКО России, профессионализму кадров. Кроме того, авторы изучают развитие третьего сектора в зарубежных странах: А. Тарасенко, А.С. Артамонова, А.В. Грищенко, Ю.А. Скокова. Также проблемами развития и функционирования некоммерческого сектора занимались Барбара фон Ов-Фрайтаг, Ж.Д. Цыбикдоржиева, Д.Н. Нечаев, А. В. Бабушкин и др.

Исследуя историю появления организаций гражданского общества (ОГО) в РФ невольно обращаемся к данному пути других стран. Германия считается родоначальницей появления первых общественных объединений, направленных на помощь нуждающимся. Гражданское общество в области социального обеспечения в виде зонтичных организаций (*Verbände*) насчитывает более 25 лет своей работы. Многие ведут свою деятельность с 19 века (*Панэ, 2016*). Вовлеченность ОГО в сферу социальных услуг стало приоритетным направлением, что было связано с деятельностью основных церковных организаций, действовавших, в том числе, и в качестве субъекта для объединения граждан с целью решения общих задач. Основной особенностью организаций гражданского общества Германии является их тесная связь с государством по принципу субсидиарности, а также корпоративистской модели взаимоотношений, т.е. вовлеченность членов объединений в процесс принятия управленческих решений (*Тарасенко, 2015*).

Одной из таких ОГО является Каритас (*Caritas*) (перевод – милосердие, жертвенная любовь, благотворительность) представляет собой совокупность 154 национальных католических благотворительных организаций, работающих в 198 странах и регионах мира, объединенных в международную конфедерацию «Каритас Интернационалис» («*Caritas Internationalis*»).

Целью одной из крупнейших благотворительных немецких ассоциаций является практическая реализация социальных услуг, гуманитарной помощи и развитие человека на основе католического христианства. Согласно официальным источникам, начало функционирования Каритас берет в ноябре 1897 года, когда по рекомендации католических социальных политиков молодой священник Лоренц Вертманн в Кельне основал Немецкую Ассоциацию Каритас. Члены новой ассоциации вскоре стали участвовать во многих сферах социальных нужд, вмешиваться в общественно-политическую жизнь: оказывали содействие сезонным рабочим, морякам, людям, страдающим алкоголизмом «*Tippelbrüder*», людям с физическими и умственными недостатками, страдающих венерическими заболеваниями, и другим. Немецкая ассоциация Каритас была признана немецкими епископами, как католическая благотворительность, выступающая за справедливое и солидарное общество. В дальнейшем многие события повлияли на развитие и сферы деятельности Каритас. В 1916 году немецкие епископы узаконили Ассоциацию Каритас как социальную службу католической церкви и заверили ее в своей поддержке. После смерти основателя Лоренца Вертманна у ассоциации была прочная организационная база. Его преемник, президент Бенедикт Кройц, продолжил этот процесс. Прежде всего, в двадцатых годах он создал обширную сеть учебных центров для возможности повышения квалификации сотрудников социальных профессий. После Второй мировой войны национальные Каритас образовались почти в каждой стране Европы и Америки. Первую международную помощь Каритас стала оказывать в конце 1950-х гг. в ситуациях, связанных после стихийных бедствий. После открытия «железного занавеса» 1991 году Каритас распространилась на в страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Чтобы скоординировать деятельность всех Каритас в 1950 году в Ватикане была создана международная конфедерация «*Caritas Internationalis*», являющаяся членом Конференции международной католической организации и Папского совета «*Com unum*».

«Видеть беды и действовать» – это лозунг штаб-квартиры Германской ассоциации Каритас, который означает: определять и озвучивать социальные проблемы и их причины, раскрывать скрытые страдания и защищать тех, кто не может эффективно представлять свои собственные интересы. На сегодняшний день штаб-квартира Немецкой Ассоциации «Каритас» влияет на политические решения, напри-

мер, при разработке социального законодательства или основных условий социальной работы в Германии и Европейском союзе (Die Caritas in Deutschland).

Возрождение Католической церкви в России после советского периода началось в конце 1980-х годов, этому способствовал священник из Германии, прелат Хартмут Каниа, который в 1991 году был направлен на служение в Россию и заложил фундамент благотворительной организации Каритас в Санкт-Петербурге (*Мартынович, 2011*). В июне 1992 года в Москве состоялся международный семинар «Caritas Internationalis», посвященный организации и приоритетам работы в России и других стран СНГ, а уже в январе 1993 года были зарегистрированы 6 организаций Каритас в России. С 1995 года «Каритас России» стала членом международной организации «Caritas Internationalis».

Главной организацией Каритас в России является «Каритас Архиепархии Божией Матери в Москве», которая основана в 1998 году в ее структуру входит 32 организации «Каритас», в работе участвуют свыше 600 добровольцев. Кроме того существуют другие: «Каритас Преображенской Епархии в Новосибирске», «Каритас Епархии Святого Иосифа в Иркутске», «Каритас Епархии Святого Климента в Саратове» общей численностью 37 организаций с сотнями добровольцев (*«Каритас» в России*).

Несомненно, цели и задачи, согласно официальной информации, представленной на многочисленных сайтах данной организации, благородные. Предоставление безвозмездной помощи в различных направлениях всем нуждающимся, кроме как милосердие, по-другому и не назовешь.

Почему Россия стала местом активизации появления ОГО? В начале 2000-х годов президент России В.В. Путин акцентировал роль гражданского общества «в качестве ассистента государства в социальной сфере», а также заявил: «Часть работы в социальной сфере, конечно, может быть передана в сферу деятельности некоммерческих организаций... нужно снимать остающиеся барьеры для их деятельности в сфере социального обслуживания, здравоохранения, образования, в других смежных отраслях» на Общероссийском форуме в 2015 году (*Тарасенко, 2015*).

Как показал анализ состояния гражданского общества России, проведенный Гражданским форумом ЕС-России, регулярное политическое давление на ОГО привело к его разделению на организации, пользующиеся непосредственной поддержкой государства, и осуществляющие оказание социальных услуг, вовлекая волонтеров, и организации, которые прилагают все больше усилий для осуществления деятельности, а также стремятся уйти от пристального надзора государства. В результате появляются новые НПА, регламентирующие деятельность общественных организаций, их финансирование и отчетности, определяющие понятия социально-ориентированных НКО и организации, выполняющих функцию иностранного агента. Кроме того, Индекс гражданского общества CIVICUS, что измеряет степень, в которой государство обеспечивает открытое гражданское пространство, относительно свободное от ограничений и правового давления, показал, что Россия подавленная страна. Индекс помещает страны в несколько категорий по степени открытости: открытые, стесненные, ограниченные, подавленные, закрытые. Данные полученные в 2019 году показали такие оценки на примерах стран: Эстония и Швеция – открытые, Словакия и Великобритания – стесненные (*CIVICUS, 2019 CIVICUS 2020*). Авторы Доклада считают, что в России государство продолжает побуждать одни ОГО брать на себя задачи по оказанию социальных услуг и сокращать деятельность тех, кто защищает права человека. Государством поддерживаются деполитизированные группы в таких областях как социальное обеспечение и спорт, в то время как правовой режим дал государству больше возможностей давления на другие ОГО, которые выражают недовольство и несогласие с ним решениями власти. Кроме того, цели организаций

определяют отношение государственных органов через выпуск законодательных актов к ОГО (*Доклад..., 2019*).

С точки зрения государственных структур ОГО максимально популяризируют информацию о своих опасениях оказаться в неладах с государством, выражают недовольство нормами законодательства, регламентирующими контрольные функции над организациями, особенно финансируемыми из-за границы. Настаивают, на признании того, что их свобода ограничена в выборе сферы деятельности и возможности рассчитывать на государственные, президентские гранты.

Усиление гражданского участия, сплоченность и мобильность через социальные сети увеличило приток молодого поколения в общественных объединениях, что, с одной стороны, является положительным аспектом в формировании гражданского общества России, а с другой – увеличился риск утечки современной молодежи в европейские страны. Изобретаются новые способы обойти попытки государства контролировать и ограничивать нежелательную деятельность общественных организаций, что влечет риски провокаций и протестов в отношении государственной политики в различных областях: экологии, образовании, медицине и прочее.

Если провести аналогию участия молодежи в Германии, то немецкое молодое поколение почти полностью вовлечено в различные общественные и благотворительные организации. Почти каждый второй немец является членом хотя бы одного объединения. Только в Берлине вносят в реестр по два клуба почти каждый день с 2012 года. Число ассоциаций, представляющих интересы граждан, составляет 51% от общего числа (*Windau, 2017*).

Анализ, проведенный среди молодежи России на примере Ростовской области, показал низкую вовлеченность студентов в сферу гражданской активности, что обусловлено низкой информированностью молодежи о возможности участия в общественной жизни, формальным характером большинства гражданских практик, ограниченным количеством времени для осуществления деятельности, несвязанной с места учебы или работы (*Верещагина, Зайцева, 2020*). Согласимся с авторами исследования в том, что эти причины являются, действительно, важными и проблемными для активизации молодежи России.

Ключевой проблемой, на наш взгляд, является налаживание диалога и взаимодействия между государственными структурами и общественными организациями. Согласимся с мнением Т.А. Васильевой в том, что НКО, включённые «в публичную социальную политику государства, способствуют укреплению авторитета самой власти, расширяют социальную базу публичной политики», кроме того не устранены бюрократические барьеры, осложняющие процесс взаимодействия (*Васильева, 2009*). По результатам исследования, проведенного А.Н. Новгородцевой, Н.И. Сивковой, Е.Л. Сысолятиной в Свердловской области по оценке заинтересованности субъектов власти в развитии некоммерческих организаций, был сформулирован ряд выводов о том, что властные структуры заинтересованы в сотрудничестве с НКО, т.к. видят в них эффективный инструмент для быстрого разрешения острых социальных противоречий, но НКО нуждаются в организационной поддержке со стороны государства (*Новгородцева, 2020*). Однако, по мнению членов НКО России, их работа проходит в нестабильной и неблагоприятной нормативно-правовой среде, а также в условиях отсутствия диверсифицированных источников финансирования и недостатка квалифицированных кадров. Существует момент «текучести» зарегистрированных организаций, т.е. число зарегистрированных новых НКО почти равно числу исключенных из списка зарегистрированных за аналогичный период. Например, в 2017 году зарегистрировано 14 тысяч новых организаций, при этом исключено из списка 18 тысяч, а всего с 2011 года прошли регистрацию 114 тысяч новых организаций, а за

крыто – 116 тысяч НКО. Нормативно-правовая база в сфере некоммерческого сектора направлена на выявление приоритетных организаций, действующих в социальной сфере и ограничений деятельности организаций, работающих в области защиты прав человека, экологии и другими научными исследованиями, особенно финансируемых из-за рубежа (*Доклад..., 2018*).

Принимая во внимание все больше возрастающее количество НКО на территории России, существующее за деньги иностранных государств, руководство страны, опасаясь ложных благородных целей данных организаций, вынуждено предотвращать появление рисков подрыва национальной безопасности государства, вербовки через участие молодого поколения граждан, утечки специалистов и прочее через разработку требований законодательства, регулирующего деятельность всего третьего сектора России. Таким образом появилось деление НКО по статусам:

- 1) «социально ориентированные некоммерческие организации»;
- 2) «социально ориентированные некоммерческие организации - исполнители общественно полезных услуг»;
- 3) «организации, выполняющие функции иностранных агентов»;
- 4) «нежелательные организации».

Последние три типа организаций включены в соответствующие реестры, которые ведутся федеральным Министерством юстиции и региональными органами власти, что позволяет усилить государственный контроль над деятельностью НКО. Кроме того, появились новые источники государственного финансирования, государственные программы поддержки с целью усилить замену иностранного финансирования. Задачи государства вполне понятны из нормативной базы, организации мероприятий, форумов и прочего, а вот истинные цели НКО не всегда соответствуют действительности.

Одной из популярных организаций, кроме того одной из многочисленных по филиалам и членам, является Трансперенси Интернешнл (Transparency International) – это некоммерческое партийное политическое независимое движение единомышленников со всего мира, посвященное глобальной борьбе с коррупцией. Transparency International была основана в 1993 году доктором Питером Эйгеном и его товарищами в Лондоне и Берлине и действуют на международном уровне на данный момент более чем в 100 странах. В России она представлена «Центром антикоррупционных исследований и инициатив Трансперенси Интернешнл – Р» (*Тарасенко, 2015*).

Участники организации «ТИ – Р» исходят из того, что власть подлежит контролю со стороны общества, и именно этот контроль является главным залогом прозрачности, подотчетности, порядочности и честности государственных органов. Цель организации направлена на освобождение от коррупции государства, политики, бизнеса, гражданского общества и повседневной жизни людей (*«Трансперенси»..., 2018*).

Организация взяла на себя ответственность и обязательства выявления фактов коррупции в многочисленных странах, кроме того определила монополию представления ежегодной оценки Индекса восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, ИВК). По данным Трансперенси Интернешнл, опубликованным за 2020 год, Россия заняла 129 место из 180 возможных, набрав 30 баллов (из 100), и делит место с Азербайджаном, Габон, Малави и Мали. Значение ИВК в 30 единиц говорит об «очень высоком уровне восприятия коррупции».

Проанализировав деятельность международных некоммерческих организаций и НКО России, можно сделать вывод, что, несмотря на возрастающую роль третьего сектора и делегирование ему государственных услуг, остаются значительные трудности в развитии третьего сектора. Для европейских НКО основными проблемами остается порядок финансирования, а вот для российских – сложности возникают с

момента регистрации организации и до фактического осуществления деятельности. Но, несмотря на ряд барьеров, Россия открыта для взаимодействия с европейскими партнерами. Гражданское общество активно участвует в филиалах международных организаций на территории России и стремится перенять опыт работы этих организаций. Волонтерство набирает популярность среди молодого поколения, что свидетельствует о желании молодых граждан быть полезными. В то же время государствам стало сложно обходиться без деятельности НКО, власть старается поддерживать третий сектор, таким образом перекадывая ряд обязанностей на активные группы граждан. Для взаимовыгодного сотрудничества властям придется высоко оценивать волонтерскую работу, предоставлять налоговые льготы, а также осуществлять справедливое финансирование НКО. Гражданское общество России и европейских стран, независимо от менталитета, стремится активно участвовать в управлении своим государством через организацию общественных движений.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Первякова Раиса Николаевна

Аспирант

Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

E-mail: pervya.com@mail.ru

Pervyakova Raisa Nikolaevna

Postgraduate student

Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

E-mail: pervya.com@mail.ru

Литература

1. *Васильева Т.А.* Взаимодействие государственных органов власти и негосударственных некоммерческих организаций как институтов гражданского общества в современной России: тенденции, противоречия, перспективы развития : автореф. дис д-ра полит. наук. М., 2009. 48 с.
2. *Верещагина А.В., Зайцева А.А.* Факторы социального поведения студентов вузов Ростовской области в гражданской сфере // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 235-236.
3. Доклад о состоянии гражданского общества в ЕС и России 2018. Режим доступа: https://eu-russia-csf.org/wp-content/uploads/2021/01/20200630_EU-RU-Report2019_final.pdf
4. Доклад о состоянии гражданского общества в ЕС и России 2019. Режим доступа: https://eu-russia-csf.org/wp-content/uploads/2021/01/20200630_EU-RU-Report2019_final.pdf
5. «Каритас» в России. Режим доступа: <http://www.caritas-spb.org.ru/about/caritas-st-petersburg/caritas-in-russia>
6. *Мартынович Е.* Монсеньор Хартмут Каниа. Режим доступа: <http://www.caritas-spb.org.ru/about/hartmut-kania>
7. *Новгородцева А.Н., Сивкова Н.И., Сысолятина Е.Л.* Власть и некоммерческие организации (НКО) в регионе: трудности взаимодействия (на примере Свердловской области) // Общество, политика, экономика, право. 2020. № 9(86). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-nekommercheskie-organizatsii-v-regione-trudnosti-vzaimodeystviya-na-primere-sverdlovskoy-oblasti>
8. *Папэ У.* Германия относительно благополучие / У. Папэ // Доклад о состоянии гражданского общества в ЕС и России 2016. Режим доступа: www.eu-russia-csf.org
9. *Тарасенко А.* Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб.: Норма, 2015. 224 с.
10. «Трансперенси» добилась увольнения сотен руководителей государственных и муниципальных унитарных предприятий. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/special/transperensidobilas-uvolneniya-soten-rukovoditeley-gosudarstvennykh-i-munitsipalnykh-unitarnykh-predpriyatiy.html>
11. CIVICUS. Отчет о состоянии гражданского общества 2019. Режим доступа: https://www.civicus.org/documents/reports-andpublications/SOCS/2019/state-of-civil-society-report-2019_executive-summary.pdf

12. CIVICUS (2020). Мониторинг слежения за гражданским пространством (2020). Режим доступа: <https://monitor.civicus.org/govtindexes/>

13. Каритас в Германии и во всем мире. Режим доступа: <https://www.caritas.de/diecaritas/wofuerwirstehen/>

14. Виндау, Б. Рост числа опрошенных некоммерческих организаций / Б. Виндау // А.-Л. Новости проекта Штракельян Обзор ZiviZ 2017. Режим доступа: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/unsere-projekte/zivilgesellschaft-in-zahlen/projektnachrichten/ziviz-survey-2017/>

References

1. Vasilyeva T.A. (2009) The interaction of state authorities and non-state non-profit organizations as institutions of civil society in modern Russia: trends, contradictions, development prospects. (Doctoral Dissertation, Moscow). Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003484032#?page=11>

2. Vereshchagina, A.V., Zaitseva, A.A. (2020). Factors of social behavior of university students in the Rostov region in the civil sphere // State and municipal management. Scholarly notes. No. 3. P. 235-236.

3. Report on the state of civil society in the EU and Russia (2018). Available at: https://eu-russia-csf.org/wp-content/uploads/2021/01/20200630_EU-RU-Report2019_final.pdf

4. Report on the state of civil society in the EU and Russia (2019). Available at: https://eu-russia-csf.org/wp-content/uploads/2021/01/20200630_EU-RU-Report2019_final.pdf

5. Caritas in Russia (2019). Available at: <http://www.caritas-spb.org.ru/about/caritas-st-petersburg/caritas-in-russia>

6. Martynovich E. Monsignor Hartmut Cania (2021). Available at: <http://www.caritas-spb.org.ru/about/hartmut-kania>

7. Novgorodtseva, A.N., Sivkova, N.I., Sysolyatina, E.L. (2020). Power and non-profit organizations (NPO) in the region: difficulties of interaction (on the example of the Sverdlovsk region). Society, politics, economics, law. 9(86). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-nekommercheskie-organizatsii-v-regione-trudnosti-vzaimodeystviya-na-primere-sverdlovskoy-oblasti>

8. Pape, W.. Germany relative well-being. State of Civil Society Report 2016 in the EU and Russia (2016). Available at: www.eu-russia-csf.org

9. Tarasenko A. (2015). Non-profit sector in the countries of the European Union and Russia in the context of the transformation of the welfare state. St. Petersburg: Norma.

10. "Transparency" has achieved the dismissal of hundreds of heads of state and municipal unitary enterprises (2018). Available at: <https://transparency.org.ru/special/transperensi-dobilas-uvolneniya-soten-rukovoditeley-gosudarstvennykh-i-munitsipalnykh-unitarnykh-predpriyatiy.html>

11. CIVICUS (2019). State of Civil Society Report 2019. Available at: https://www.civicus.org/documents/reports-andpublications/SOCS/2019/state-of-civil-society-report-2019_executive-summary.pdf

12. CIVICUS (2020). Monitor Tracking Civic Space. Available at: <https://monitor.civicus.org/govtindexes/>

13. Die Caritas in Deutschland und weltweit (2021). Available at: <https://www.caritas.de/diecaritas/wofuerwirstehen/>

14. Windau, B. Umfrage Zahl der gemeinnützigen Organisationen wächst. A.-L. Strakeljah. Projektnachrichten ZiviZ-Survey (2017). Available at: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/unsere-projekte/zivilgesellschaft-in-zahlen/projektnachrichten/ziviz-survey-2017/>

Поступила в редакцию

14 февраля 2021 г.

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Также предполагается возможность публикации в данном издании исследований, ориентированных на изучение актуальных проблем развития других регионов современного мира в координатах профиля журнала.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – не более 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

• *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация <i>(объем от 200 до 300 слов)</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, <i>(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.</i> Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке <i>Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).</i>
Аннотация на английском языке <i>(объем от 200 до 300 слов)</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис..... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : дис..... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в *APA formatting and style guide* можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Author Guidelines

The journal accepts the articles for actual theoretical and practical issues of the research of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

The design of the articles meets the standards of international scientific journals in order to be accepted to the international databases in future.

Focus and Scope:

The journal offers the following subject headings in correspondence to the profile of the edition:

1. Geopolitics of the Great Caucasus.
2. Religions and Regions in the Great Caucasus.
3. Ethnology of the Peoples in the Great Caucasus.
4. Civilizations and Cultures in the Great Caucasus.
5. Social Institutions in the Region: Past, Present, Future.
6. Discussion Tribune.
7. Reviews.
8. Youth Format.

Languages of Publication:

The journal includes publications of articles in English and Russian.

The **recommended length** of articles is no more than 40 000 characters, spaces included, including illustrations, schemes, footnotes, bibliography, abstract and keywords.

Typesetting of article texts must be carried out on computers in the MS Word program (A4 format, one-and-a-half line spacing, font size 14, Times New Roman, justified alignment, margins from the top, bottom, left, right - 2 cm, page numbering is solid, starting with the first).

Schemes, tables, photographs and pictures must be numbered and are presented with the titles (inscription) or headings..

The recommended level of originality of the article is 80%

improper:

- Verbatim copying of another author's text of without attribution of his authorship, without reference to the source and the use of quotation marks.

- Incorrect paraphrasing, in which more than one sentence is changed within one paragraph or section of the text, or the sentences are arranged in a different order without a corresponding reference to the source.

- Use of graphic elements of another author's work without attribution (figure, table, etc.) and reference to the source. Authors must obtain permission from the copyright owner to use elements of their work.

- Self-plagiarism. If fragments of the manuscript were previously published in another article, the authors are obliged to refer to the earlier work, indicate what is the significant difference between the new work and the previous one and, at the same time, identify its connection with the research results and conclusions presented in the previous work.

- Self-citation. The references should not contain more than 20% of the works of the authors of the manuscript.

References are placed after the main text (at the end of it). The recommended number of used sources is 20-25.

The article are accepted by the **e-mail**: csb.journal@mail.ru

Information about the author

Title
First Name, Last Name (Anna Ivanova) Scientific degree, title, position E-mail: Tel .:
Affiliation
Abstract (Length 200-300 words) <i>Should contain the information on the purpose, structure, methods, conclusions of the re- search</i>
The keywords must consist of 5–10 words, separated by a semicolon
Highlights <i>Should reflect the key results of the research, presented in 3-5 items of the bulleted list</i>

The structure of the article

The article should be written in the international format – **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Each part of the article reveals certain questions.

Introduction	What is the problem of the research? The introduction should determine the nature of the problem, indicate the purpose of the research, present its hypothesis and justify the importance of the study
Materials and Methods (Theoretical basis)	How was the problem studied before?
Results	What are the main findings or even discoveries? This part presents the results of the research in a clear logical sequence, without interpretation of the results. It is here tables, drawings and graphics are most often used.
Discussion	What do the results mean? The discussion should focus on the interpretation of the results and other related materials. This part should explain the importance of the observed opinion for the purpose of the study; link the results to the hypothesis.
Conclusion	The conclusion should summarize the results and its significance, describe the consequences and practical meaning of the research, give recommendations, if possible.
Acknowledgments	Reference to the grant (if any).
References	

Reference to bibliographical literature must be made **within the text** round brackets (Surname of the first author, year of publication. page).

For example, (Acemoglu, 2003. P. 630).

The bibliography should include only the sources used in the article with the links. The sources are listed alphabetically.

References

The design of References is based on **APA Style**, developed by the American Psychological Association, and widespread in social sciences. For more information: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

EXAMPLES:

BOOKS

Author (Year of publication). *Title*. Place of publication: Publishing house.

Cornell, S. (2005). *Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus*. London and New York: Routledge.

ARTICLES

Author (Year of publication). *Title*. *Journal*, Volume, Issue, Pages.

Barnes, L. (2005). Religion, Education and Conflict in Northern Ireland. *Journal of Beliefs Values*, 26(2), 123–138.

ELECTRONIC RESOURCE

Title. (Year of publication, if any). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

THESIS

Author (Year of publication). *Title*. (Doctoral Dissertation, University, City)

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

BOOK UNDER THE GENERAL EDITORSHIP

Author (Year of publication). *Title*. In Editors (Eds.). Place of publication: Publishing house.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

ARTICLE IN THE CONFERENCE PROCEEDINGS

Author (Year of publication). *Title*. In *Conference title: Proceedings of the Scientific Conference*. Place of publication: Publishing house.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

